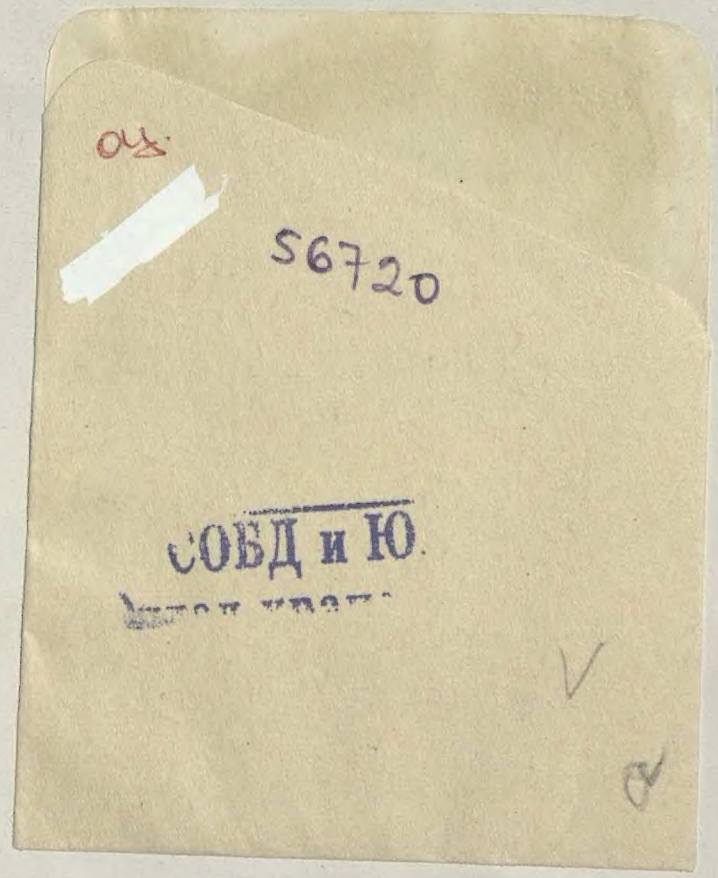
94
Б 75
УРАЛ

Боевые ребята

№ 7

ОГИЗ • СВЕРДЛГИЗ • 1948


56720
СОВД и Ю

94
Б 75

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

567720

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

ОГИЗ
Свердловское Областное
Государственное Издательство
1948

94:3

20 OCT 20

БАЛЛАДА О ПИОНЕРСКОМ РАЗВЕДЧИКЕ

Константин Мурзиди

Рисунок Е. Гилевой

Шел мальчик один по тропинке лесной,
Минуя бугры и полянки.
А боязно все же порою ночной
Итти к партизанской землянке.

И кажется, ждет уже враг впереди,
Трещат не сучки, а затворы.
Но слышит он голос: «Не бойся, иди,
Не знают чужие дозоры.

Ты должен быть смелым в разведке,
в бою,
Как лучшие воины были.
Ты помнишь меня? Узнаешь?» — Узнаю!
Ребята тебя не забыли.

«Ты слышишь меня? Не пугайся, что
враг
В расправах становится злее.
Однажды в лесу пережил я свой страх,
Чтоб шел ты сегодня смелее.

Я был бы таким же солдатом, как ты,
Быть может, разведчиком даже.
Теперь я гляжу из ночной темноты,
Стою пионером на страже.

Недаром я кровь тогда отдал свою
Врагу ненавистному, зверю.
Ты помнишь меня? Узнаешь?» — Узнаю...
«Ты веришь мне?» — Знаю и верю...

Он шел, удивляясь себе самому,
И думал: почудилось, что ли?
Шагал все смелее в полночную тьму,
Не чувствуя страха и боли.

На самой заре в партизанский отряд
Пришел он, и люди с тревогой
Его окружают и так говорят:
— Откуда? Какою дорогой?

Ты, может быть, новую тропку нашел,
Не думал о вражьих угрозах?
— Меня к вам сегодня разведчик привел,
Зовут его Павлик Морозов.

Услышав, поднялся прославленный дед
С понятным сомненьем во взгляде,
Сказал, что такого разведчика нет
В его партизанском отряде.

Но тут подошел партизан молодой:
— Я понял, была в тебе вера,
Та самая вера, что тропкой ночной
К победе ведет пионера.

И юный связной, улыбаясь, кивнул...
И тихой предутренней ранью
Из тесной землянки на тропку шагнул,
И снова ушел на заданье.

...Когда ему трудно бывало в бою,
Он слышал слова ободренья:
«Ты помнишь меня? Узнаешь?» — Узнаю!
И снова бросался в сраженье.

(По повести «Малышок»)

И. Лукстанов

Рисунки Б. Кондратьева

АНКЕТА КОСТИ МАЛЫШЕВА

В просторной, хорошо натопленной комнате отдела кадров было шумно. Эвакуированные подростки, только что приехавшие в Н-ск, оформляли свое поступление на завод. Те, кто имел документы, уже получили продуктовые карточки и готовились отправиться в столовую, потом в баню и в общежитие, а не имевшие документов, пристроившись где придется, заполняли анкеты.

Получив личный листок по учету кадров, Костя Малышев растерялся: в листке было много вопросов, и на каждый нужно было дать ответ в письменной форме. Хорошо, что и в этом деле Костю не оставил его друг, Миша Полянчук, который познакомился с Костей час тому назад и заинтересовался уральским мальчонкой. Миша помог ему устроиться на подоконнике и снабдил огрызком чернильного карандаша.

— Пиши: Малышев Константин... Как там дальше?

Прикусив нижнюю губу и покраснев, Костя принялся выводить фамилию. Миша, заглянув через его плечо, догадался:

— Извиняюсь, Малышев-Малышок! Ты же неграмотный!

Это было не совсем правильно. В общем Костю можно было считать грамотным человеком, но, в зависимости от времени года, он владел грамотой то лучше, то хуже. К концу школьных занятий он писал неплохо, а к началу занятий руки, огрубевшие в работе на прииске или строительстве, выводили каракули.

— Вижу, какой ты грамотей! — сказал Миша. — Говори, а я буду писать. — Он отобрал у Кости карандаш и задал первый вопрос: — Ты мальчик или девочка, только не ври?

— Будто не видишь! — обиделся Костя.

— Так и запишем: «Девочка, нос немного сапожком, на щеке ямка, на подбородке еще одна», — озабоченно забормотал Миша, но, конечно, написал правильно, что Костя мальчик, а о ямках ничего не написал.

— Где родился?

— В Ивделе... А жил в Румянцевке. Там недалеко...

— Национальность твоя русская?

— Русские мы... А у нас и манси-вогулы есть.

— При чем тут манси? Зачем ты меня путаешь?

Конечно, манси были не при чем, и Костя шмыгнул носом.

— Что родители делали?

— Батя, как живой был, на золоте старался. Митрий тоже золото мыл.

— И много намыл? — заинтересовался Миша. — Пуд или вагон?

— Что ты — пуд! Ему фарта не было. Мне и то боле везло.

— А там у вас золота очень много было?

Этот вопрос задал стройный, худощавый паренек лет пятнадцати, в черном пальто и такой же кепке, из-под которой выбивались отросшие пепельные легкие волосы. Его глаза, устремленные на Костю, — большие, темные, блестящие, — так и светились.

— За золотом собрался? — насмешливо осведомился Миша. — Не мешай, золотоискатель! Видишь, люди делом заняты.

Они вернулись к анкете, а мальчик в черном пальто, назвав Мишу задавакой, отошел. Оказалось, что на некоторые вопросы отвечать совсем легко, нужно только ставить черточки: партийный стаж — черточка. Это значит, — нет стажа. Ученая степень — черточка. Степени тоже нет. Участие в выборных органах, служба в армиях — черточки.

— Какое семейное положение? — спросил Миша. — Кто тебе родной?

— Брат Митрий на фронте. А еще дядя Семен Иванович... Я к нему в Н-ск приехал, а он... тоже на фронте.

— А почему ты не написал ему, прежде чем ехать?

— А почем я знал, что он на фронте?

Услышав этот удивительный ответ, Миша убежденно заявил:

— Нет, ты определенная ворона!

Глаза Кости налились слезами, губы задрожали, и Миша понял, что во всей этой истории гораздо меньше смешного, чем казалось со стороны. Его лицо на минуту затуманилось, он написал: «Больше никого нет», и сказал в утешение:

— Не кисни! Поступишь на завод — не пропадешь. Вот только лет тебе мало... Как бы отдел кадров не заметил... Ну, авось, сойдет... Подпишись, сдадим анкету и — обедать.

Что ни час — на заводы Урала приезжали тысячи рабочих, эвакуированных с берегов Днепра, Невы и Дона. Были здесь и воспитанники ремесленных училищ, и просто подростки, потерявшие родителей в военной грозе. Был среди них и уральский паренек, Костя Малышев, который случайно примкнул к группе эвакуированных ребят, когда одинокий в чужом городе слонялся по вокзальной площади.

— А я из города Харькова, с реки Лопань да Нетечь, которая хоть лопни не течет, — рассказывал Миша. — Не успел вот ремесленное училище кончить...— Он вздохнул и тихо добавил:— У меня отец, мать в Харькове остались. Убьют их, наверно, немцы, а ты что думаешь?..

Он сказал это, когда они с Костей обедали в заводской столовой, и суп показался Косте горьким.

ДВА В ОСТАТКЕ

По окраинной улице, растянувшись цепочкой, шли подростки с чемоданчиками, баулами, рюкзаками. Они громко, на всю улицу делились наблюдениями: «А тут совсем как деревня». «И дома все деревянные», «Трамвай здесь не ходит». Шумную процессию вел небольшой человек, размахивая на ходу стареньким портфелем. Он останавливался то у одного, то у другого дома и, заглянув в список, выкрикивал:

— Давай сюда трех мальчат! Пятерку мальчат!

Он отбирал сколько требовалось мальчиков, уходил с ними в дом, через минуту появлялся снова и командовал:

— Пошли ножками-ножками! — Когда процессия стала совсем коротенькой, он, заглянув в список, крикнул: — Давай сюда семерых! — открыл очередную калитку и, пропуская ребят во двор, сосчитал: — Один мальчик, два мальчика, семь мальчиков! Эй, восьмого не нужно! Восьмой, подожди!

Седьмым был Миша Полянчук, а восьмым Костя Малышев. Калитка захлопнулась перед самым его носом.

— Этот со мной! Он со мной хочет устроиться! — зашумел Миша, отрезанный от своего друга.

— Не командуй, парень! — осадил его провожатый. — Ступай в дом!

С беспомощным видом Костя посмотрел на подростка, который стоял, прислонившись к телеграфному столбу, засунув руки в широкие карманы своего черного пальтишка. Его темные глаза улыбнулись Косте.

— А нас куда? — спросил Костя растерянно. — Тут и улице конец...

— Чего испугался? — пожал плечами паренек. — На улице не бросят... Наверно, нас вместе устроят. Это хорошо — ты мне понадобишься.

Что это означало? Но калитка открылась, появился провожатый, посмотрел на мальчиков, ожидавших решения своей участи, и взмахнул портфелем.

— Совершенно правильно! — отметил он. — Бухгалтерия сошлась, два в остатке. В самый раз. Пошли, ребята, ножками-ножками!

Они двинулись через пустырь. На улицу выскочил Миша.

— Не кисни, Малышев-Малышок! — крикнул он. — Скоро увидимся!

— Ладно, ладно! — откликнулся провожатый. — Чего там киснуть... Не на плохое пареньков веду...

За большим пустырем и за холмиком было продолжение улицы. Здесь расположился новый выводок домишек, которые еще не успели одеться: один без забора, у другого крыша не закрыта с торцов, третий нацепил ставни только на половину окон. Дом, к которому они подошли, стоял на высоком фундаменте из серого камня, имел и забор с карнизом, и ворота с козырьком, и лавочку на толстых бревнышках у калитки.

— Будете жить у Галкиных, — сказал провожатый и постучал кольцом калитки.

Спустя минуту в просторной, светлой кухне галкинского дома открылось совещание. Решающий, но очень приветливый, певучий голос принадлежал старушке с круглым приветливым лицом. Рассматривая мальчиков, она говорила нараспев:

— Уж думала, раздумала да и снова надумала. Пускай молодые люди у нас живут. Только смотри, Яков Петрович, если ребятки балованные, так ты их сразу забери. Катюша на меня беда как рассердилась, зачем мальчиков на квартиру пускаю, мальчишки, мол, все озорные. — Она вздохнула и добавила: — А дровец скорее доставь, Яков Петрович. Мой Вася отопление-то не успел заготовить. На дворе холодно стает, топить надо, а у меня дров — сам видел — раз обогрелся да и заговелся...

— Не волнуйтесь, Антонина Антоновна, все будет в порядке, — успокоил ее провожатый, хлопнув кепкой по колену. — Дрова на этой неделе лично заброшу. Семью фронтовика не заморозим. А что касается постояльцев, так не от меня это зависит. Велел директор девочек поближе от завода расселить, а мальчат — на Нагорную улицу. Выбрал, которые сзади плелись, в глаза не прыгали, да кто их знает. Может, в каждом полтора беса сидит. Так вы с ними, в таком случае, построже.

— Куда уж мне, — улыбнулась Антонина Антоновна. — С внучкой и то справиться не могу. Забрала в голову, что должна школу бросить, на завод пойти, фронту помощь оказать. — Она вздохнула. — Вот из дому сбежала поперечная душа, чтобы квартирантам «здравствуйте» не сказать...

— Да, Екатерина Васильевна — барышня характерная, — согласился с нею Яков Петрович, расправил кепку, натянул ее на лысую голову и заторопился. — Вы же смотрите, ребята! Попали вы в интеллигентный дом и ведите себя благородно. Чужого, понятно, не берите, не пакостите. По дому помогайте, — воды там принести или дров, обратно, наколоть. Мужчин в доме нет — хозяин на фронте... Завтра с утра на завод явитесь, на работу вас поставят. Засмеявшись, он хлопнул Костю по плечу: — Эх вы, работнички! Интересно, чего наработаете!

Мальчики проводили его взглядом. Косте стало совсем тоскливо, и его серые глаза потемнели, а другой мальчик тоже потупил взгляд, нахохлился. Антонина Антоновна не торопилась стучаться в сердца маленьких жильцов; она только спросила, как их звать. Костя едва слышно назвал себя, а его сосед отрекомендовался:

— Всеволод Иванович Булкин.

— Что же, Костя и Сева, посмотрите, где жить будете.

В БОКОВУШКЕ

Это была просторная боковушка с бревенчатыми стенами. Дверь в нее вела из сеней. В боковушке было два застеленных деревянных топчана, имелся еще столик и табуретка... Антонина Антоновна рассказала мальчикам, что боковушку пристроил к дому ее вдовый сын Василий, чтобы в тишине писать диссертацию по своей калильной специальности.

Да вот не пришлось Васеньке сделать, как задумал, — ушел воевать, и пристройка стала лишней.

— А нательное бельецо у вас есть? — вдруг спросила она. — Покажите, сынки, ваше добро?

В узелке, развернутом Костей, была длинноухая шапка из молодого оленьего меха, полотенце и алюминиевая кружка; Сева вынул из своего фанерного баула пару трикотажного белья, летние белые туфли и голубое вязаное кашнэ.

— Голь перекатная! — невольно вырвалось у старушки. — Дождем шито, ветром подбито...

— Я не голь! — обиженно возразил Сева. — Мы хорошо в Каменке жили. Не хуже, чем вы...

— Папаша-то что делал?

— Агроном эмтээс, — с гордостью ответил Сева. — А теперь он партизан против немцев.

— А мама где? — нерешительно спросила Антонина Антоновна.

— В Каменке осталась, — отрывисто проговорил Сева, отвернулся и стал приводить в порядок баул, а когда старушка ушла, он сказал: — Хорошо живут... Видел, какая у них в гостиной мебель? Мягкая, под чехлами. У нас тоже такая... даже лучше. Фикусы большие. На полу шкура медвежья. Посмотрев в оконце, он нашел крупный изъян в хозяйстве Галкиных: — Сеновал у них без сена. Коровы, наверно, совсем нет, а у нас две сразу.

— И собаки нет, — отметил Костя. — У Митрия тоже две было: Муська да Кусачка.

— Две коровы?

— Не, собаки...

После всего пережитого в этот удивительный день Костя размяк в теплой боковушке, глаза заколол острый, блестящий песок. Он нащупал в пояске брюк тамгу — свое единственное богатство — лег на жесткий тюфячок, укрылся шершавым одеяльцем, и это ложе показалось ему таким теплым, таким мягким, что он улыбнулся. Сон прильнул к нему и оттеснил все думы.

Он заснул...

«ТАНК ПРИШЕЛ!»

...И, как ему показалось, тотчас же проснулся.

Разбудил его хриплый, страшный крик. С сильно бьющимся сердцем Костя сел на топчане. Было темно-темно, но он разглядел, что на другом топчане тоже кто-то сидит и не сразу сообразил, что это Сева.

— Ты что?.. — спросил Костя. — Чего кричишь?

— Танк!.. Танк пришел!.. — быстро и хрипло проговорил Сева.

— Какой танк?..

Освобождаясь от кошмара, Сева прерывисто вздохнул и ответил:

— Немецкий...

— Привиделось тебе... приснилось...

Что-то пробормотав, Сева улегся, но Костя почувствовал, что его сосед прислушивается к тишине, и от этого ему было неспокойно.

— Видел я танки, — сказал он, чтобы нарушить тревожное молчание. — В старательском клубе в кино парад показывали. Много танков!

— То не такие... То наши — со звездой.

— А какие еще?

— А этот с крестом... фашистский. — И Сева объяснил: — Немцы в Каменку на танках прорвались. — Помолчав, он нерешительно продолжал, точно проверяя себя: — Танк с улицы в наш дом пришел... все как повалится, мама как закричит... Потом смотрю — белый такой крест, а в середине черный... Танк через спальню прошел...

— Зачем же он? — шопотом спросил пораженный Костя.

— Чтобы через двор на другую дорогу выйти... Фашисты — гады! Они хотят, чтоб советской власти не было, чтобы мы рабами были... — Сева вдруг спросил: — А ты, правда, золото добывать умеешь?

— Мылся, — солидно подтвердил Костя.

— А как это... моются? Ты мне расскажешь? Мне нужно! Мы на одной станции долго стояли, — полдня. Там за вокзалом дом и на стене большой плакат: «Старатели, дадим больше драгоценного металла! Больше золота — больше танков, самолетов, орудий для разгрома ненавистного врага!» Надо добыть на Урале много золота, сделать столько танков, чтобы было больше, чем у немцев. Сразу все на немцев пустить — всех передавить! Понимаешь?

Он говорил с увлечением, горячо... Костя перебрал в памяти все, что они с Митрием покупали в старательском магазине, когда у них водилось золото. Брали они лопотину — одежду, обутки — обувь, муку, крупу, масло, чай да сахар... А еще там были всякие консервы, патефоны с пластинками, и мало ли чего не было в магазине, который принимал золото от старателей.

Свернувшись клубочком, Костя, прежде чем заснуть, подумал о том, как хорошо было бы раздавить всех фашистов танками, потом о Митрии. Лишь один родной человек был у Кости — веселый, добрый Митрий, заменивший ему родителей, которых Костя лишился давно. Где теперь Митрий? Далеко, на фронте. Костя один на свете. Спасибо, что его приняли на завод, накормили, в баню сводили, устроили на квартиру. Что он будет делать на заводе? Он ничего не умеет по-городскому. Ему только и приходилось, что мыться-стараться на золоте, да молотком на строительстве бараков стучать, да еще немного белковать — белку бить... А что если ему скажут: «Не годишься ты на завод, да и лет тебе мало. Ступай, куда знаешь». Поможет ли ему Миша Полянчук? Может быть, и поможет — он хороший человек, этот Миша, и как жаль, что их разлучили.

Сева тоже долго не мог уснуть. Долго не возвращался сон, спугнутый танком. Вдруг пригрезился белый домик под черепичной крышей, в густом саду. На крылечке стояла мама и ласково звала: «Севушка, пора обедать!» Слезы обильно потекли по его лицу. Он знал, что придет танк с белым крестом и все повалится, и он, выбравшись из дома, побежит, куда глаза глядят, будет бежать долго-долго, пока не встретит красноармейцев. И уедет на Урал, и не вернется в белую, зеленую Каменку...

«НА ЗАВОДЕ ОСТАНУСЬ»

На другой день утром рабочие, шедшие на завод, наблюдали такую картину: ворота широко распахнулись, на улицу с заводского двора выкатил трактор-тягач, тащивший за собой гремящий лист толстого железа. На этом листе, как на подносе, цепляясь друг за друга, чтобы сохранить равновесие, стояло несколько человек — высокий, полный старик-мастер в бушлате и кепке, задорно сидевшей на круглой голове, и несколько подростков. Были среди них и наши знакомые — Костя Малышев и Сева Булкин.

— Куда направились, Герасим Иванович? — спрашивали рабочие, здороваясь со старым мастером. — Хорошую карету себе выбрали!

— На разъезд поехали, эвакуированный инструмент собирать! — кричал в ответ старик, перекрывая грохот железного листа. — А карета неплохая... Весь завод увезти можно!

— Побольше инструмента берите! Без инструмента, товарищ Бабин, — как без рук...

— Сам знаю, — отвечал мастер.

Сосновая роща осталась позади, тягач выехал к полотну железной дороги и свернул на пустырь. Костя почувствовал, что рука мастера Бабина, лежавшая у него на плече, стала тяжелой. Он поднял глаза и увидел, что Герасим Иванович нахмурился тучей, его глаза смотрели и встревоженно, и печально.

— Глянь, что творится, глянь! — сказал он, велел шоферу остановить тягач и зашагал вдоль полотна железной дороги.

Сначала Косте показалось, что под высокой насыпью разросся какой-то странный густой кустарник с толстыми стволами и короткими, причудливо изогнутыми ветками. Но нет, это был не кустарник; это были сотни и сотни различных станков, выгруженных под откос. Некоторые станки были покрыты густым слоем желтого сала, а каждый рычаг обернут промасленной бумагой, но на других уже появилась красная ржавчина.

— Что натворил фашист поганый, сколько техники с места сорвано, — бормотал старый мастер, качая головой.

— Откуда это, дядя? — спросил Костя.

— Откуда? С юга, а может, из Ленинграда. Наши увезли, чтобы техника Гитлеру-собаке не досталась...

— Герасим Иванович, надо все станки забрать! Чего они будут здесь стоять! Скоро снег пойдет, засыплет их, — наперебой заговорили ребята.

— Куда их возьмешь? — с грустью возразил Бабин. — Станок не человек... Человек везде притулится. Ему бы только койку поставить — он уже и кум королю. А станок в цех затащи, да к энергии подключи, да рабочую силу дай. Станок сам крутиться не будет. Где столько цехов в городе найдешь, где рабочих наберешь? — и он махнул рукой.

К приехавшим подошел сторож в короткой шинели, с винтовкой за плечами.

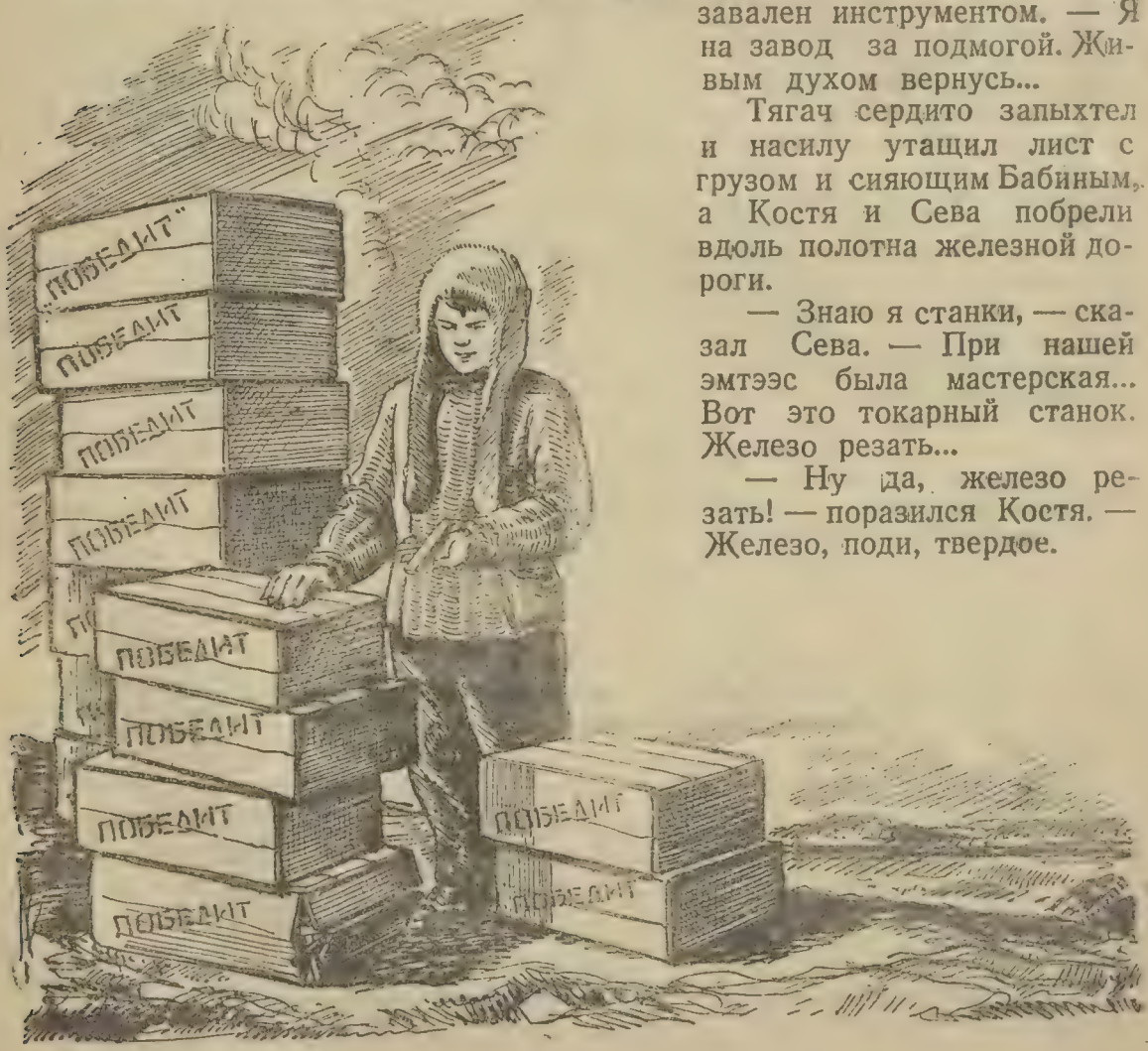
— С какого завода? — спросил он. — Что брать будете? — и, когда мастер протянул ему бумажку, он перевесил винтовку с плеча на плечо, попросил закурить, сразу подружился с гостями и сообщил, что ночью пришел еще один эшелон с заводской техникой, — станки разгрузили аккуратненько, а инструмент без церемоний высыпали вон за тем тополем.

Пошли за тополь. На мастера напала жадность.

— Тягач, давай сюда! — закричал он и стал копаться в том, что на взгляд Кости было только железными брусками, плашками, гайками с красивыми бороздками, а вот Бабин дрожал над этим, как над сокровищем. — Батюшки, батюшки мои! — говорил он, сдвигая кепку то на ухо, то на лоб. — А фрезов, фрезов сколько! Собирай, галчата, собирай; подряд клади на лист! Теперь наш заводик подкуется!

Сначала работа показалась легкой, и Костя рассматривал инструмент: что это за бруски с блестящими пластинками-коготками на конце? Для чего они? Но расспрашивать было некогда.

— Ребята, здесь останься! — распорядился старик, когда лист был завален инструментом. — Я на завод за подмогой. Живым духом вернусь...



Тягач сердито запыхтел и насилу утащил лист с грузом и сияющим Бабиным, а Костя и Сева побрели вдоль полотна железной дороги.

— Знаю я станки, — сказал Сева. — При нашей эмтээс была мастерская... Вот это токарный станок. Железо резать...

— Ну да, железо резать! — поразился Костя. — Железо, поди, твердое.

— Подумаешь, твердое! Даже сталь, поди, режут, а сталь в сто раз тверже. Вот тебе и поди! — Он поднял с земли брусок с острым коготком и прочитал такую лекцию: — Этот резец, поди, вставляют в это, — и он показал на станок. — Это быстро крутится, а резец режет... Стружка получается железная, медная и стальная тоже. Красивая такая...

— Ага! — кивнул головой Костя, будто все понял. — Вот бы научиться железо резать... — нерешительно проговорил он.

— А я на заводе все равно не останусь, я больше пользы принесу... — ответил Сева многозначительно.

Его глаза заблестели. Он проскользнул между станками, туда, где лежало много ящиков. Из одного ящика высыпались красные, будто огненные, бруски.

— Что это? — нетерпеливо спросил Сева, протянув Косте тяжелый брусок. — Золото, да?

— Станут тебе золото бросать, — усмехнулся Костя. — Медь это.

— А говоришь на Урале золота много.

— Много, да взять трудно.

— Вот найду верного товарища, чтобы был со мною заодно, и... — и Сева подождал, что скажет Костя.

Подумав немного, Костя решил:

— Зима скоро... На заводе останусь. Может, научат... железо резать.

— Я так и знал, что ты все наврал про золото... — презрительно сказал Сева. — Не умеешь золото добывать, а то разве ты остался бы на заводе!

— Не врал я! — омрачился Костя. — Я на металл везучий. И сам найду, а коли что от манси хоть сколько золота принесу. Мне брат Митрий тамгу дал... У него дружков-манси много было... По этой тамге золота сколько хочешь возьму, — и огорошив товарища этой таинственностью, пошел к ребятам.

Послышалось пыхтение тягача.

— Давай сюда, галчата! — весело крикнул Герасим Иванович. — Получай хлеб, сало... Вода в бочке.

После завтрака снова началась погрузка. Было уже не так легко, как в первый раз. Руки стали черными, на бушлатах и пальто появились пятна ржавчины, кто-то отдавил палец и сосал его, сидя в стороне, другой уронил тяжелый резец на ногу. Бабин сделал с железным листом три рейса, потом привел, кроме тягача, две трехтонки с рабочими. Унялся он только тогда, когда солнце склонилось к сосновой роще.

— Шабаш, ребята! — сказал он. — Пока хватит. Поработали славно. Накормлю я вас на верхосытку. Директор дал талоны на усиленное питание.

УРАЛЬСКАЯ КАША

Замазанные, усталые, веселые ребята заняли два столика в обеденном зале. Они получили лапшу с жирным мясом, рыбные консервы с лапшой и пудинг из лапши. «Лапша на лапше», — пробормотал Сева,

но, покончив с пудингом, пожаловался: «Совсем дошкольная порция...»

— Малышок! Как живешь, корешок?

Миша! Это был Миша Полянчук, о котором Костя сегодня часто вспоминал и которого очень хотел увидеть. Он широко улыбнулся из-за большой кружки с чаем, а Миша присел рядом.

— Как устроился на квартире? — спросил он. — Тепло, чисто, дождь у вас не идет? Ну, вот, значит, ты и устроился на заводе. Будешь рабочий не хуже других. Правда?

— А что на заводе делают? — спросил Сева.

— А, знаменитый золотоискатель тоже здесь! — воскликнул Миша и, наклонившись к Севе, шепнул так громко, что все услышали: — Не спрашивай, что у нас делают, а то арестуют за шпионаж. А узнаешь — молчи, как гроб. Мы уральскую кашу для Гитлера стряпаем, чтобы он подавился...

— Что болтаешь, хлопец! Глупый разговор, — строго остановил его Бабин. — Ты старше других ребят, вот и должен их поведению учить, а не шутки шутить. Шуткой начнешь, правду ляпнешь, а шпиону пожива. Наш завод делает штуки простые, детали всякие. А что именно, — ша!

— Гайки да балалайки, — подсказал один из пареньков, сидевших за этим же столиком.

— Болтать не нужно, — продолжал Герасим Иванович. — Работаем мы на военную тайну, — значит, молчок.

За столиком стало тихо.

— Пока прощевай, Малышок! — сказал смущенный Миша. — Ты в каком цехе будешь!

— В молодежном механическом, в первой бригаде, — ответил за Костю мастер Бабин.

— Токарить, значит, научится?

— Пока в подсобных рабочих новички походят... Девчат на это дело не поставишь.

По выражению мишиного лица Костя понял, что его друг не очень обрадован таким решением. Подсобным? А что делает подсобный? — Костя не решился спросить.

Дома у ворот им повстречалась внучка хозяйки дома Катя Галкина и еще толстая девочка в очках, — эвакуированная с Украины Леночка Туфик, которая жила недалеко от Галкиных со своей матерью медработницей.

— Нас учениками токаря на завод приняли, — с радостью сообщила Катя. — Завтра сразу за станок станем, в бригаде товарища Бабина. А ты тоже будешь токарем, да?

— Подсобными будем, — пробормотал Костя.

— А что подсобные делают? — не поняла Катя.

Леночка всплеснула руками.

— Ой, я знаю! Подсобники стружку из цеха вывозят, заготовки таскают. Абсолютно неинтересно!

— Очень мило! — протянула Катя. — Я думала они токари, а они просто подсобники несчастные, — и с обидным смехом она ушла в дом.

— Глупо! — пустил ей вслед Сева, но когда мальчики вошли в боковушку, он сказал: — Дожил! Золото добывать умеет, а будет мусор из цеха таскать. Может быть, тебя это и устраивает, а меня нет — нет!

Конечно, было немного обидно, что Костю не поставят за станок, но, с другой стороны, радовало то, что его оставили на заводе — на маленьком, но вовсе не чепуховом заводе, который стряпал какую-то таинственную уральскую кашу. И... он все же надеялся, что рано или поздно его научат резать сталь.

«ДА ИЛИ НЕТ?»

Дни бывают хорошие и обыкновенные, но бывают и неважные. Правда, таких дней в общем немного, хоть на том спасибо. Вот как начался один из таких дней в жизни двух подсобных рабочих первого цеха — Кости Малышева и Севы Булкина.

— Говорят тебе, не смей умываться из нашего рукомойника!

— Малышку в кухне умываться можно, а мне непременно под сеновалом?

— Малышок воду носит и, когда умывается, на пол не хлюпает. Убери эту грязную тряпку!

— Подумаешь, только у тебя хорошее полотенце, токарь знаменитый! Станок задним ходом запустила, а резец тупым концом зажала. Весь цех со смеху покатился...

— Не ври, Булка, сонная муха! Бабушка, не верь ему! Станок не имеет заднего хода. Он только и умеет врать, этот Булкин-Прогулкин.

Подобные перепалки были не редкостью между Севой и занозистой Катей, которые не поладили с первого же дня, но на этот раз схватка получилась особенно горячей. В боковушку Сева вошел непривычно оживленный. Он бросил полотенце на топчан, кусочек мыла на подоконник, натянул шапку-ушанку, потом ватник, сел на пол, призадумался, снял ботинки, достал из баула белые туфли, надел их и зашнуровал...

— Ты чего это? — удивился Костя.

— Нужно! — и, отделавшись этим содержательным ответом, пообещал: — В другой раз я твоей Катьке надаю горячих, — пускай только еще назовет Булкиным-Прогулкиным!

— Чего там она моя, — откликнулся Костя, покраснев. — Дурак ты...

— Зато ты умный. Недаром такие длинные уши выросли.

Он намекнул на длинноухую оленью шапку, которую теперь носил Костя. Эту шапку купил ему Митрий у манси, ни у кого на заводе не было такой замечательной шапки, но именно поэтому над Костей посмеивались товарищи. Ладно! Глупый смех не в обиду, но Костя все же надулся.

Зима нагнала серых туч, насыпала снега и урезала день дальше некуда. Когда Костя и Сева вышли из дому было еще темно, однако не настолько темно, чтобы белые туфли Севы остались незамеченными. В воротах на мальчиков налетела подруга Кати — Леночка Туфик и испугалась:

— Наверно, Катя уже ушла! — Тотчас же она увидела на Севе белые туфли и рассмеялась: — Ой, подсобник по снегу на бал отправился, ненормальный!

— Тебе дело! — осадил ее Сева.

Мальчики шли молча. В последнее время отношения между ними испортились. Сева упорно добивался, чтобы Костя сказал «да», но Костя твердил «нет». Он не согласен, — и делу конец! Он по глупости рассказал Севе о синем тумане и даже показал тамгу самого старого манси Володьки Бахтиарова, но из этого вовсе не следует, что он хочет отправиться за золотом. Он надеялся, что Бабин сделает его учеником токаря и, кажется, надеялся не напрасно. Старый мастер относился к нему хорошо, так как Костя быстро привык к заводу. Он уже знал, какие есть станки и для чего они, он с завистью приглядывался, как его товарищи в молодежном цехе режут сталь, и... словом, Косте все сильнее хотелось стать токарем и вовсе не тянуло в синий туман, особенно сейчас, зимой.

На углу в утренних сумерках замаячила фигурка в ватнике и большой теплой шапке с торчащими ушами.

— Здорово, деятели! — сказала она тоненьким голосом.

Сева ответил: «Здорово», а Костя промолчал. Он недолюбливал ученика токаря из ремонтного цеха Кольку Глухих, с которым подружился Сева. Этот Колька был худенький, с румяным хорошеньким личиком, как у девочки, и очень суматошный, беспокойный, увлекающийся. Особенно не нравилось Косте то, что Колька с насмешкой относился к заводской работе, будто все чепуха, а настоящие дела должен совершить он — Колька. Пустой человек! Но одного у него нельзя было отнять — он прочитал много интересных книг и занятно рассказывал, как живут дикие индейцы, как они снимают скальпы, как матросы плавают по морям и как надо охотиться за тиграми, слонами и китами. Кроме того, он носил значок «Ворошиловского стрелка» и говорил, что два раза просился на фронт у старшего военкома, но его не взяли, потому что не вышли года. О его домашних делах было известно очень мало: он жил с матерью и сестрами в собственном домишке, а отец — гвардии капитан — воевал на фронте.

Из кармана Колька вытащил книгу и вручил Севе.

— На... Это «Всадник без головы». Очень интересная. Первой страницы нет, но ты поймешь.

— Читал я «Всадника». А где «Золотая лихорадка»?

— У Ваньки Белобородова. Послезавтра отдаст. Ага, ты надел белые туфли! Думаешь, так тебе и выпишет Бабин новые ботинки?

— Должен выписать спецобувь. У моих ботинок подметки отстали. Я их отдам починить и спрячу... для похода.

— Понятно! — одобрил Колька.

Разговор возобновился, когда мальчики вышли на холм.

— Ну как, он согласен? — обратился Колька к Севе.

— Ну как, ты согласен? — спросил Сева у Кости. — Да или нет?

Костя ускорил шаги, уходя от вопроса, который будто прилип к его спине.

— Понравилось стружку таскать? — насмешливо проговорил Сева.

— Меня за станок поставят, — ответил Костя. — С завода самоволом уходить нельзя, судить будут, — привел он еще одно соображение.

Нагнав его, Колька пошел рядом, то и дело оступаясь с узкой тропинки в сугробы.

— Ты пойми, ты как следует обдумай свое положение! — заговорил он горячо. — Какую пользу ты принесешь фронту? Ты чернорабочий, и только. Ну, поставят, предположим, тебя токарить. Когда ты еще настоящим токарем станешь? Через год, а то и через два.

— Раньше разряд получу...

— Второй? Вот это разряд! А когда мы из тайги вернемся, о нас в газетах напишут и все на фронте узнают.

Сердце Кости сжалось: как надоело ему таскать стружку, как часто мечталось о родных местах, где уже давно начался зимний промысел. Хоть бы на минутку перенестись в Ивдель, в Румянцевку, сбегать в тайгу с берданкой Митрия, подышать родным воздухом...

— Не хочешь с нами в тайгу итти, и не нужно, не ходи. Ты нам тамгу продай. За сколько хочешь. Понимаешь? —продолжал убеждать Колька.

— По дороге вас поймают, — сказал Костя, чувствуя, что железный обруч все сильнее сжимает сердце. — Мне же и попадет...

— Наврал он! — вмешался Сева. — Выдумал про золото, а теперь вертится.

— Нет, это правда, — возразил Колька. — Я тоже слышал, что манси иногда показывают русским хорошие золотые места. Только нужно друга-манси иметь. Так что же ты скажешь, Малышок? — просительно продолжал он, заглядывая в лицо Кости. — Соглашайся, ей-богу!

Послышался заводской гудок. Сначала он был слабый, далекий, хриплый, а потом окреп и стал совсем близким. Он повис над холмом, покачался в воздухе, нашел Костю, ворвался в его сердце, и сердце сразу очистилось от смуты. Нужно было спешить на работу, — вот и все.

— Да ну тебя, чего привязался! — сказал он Кольке и в тот же миг слетел с тропинки под уклон, в глубокий снег.

— Шакал! — крикнул Сева. — Фронту помочь не хочет! В другой раз я тебя еще не так!

В глазах у Кости стало темно. Снег и сухая глина осыпались под дрожащими руками, а когда он, наконец, выбрался на тропинку, обидчики были далеко.

ТАМГА

Проходили день за днем, Костя стал полезным человеком в бригаде мастера Бабина. Он не только таскал стружку на свалку, — он выполнял также всякие поручения мастера: привезти заготовки, сбегать с требованием в инструментальный склад; его можно было видеть то в одном цехе, то в другом, и всегда он был занят, озабочен... Но кончался день, и Костя с завистью наблюдал, как ребята в молодежном цехе

56720
ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

сдавали учетчице, старенькой тете Паше, свою дневную выработку — всякие мелкие детали.

Костя уже знал, что делает завод, и тем более завидовал своим товарищам: они работали на «катюшу», грозная «катюша», о которой рассказывались такие чудеса, ждала их труда, а Костя был тут как будто не при чем. Правда, без подсобных рабочих завод тоже не может обойтись, но одно дело подсобник, а совсем другое — токарь или слесарь. В свободные минуты он, как зачарованный, торчал возле станка Кати Галкиной или Леночки Туфик.

Девочки, особенно Катя, важничали. Катя, худенькая белокурая синеглазая девочка, немного старше Кости, разрезала трубки-заготовки на колечки, успевала сделать больше, чем Леночка, и успевала также обидеть Костю.

Однажды она сказала:

— Знаешь, Малышок, мне скоро разряд дадут... А когда тебя поставят за станок? Мне кажется, что ты всегда будешь подсобником...

Он нахмурился:

— Не бойся, захочу, так не буду подсобником.

— Ой, конечно, его сразу сделают главным инженером! — прыснула смешливая Леночка.

Все это было обидно, тяжело... Как нарочно, Миша перешел работать на заводской филиал в десяти километрах от города, и не с кем было Косте поговорить по душам. А когда Миша наведался на завод, Костя уже окончательно решил, что токарем его не сделают.

Они с Мишей сидели в заводском красном уголке... Костя оглянулся, убедился, что поблизости никого нет и с таинственным видом проговорил:

— А я тебе что-сь скажу. Дело есть...

— Большое? Международного масштаба? Ну, выкладывай — усмехнулся Миша.

Вынув свой складной ножик, Костя отвернулся, распорол шов на поясе брюк, достал кусочек бересты, свернутый в тугую трубочку, развернул и протянул заинтересованному Мише.

— Что это?

— Тамга — не видишь, что ли...

— Действительно, тамга, как живая! — шутливо обрадовался Миша, разглядывая рисунок, сделанный на бересте голубой краской. — Вот только жаль, я не понимаю, что значит тамга. Смешной человечек держит лук и три стрелы... А на что эта тамга?

— Ты ее какому хошь манси покажи, а он тебя к самому старому Володьке Бахтиарову сведет. Ты ему тамгу дашь, а он с тобой в синий туман пойдет...

— Что за синий туман?

Когда Костя кончил повесть о святом озере с поющими рыбами и золотым дном, Миша спросил:

— Извиняюсь, гражданин, зачем вы мне рассказываете детские сказки? Неужели ты веришь этим глупостям? Веришь кусочку березовой коры?

Особенно обидело Костю, что его друг так и выразился: «Извиняюсь, гражданин!» Лицо обладателя тамги омрачилось, губы крепко сжались.

— Я дело сказываю, — проговорил он наконец. — Не глупости это.

— Значит, ты мне серьезно предлагаешь пойти за золотом?

— Предлагаю вот, — проронил Костя. — Как знаешь — так бери.

— Хорошо, рассмотрим вопрос технически, — серьезно сказал Миша и положил свою руку на жесткую руку мальчика. — Пускай даже все обстоит, как ты говоришь. Кто нас отпустит с завода?

— Ну, не отпустят, — многозначительно произнес Костя.

— Значит, сбежать — ты это предлагаешь?

Не слова товарища обеспокоили Костю, а та подозрительность, которая в них прозвучала: Миша смотрел на своего маленького товарища так, будто увидел чужого человека.

— Металла сколько принесем! — проговорил Костя, чтобы поскорее укрепить свою позицию. — По десять килограммов верных возьмем. Правду говорю!..

— Допустим, принесем мы это золото, — что дальше? Богачами станем? — допытывался Миша.

Началось самое трудное. В словах Миши звучало насмешливое презрение. Обладатель тамги чувствовал, что это касается не только всей затеи, но и его, Кости, к которому еще минуту назад Миша относился так доверчиво. Он понял, что погибает в мнении своего товарища.

— Мы себе только на лопотину, ну, на обзаведение малость оставим, а все остальное сдадим, — поспешно объяснил он. — Оружие всякое купить — танки, самолеты... Севолод сказывает, нам танков как больше нужно, фашистов раздавить.

— Вот, оказывается, в чем дело! — с облегчением проговорил Миша, и на его худощавом загоревшем лице появилась обычная усмешка. — А я думал, что ты о своем кармане заботишься. Три четверти вины прочь! Теперь слушай, Малышок-корешок. Если даже все то, что ты мне рассказал, — чистая правда, я в этом деле тебе не товарищ. На заводе никто тамге и поющим рыбам не поверит, никто нас не отпустит, а бежать с завода я, понятное дело, не хочу. Это будет предательством, понимаешь. Я — комсомолец, Костя, а комсомольская честь дороже золота. Как я могу нарушить приказ комсомола. Теперь скажи, кто такой этот Всеволод, какое отношение он имеет к синему туману?

Когда Костя объяснил, что Сева Булкин это тот самый золотоискатель, которого Миша видел в день приезда на завод, когда Миша узнал, что Сева с Колькой Глухих добиваются, чтобы Костя повел их за золотом, он снова встревожился.

— Золотоискатель тебя на побег подбивает — очень просто! Непременно попрошу Зиночку Соловьеву, чтобы она взялась за вашу компанию. Вы сдуру такого натворите, что всю жизнь не расхлебаете. Пускай Зиночка вам мозги прополощет — она это умеет.

Дело обернулось неладно: Костя испугался, что вмешается комсорг молодежного цеха Зиночка Соловьева, а Сева и Колька подумают, что он их выдал, хотя сам же завел разговор о синем тумане.

— Ты Зиночке-то не сказывай, — пробормотал он.

— А глупости бросишь?

— Что же мне в подсобниках ходить?

— А откуда ты взял, что тебе закрыта дорога к квалификации? Говорят, что завод будет расширяться, нам дадут еще много станков. Ясно, что ты первый кандидат в токари. Словом, выбрось из головы свою глупую затею!

— Ладно, — согласился Костя, обрадованный доброй вестью о расширении завода. — Мне и самому неохота в тайгу уходить, да больно уж надоело подсобничать.

— А золотоискателю передай, что без его золота наше государство обойдется, — продолжал Миша. — Подумаешь, герой нашелся! Золота и сейчас на Урале добывают немало. Уверяю тебя! Но сейчас дороже всего другое золото: наши руки. Они сделают столько оружия, сколько нужно, да еще полстолько. Пускай золотоискатель обо всем этом подумает, прежде чем в туман собираться.

На сердце у Кости становилось все легче: сердце понимало, что настоящее место Кости на заводе, что он не имеет права бросать производство, что брат-фронтовик Митрий сейчас не позволил бы ему этого.

ЗОЛОТАЯ МИНУТА

Все случилось так, как говорил Миша.

В цехе появились новые станки, привезенные с разъезда. Их установили на фундаментах, осмотрели, смазали, подключили к энергии и станки ожили. Сначала они были некрасивые, ржавые, но люди сняли ржавчину наждачной шкуркой, не пожалели краски, и станки заблестели как новенькие.

В самом конце молодежного цеха, за колоннами, были установлены четыре устаревших станка фирмы «Буш», так как завод решил использовать и устаревшую технику.

И вот... Старый мастер Герасим Иванович привел Костю, Севу, Катю и Леночку за колонны.

— Четверо вас... Вчетвером живете на одной улице, — сказал он. — Ставлю я вас на «Буши». Будете точить деталь «трубу». Дело не трудное — поучит вас токарь Стукачев из второго цеха. Установлена норма — двадцать труб в день. Освоите норму — разряд получите. Вы, девчата, уже за станками работали, вам будет легче, чем Булкину и Малышеву. Вот и помогите им, чтобы дело лучше пошло.

— Авось, сами как-нибудь обойдемся, — пробормотал Сева.

Тут как раз явился токарь Иван Стукачев, кудрявый, веселый парень, окинул ребят смеющимся взглядом и сказал:

— Времени терять не будем! Сейчас я вам объясню устройство «Бушей», а завтра начнем практическую учебу. Итак, начинаем...

Так перед Костей открылась дорога к станочной квалификации.

Каждый человек имеет золотые минуты, они никогда не забываются Костя Малышев прожил на свете немного, но уже имел несколько таких минут. Они случались тогда, когда Костя учился важному, нужному

делу. В таких случаях его сердце радостно билось, так как он сразу становился больше. Как билось его сердце, когда он на лесной охоте снял с лесины белку, поднятую Муськой! Митрий похвалил его за удачный выстрел, а он почувствовал себя не лишним человеком на земле и с тех пор особенно подружился с тайгой, она стала его слугой и кормилицей.

В цехе токарь Стукачев с утра сказал Косте:

— Ты, Малышев, возле моего станка частенько стоял, все глаза проглядел. Ты все головой знаешь, значит, руки должны сделать. Приказываю тебе не пугаться, а делать все самостоятельно и не как-нибудь, а отлично, мастерски!

— Воображаю, мастер-кнастер! — тихонько бросила Катя.

— Не сбивай парня! — оборвал ее Стукачев и пожаловался: — Недружная компания мне досталась! Каждый себя лучше других считает... Не обращай внимания, Малышок, начинай, да крепче держись!..

Он сказал это без своей обычной усмешки, так как понимал, что наступил серьезный час в жизни вчерашнего подсобника. Спасибо ему! Но все же Костя чувствовал себя беспомощным, может быть, потому, что в его спину вонзились тысячи раскаленных булавок, так как девочки и Сева искоса наблюдали, как поведет себя Костя.

«Делай, сынок!» — шепнул Стукачев добродушно, и ученик стряхнул оцепенение. Он взял торцовый ключ, не сразу попал в отверстие на патроне и стал поворачивать ключ одеревяневшими пальцами. Голова знала, как это делается, а руки были хоть оторви да брось.

«Как будто хватит», — шепнул Стукачев, а может быть, сам Костя это подумал. Действительно, кулачки в патроне разошлись достаточно. Он поднял с пола заготовку, принялся вставлять в патрон, и это далось ему не сразу. «Мало развел», — подумал он, но заготовка вошла в патрон, он обрадовался и поскорее зажал ее... «Толк!» — Как только голова поняла, что она знает правильно, руки стали слушаться ее немного лучше, но они все еще двигались будто ощупью. «Тавот!» — подсказал Стукачев. Набрав из баночки на лучинку желтого тавота, Костя смазал то место, где заготовка должна была прикоснуться к конусу задней бабки, чтобы заготовка легче вращалась... Затем он стал повертывать штурвальчик задней бабки. «Нажми!» — шепнул Стукачев; он нажал крепче, конус бабки вошел в отверстие заготовки. Уф! Ему стало жарко и душно...

Самое важное было впереди. Решительная минута приближалась. Вот уже и заготовка на месте, и обдирочный резец поставлен.

— Включай! — приказал Стукачев.

Подняв руку, Костя осторожно коснулся белой кнопки «ход». Станок ни с места. За спиной послышался подавленный смешок. Костя крепко ткнул в кнопку, на щетках мотора блеснули зеленые искорки, толстый ремень привода со свистом скользнул по блестящему шкиву, патрон сделал первый оборот. Стукачев склонился над Костей, взял его правую руку, положил на стальную рукоять и начал медленно ее поворачивать. Резцедержатель плавно двинулся к вращавшейся заготовке. Расстояние между ними все сокращалось...

— На нониус смотри! — сказал Стукачев, обдав Костю махорочным дымом. — Как только нолик станет против черточки, вот этой неподвижной, — хватит...

Рукоятка была вставлена в алюминиевый кружок, а на этом кружке были выгравированы деления и цифры. Кружок поворачивался вместе с рукояткой, и вот нолик стал как раз против черточки на неподвижной части алюминиевого обода. Костя поднял глаза и увидел, что теперь край резца приходится возле края заготовки. Стоило сдвинуть его влево хоть немного, и он должен был врезаться в металл.

— Я сам, — сказал Костя хрипло.

— Сам — так сам! — согласился Стукачев.

Он снял свою руку, и дрожащей, неуверенной руке Кости стало холодно, одиноко... «Давай рычаг самохода», — шепнул Стукачев, и Костя нажал книзу стальной рычаг...

Случилось то чудо, о котором он мечтал, то чудо, о котором он так часто мечтал. По его воле все ожило, все пошло! Резец коснулся вращавшейся заготовки, будто притянутый ею. Что-то заскрипело. С заготовки сбежала и завилась стружка, сначала узкая, а потом шире... «Буш» нетерпеливо задрожал. Сталь резала сталь! Нет, это не сталь резала сталь, а глаза Кости снимали с трубы-заготовки слой металла, превращали его в стружку, и стружка дымилась, отгибалась, потрескивала, хотела вырасти в длинную-длинную и не успевала, — ломалась, падала под станок, исчезала с глаз.

Не сталь резала сталь, а он, Константин Малышев, резал ее своей волей. Он имел в жизни несколько золотых минут, но эта минута была удивительной, потому что он управлял станком, машиной. Он, Костя Малышев, превращал черную, грубую заготовку в блестящую «трубу» для «катюши», он был хозяином станка и хозяином металла. Грозная «катюша» ждала его труда, и он спешил отдать ей свой труд.

— Теперь слушай дальше, — сказал Стукачев.

Костя слушал его и ушами, и глазами, а руки горели — поскорее подвести резец, включить самоход и смотреть, смотреть... Много радостей, много всяких радостей может быть у человека, но почему эта радость взлетает так высоко, что открывается весь мир — широкий мир! — и этот мир становится родным, собственным. Как бы мал и слаб ни был Костя, он изменял этот мир, — вот в чем дело. Была черная, шершавая труба-заготовка, а он коснулся ее резцом, она стала дорогой и нужной, потому что в нее вошел его труд, его умение... Чего не сделает человек, который научился резать сталь! Вот горы — он их сроет, вот реки — он их запрудит, вот тайга — он прорубит в ней широкие просеки и построит города, вот немец идет на его землю войной — и он пожжет и на куски разорвет проклятого фашиста.

После смены Катя Галкина, как бы между прочим, сказала Косте:

— Помнишь, мастер вчера сказал, чтобы мы помогли тебе...Сегодня мы с Леночкой начнем вслух читать книгу о металлорежущих станках. Мы в технической библиотеке завода хорошую книгу взяли... Если хочешь, приходи послушать.

— Я учиться люблю, — согласился Костя.

В этот день он, бывший подсобный рабочий, научившись резать сталь, чувствовал себя очень большим, важным человеком. Это чувство не оставило его и тогда, когда они — Катя, Леночка и Костя — сидели на медвежьей шкуре в гостиной галкинского дома. Катя вслух читала книжку о металлорежущих станках и потом задавала вопросы, как учительница в классе. Леночка отвечала хорошо, хотя и ойкала после каждого вопроса:

— А ты, Малышок, все понимаешь? — спросила Катя. — Повтори!

Как раз в эту минуту... Услышав вопрос Кати, он вздрогнул и открыл глаза. Ведь он так устал сегодня от пережитых волнений; он так задумался о том, как будет обдирать и отделывать детали, его так сладко разморило возле печи, в которой уютно шумел огонь.

Вспыхнув, Катя хлопнула ладонью по толстой книге о металлорежущих станках.

— Если ты ничего не понимаешь, так нечего браться! Воображаю, какой токарь из тебя получится!.. — крикнула она.

Не сказав ни слова, Костя вышел из комнаты.

— Зачем ты такая резкая, Катя... Он обиделся, — вступилась Леночка.

Конечно, Катя тоже поняла, что поступила нехорошо, но не созналась в этом.

— Подумаешь, какие нежности! Он еще принца разыгрывает...

Костя ушел не сам. Его увела гордость. Она взяла его за руку, увела из комнаты и сказала на ухо: «Обойдешься! Ты уже умеешь резать сталь и станешь настоящим токарем. Ты не позволишь оскорблять тебя, а когда выполнишь норму, ты так скажешь обидчице с синими глазами: «Обошлись без тебя, потому что сам не дурак, а токарь не хуже других».

Он был гордый человек, этот Константин Малышев, который уже умел резать сталь. И через несколько дней, когда Катя, постучав в дверь боковушки, позвала: «Малышок, зайди в гостиную, мы с Леночкой придумали что-то очень интересное», — Костя притворился, что не слышал ее.

— Что же ты не пошел к Галкиной? — насмешливо спросил Сева. — Пойди подслужись! Катька сегодня всем ребятам в цехе рассказывала, что взяла над тобой шефство. Вот здорово — ученик ученице в подшефные пошел...

— Как же! — возмутился Костя. — Нашла подшефного! Сам не маленький, обойдусь... Вот попрошу мастера станок перестроить, чтобы резец быстрее резал, сразу норму дам...

— Какой скорый нашелся! — высмеял его Сева. — Не видел ты пломбу на ручке для переброски привода? Не позволит мастер скорость резания повышать... А мы с Колькой Глухих знаем, как, не трогая пломбы, сразу полторы нормы выполнить...

— Вот сделай полторы нормы и меня поучи, — усмехнулся Костя.

— А если мы тебе поможем полторы нормы выполнить, ты дашь нам тамгу? Да или нет?

— Дам, — все еще усмехаясь, пообещал Костя.

Не скоро потух свет в боковушке. Сева что-то чертил на клочке бумаги, что-то горячо объяснял Косте, а тот слушал его, обрадованный и немного испуганный.

ЖРЕБИЙ

Станки «Буш» были устаревшими станками. Трудно сказать, что они делали до войны. Вероятно, стояли на маленьком заводике в каком-нибудь мирном городке, точили простенькие детали в час по столовой ложке, и работали за ними седоусые токари, считавшие, что лучше их станочков на свете ничего не было и нет. Разве мог кто-нибудь предположить, что «Буши» попадут в горячие руки молодых рабочих военного времени, которым казалось, что все делается слишком медленно...

— Чего ты накрылся? — спросил на другой день Сева. — Колька Глухих уже шестеренку достал, а ты в кусты...

— Ничего не в кусты, — буркнул Костя.

— Завтра переставляем шестерни? — наступал на него Сева. — А то говори прямо, что сдрейфил.

— Ловкий ты... — пробормотал Костя и едва удержался, чтобы не добавить: «Тебе легко распоряжаться чужим станком, а мне что будет, если неладно выйдет?»

Он только подумал это, но Сева презрительно свистнул, порылся в своем инструментальном шкафчике, где было много всякой дряни, и показал Косте два тонких длинных гвоздика.

— Видишь, носик у одного острый, а у другого совсем тупой. Порядок? — Как только Костя признал, что порядок, Сева отвернулся и зажал гвоздики в кулаке, оставил наружу только шляпки. — Тяни, какой хочешь. Если вытащишь острый гвоздик, мы переставим шестеренки на твоем станке, а если тупой — на моем.

Нужны ли были еще доказательства, что Сева вовсе не хитрит и тоже готов рискнуть. Больше никаких доказательств не требовалось, и Косте захотелось непременно вытащить острый гвоздик, выиграть право на перестановку шестеренок. Он протянул руку, призадумался, захватил ногтями одну из шляпок и... вытащил острый гвоздик.

— Видишь, твое счастье, ты первый выполнишь полторы нормы! — и Сева с досады изо всех сил забросил гвоздик, оставшийся в его кулаке. — Значит, твой станок переналадим первым...

Сердце Кости упало. Получилось так, как он только что пожелал, но он испугался. До сих пор он мог выбирать «хочу — «не хочу», а теперь оставалось только действовать.

— Ладно, скажи Николаю, — решил он.

В конце обеденного перерыва девочки привели за колонны комсорга цеха Зиночку Соловьеву и рассказали ей о своей выдумке.

— Вот посмотри, Зиночка, как мы организовали работу, — сказала Катя. — Теперь у нас совсем не будет простоев!

Тотчас же Леночка сложила руки и отошла в сторону, а Катя стала обслуживать сразу два станка: она не спешила, не суетилась, дви-

галась между станками осторожно, будто ступала по тонкой туго натянутой ниточке и все успевала сделать. Сначала она пустила свой станок, и когда резец ободрал заготовку наполовину, включила станок Леночки. К тому времени, когда на этом станке заготовка была ободрана наполовину, катин станок уже закончил операцию. Она быстро установила новую заготовку, пустила станок, подошла к станку подруги... С завистью смотрел Костя, как ловко Катя обслуживает два станка, — вот если бы он мог договориться с Севой работать на-пару... Можно было бы по-очереди отлучаться на обед или сдавать резцы в заправку, а станки все работали бы и работали. Но Сева, уловив грустный, беспокойный взгляд Кости, многозначительно подмигнул ему, будто хотел сказать: «Брось! Мы придумали штуку в сто раз лучше».

Черняваая, подвижная Зиночка Соловьева похвалила девочек, назвала их молодцами и орлицами и принялась за мальчиков.

— Что ж вы отстаете, ребята! Неужели вам не обидно? Вы должны непременно перенять опыт девочек! Катя напишет в многотиражку, вызовет вас на социалистическое соревнование, а вы тоже примените взаимопомощь и, я уверена, перегоните их... Сделаешь так, Малышок? Вот это было бы хорошо!

— Очень ему нужно, — вполголоса откликнулась Катя. — Он только у лодыря может учиться.

— Нет, не размагничивай его, Катя! — возразила Зиночка. — Я уверена, что он тоже покажет всем высокий класс, — и при этом она подмигнула Косте, не подозревая, конечно, что мальчики уже задумали нечто такое, что должно было всех поразить.

В конце смены за колонны на минутку забежал Колька Глухих и тайком от девочек сунул Косте что-то, завернутое в бумагу, а Костя спрятал сверток в инструментальный шкафик. Мальчики втроем отправились домой. Мороз был зубастый, но они не заметили холода, так их заняло обсуждение какого-то вопроса.

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Рано утром Герасим Иванович побрился, стал совсем молодым старым мастером и в прекрасном настроении, задолго до гудка, отправился на завод посмотреть, как там с заготовками для его бригады и как там с инструментом. По обыкновению, он сначала зашел к начальнику цеха поговорить о текущих делах. В то время, как они обсуждали вопрос, куда бы пристроить еще два револьверных станка, за колоннами зажегся свет, и началась тихая, но деятельная жизнь.

— Давай! — прошептал взволнованный, торопливый Колька.

Отперев шкафчик, Костя, сильно напоминавший бледную тень, передал Кольке бумажный сверток; из свертка Колька достал шестеренку. Больше не было сказано ни слова.

Заложив руки за спину, Герасим Иванович шел между станками, поглядывая направо и налево — все ли в порядке? Явился мастер на завод в шапке-ушанке, а теперь на нем снова кепка-блин, сдвинутая немного на ухо, — ну, совсем молодой старый мастер...

Колька опустил гайки, прикреплявшие набор шестеренок к «гитаре», и поставил вверху новую шестерню. Теперь ходовой валик, двигающий суппорт, должен был работать раза в три быстрее, чем раньше.

— Готово! — шепнул Колька. — Пробуй, Малышок!

— Дыши! — прошипел Сева, тоже непривычно оживленный и подвижный.

На станке уже была установлена деталь, прошедшая накануне обдирку. Теперь нужно было отделать ее — снять тонкую стружку. Костя включил станок: он сделал это сам, но, казалось, что вместо него работает кто-то другой и тянет его в бездонную пропасть. Патрон стал вращаться. Костя медленно подвел резец к детали и застыл, не в силах перевести дыхание.

— Эх ты! — шепнул Сева и дернул рычаг самохода.

Суппорт двинулся влево, и резец снял первую стружку. Поразительно, замечательно! Стружка стала необычайно широкой. «Буш» немного задрожал. Никогда еще старенький станок не работал так резво. Ребята даже рты открыли.

— Виндал-миндал?! — шопотом спросил Колька. — Ха-ха, деятели!

— Ух, берет, ух, берет! — сказал Сева. — Вот это да!

Щеки Кости запылали, горячая волна радости тотчас же сдвинула, смыла, унесла камень, — нет, целую гору! — с его сердца. Прочь страхи, которые всю ночь мерещились ему, прочь сомнения! Смотрите, что делает «Буш»! Все, кто есть на свете, идите сюда, за колонны и смотрите на победителя! Вот вам и подшефный Кати Галкиной! Нет, пускай Галкина поучится у него, — так будет правильнее.

— А он дрейфил, — проговорил Сева с завистью. — Ты, Николай-чудотворец, и мой станок переналадишь?

— Понравилось? — усмехнулся Колька. — Попросишь, так переналажу.

Возле доски показателей Герасим Иванович остановился и надел серебряные очки. Расставив ноги и заложив руки за спину, он просмотрел общий итог каждой бригады и немного нахмурился. Его бригада шла ровно: 120—130 процентов изо дня в день. Хорошо! Да, еще недавно это было хорошо, но дело в том, что вторая бригада вдруг догнала первую, а третья тоже не дремала и добавила почти десяток процентов. Старый мастер пробежал фамилии на доске первой бригады, взял на заметку Перепелкину, которая почему-то потеряла два десятка процентов и едва вытягивала норму, решил намылить голову Мише Никулину, который два дня подряд не выполнял норму на сверловке втулок, а потом повеселел: молодец, Катя Галкина, молодец, Леночка Туфик, и почти молодец, Малышок. Вот только Булкин работает неровно: то возьмется и всех обгонит, а то раскиснет.

Герасим Иванович услышал какой-то шум и позвякивание металла, удивился и направился в конец цеха, за колонны.

— Ставь на обдирку! — сказал Сева.

— Сам-знам! — ответил Костя, снял отделанную деталь, установил заготовку и переменил резец на обдирочный. Теперь он был уверен в станке и даже немного посвистел сквозь зубы, как делал это Стукачев.

— Ух, берет! — снова прошептал Сева, когда резец с шумом врезался в сталь. — Ух, станочек, ух...

Костя вдруг с ужасом понял, что обязательно должна случиться беда. Кто бы мог подумать, что «Буш» — старый и спокойный «Буш», может так дрожать, биться, кричать, как он забился, закричал резким голосом раненого металла.

— Стой! — вскинулся Колька.

Станок замер без вмешательства Кости. Патрон вращался, но резец омертвел, не брал стружки. Ходовой валик, — толстый полированный шток, обязанный передавать движение суппорту от шестеренок, — застыл.

В ту минуту, когда три паренька окаменели перед лицом непонятной катастрофы, послышался голос:

— Чего натворили? — Герасим Иванович наклонился к станине «Буша», осмотрел «гитару», с одного взгляда все понял и тихо проговорил: — С добрым утром... Спасибо! Все шестеренки долой, а запасных нет, — и, сняв кепку, он вытер лоб, покрывшийся капельками пота.

Костю потрясло огорчение, прозвучавшее в голосе мастера, — если бы это было возможно, он дал бы нарезать новые шестерни из самого себя.

СТАНКОЛОМ

Никогда еще советские люди не любили машины так горячо, как в эти грозные военные дни. Они знали, что каждое орудие, каждая винтовка, гремевшая на фронте, кончается станком в глубоком тылу, что без их станков патронные сумки и снарядные ящики опустеют, самолет не поднимется в воздух, а военный корабль не выйдет из гавани. Вот почему они берегли машины, как зеницу ока, а тех людей, которые обращались с техникой небрежно и портили ее, называли позорным именем — станколом.

На заводе было два-три случая порчи оборудования, но аварию по вине ученика токаря Константина Малышева нужно было признать самой тревожной: не имел он права так распоряжаться станком, так своевольничать. Это было ни на что не похоже. Молодые рабочие тайком бегали за колонны посмотреть на шестеренки с выкрошенными зубьями. Девочки ахали, а пареньки посвистывали с видом превосходства: с нами-де такое не случится. Явилась Зиночка и сказала, ни к кому не обращаясь: «Какой тревожный сигнал!»

Катя и Леночка поеживались и переглядывались круглыми глазами, когда за колоннами раздавалось обидное слово по адресу станколома. Сева Булкин тоже был не такой же, как всегда, — он смотрел на резец своего станка, бледный, мрачный, встрепанный... Что же касается виновника всего события, то он отсутствовал. Крохотное, почти незаметное существо, которое забилось в уголок за шкафчиком, вовсе не было Костей Малышевым. Это было просто маленькое нечто, ничего не видевшее и не понимавшее. Что это говорит механику начальник цеха Тимошенко? Что отвечает главный механик? Наконец, они усло-

вились поставить на станок шестеренки с мало нагруженного «Буша» из ремонтного цеха, чтобы скорее пустить станок, а потом на свободе нарезать новые шестеренки. Сердце Кости обливалось кровью. Как он изранил свой станок, свой замечательный станок, который так полюбил.

До самого обеда Костю никто не трогал, но мастер не позволил ему возобновить работу на «Буше». До самого обеда. А что такое обед? Когда Катя, жалевшая Костю, сказала: «Пойдем в столовую», — он не сообразил, что она хочет.

— Он абсолютно ненормальный! — прошептала Леночка, готовая прослезиться.

— Пойдем, Малышок! — настойчиво повторила Катя. — Надо пообедать. Понимаешь? Переставляй ноги носками вперед...

У цеховых ворот возле досок показателей шумели, смеялись, что-то выкрикивали ребята. Среди них стоял завкомовский художник — длинный парень, который только и умел рисовать. Он пристроил над доской первой бригады новый плакат и гордился, что рисунок понравился ребятам. На плакате был изображен человек в длинноухой шапке. Приплясывая, он доламывал станок какой-то небывалой конструкции. Во все стороны летели громадные болты, гайки и шестерни. На плакате вверху было написано большими черными буквами: «Позор станколому Малышеву!», а внизу еще хуже: «Станколом — помеха производству и фронту».

— Ой, не могу! — вздохнула Леночка.

Тотчас же Костя повернул обратно; Катя схватила его за локоть, попыталась успокоить.

— Ну, совсем, совсем непохоже на тебя нарисовано! Только шапка немного похоже, а больше ничего. Идем в столовую!

Не ответив ей, Костя вырвался и ушел за колонны. Он снова забился за инструментальный шкафчик, прислонился к стене и опустил голову, глядя под ноги. Здесь его и нашел Сева, вернувшийся из столовой. Сева был какой-то странный, бледный, расстроенный. Он помолчал и, наконец, проговорил через силу:

— Имей в виду, Малышок... Всю вину я возьму на себя. Считай, что ты сломал не свой, а мой станок. Вот и все — Он помолчал и непонятно добавил: — Я честный человек и не хочу быть перед тобой подлецом... Вот!

Костя поднял голову. Сева был готов увидеть лицо несчастного-разнесчастного человека, а увидел потемневшие, злые глаза.

— Уйду с завода! — твердо произнес Костя и отрывисто добавил: — Не помеха я фронту!.. Уйду вот!

— Куда уйдешь? В тайгу за золотом? — спросил Сева без особой радости. — И нас возьмешь — меня и Кольку?

— Охота есть, так иди... Не помеха я... — повторил Костя и снова опустил голову.

Прибежала рассыльная начальника цеха и крикнула:

— Малышев, Булкин, к директору идите. Глухих скажите, что его тоже вызывают...

Казалось, что это не произвело на мальчиков никакого впечатления — они молча, не спеша отправились по вызову, провожаемые испуганным взглядом Кати и Леночки.

СПОР

До этого случая мальчикам не приходилось бывать в кабинете директора, но от других ребят они слышали, что там на письменном столе стоят четыре телефонных аппарата: один — разговаривать с цехами, другой с обкомом партии, третий — с наркомом боеприпасов, а четвертый, самый важный, к которому никто, кроме директора, не смел прикасаться, — говорить прямо с Кремлем. Может быть, это было так, а может быть совсем не так, но Костя даже забыл сосчитать телефонные аппараты. В кожаном кресле за столом сидел директор. Были тут еще начальник цеха Тимошенко, мастер Герасим Иванович и комсорг Зиночка Соловьева.

— Ребята, сядьте там, — и директор указал на стулья напротив письменного стола, а как только Костя, Сева и Колька уселись, спросил у Тимошенко: — Кто Малышев?

— Посредине сидит.

— Самый маленький, — отметил директор, прикуривая от электрической зажигалки. — Маленький, а безобразие устроил большое. Расправился со станком. Дико, варварски расправился! — Он спросил у Кости: — Вот ты, Малышев, сколько пудов можешь унести? — Тут он рассердился и прикрикнул: — Встань, я старше тебя! Так, сколько пудов унесешь?

— Два пуда далеко нашивал, — пробормотал Костя.

— Неправда, не унесешь.

— Нашивал... Я тягучий...

— Так вот, тягучий человек, завтра ты должен пронести десять пудов через заводской двор. Слышишь?

— Не осилить, — невольно усмехнулся Костя. — Десять это много.

— Жила лопнет?

— Может лопнуть...

— Почему же ты решил, что станок, рассчитанный, скажем, на два пуда, должен тащить десять? Доверили тебе надежный, исправный «Буш», который худо-бедно, может выдавать в смену двадцать «труб», а ты портишь его. «Трубы» — важная часть «катюши», двадцать «катюш» — это такой залп, который может уничтожить роту или батальон фашистов. Тебе кажется, что ты только шестерни сломал, а, может быть, из-за твоего безобразного поступка мы не успеем отбить на фронте вражескую атаку, может быть, из-за этого кто-нибудь погибнет... Понимаешь, что ты наделал?

Молчание было тяжелым, но ответить было еще тяжелее.

— Я как лучше хотел, — хрипло пробормотал Костя, хотя только что дал себе слово, что после оскорбления, нанесенного ему художником, будет молчать, как мертвый. — Я как лучше хотел... Полторы нормы дать... А «Буши»-то, как черепахи ползут...

— Вот в чем дело! — живо откликнулся директор. — Но почему ты не посоветовался со старшими? Кто тебе позволил своевольничать? Я знаю, что не так вас учит Герасим Иванович.

— Не помеха я фронту! — горячо заговорил Костя, мысли которого пошли своим порядком и воскресили чувство острой обиды. — Я фронту не помеха, а они на станке зачем написали! — Ему стало так горько, что он все забыл, кроме тяжкого оскорбления. — Уйду с завода, не нужны мне такие вот! — крикнул он и отвернулся, вытирая шапкой лицо.

— Что о нем написали? — спросил директор.

— Плакат вывешен, что станколом Малышев — помеха фронту, — пояснил Бабин.

— Ну, это крепко! — поморщился директор.

— Вот и уйду с завода! — повторил Костя.

— Глупости болтаешь! — строго остановил его директор. — Сначала станок сломал, а теперь хочешь и рабочие руки забрать. Сбежишь с завода, а от совести своей не сбежишь! Всю жизнь будешь помнить, как ты фронтовикам помогал. Станок из строя вывел, работу бросил, а сам — в тайгу. Глупости говоришь, а кажется, серьезный, самостоятельный человек.

Он раскрыл блокнот и, делая какие-то пометки, сказал:

— С тобой мы поступим строго. Недавно Герасим Иванович просил дирекцию завода наградить тебя за старательную работу, когда ты был подсобником, занести тебя на заводскую доску почета. Но, ты сам понимаешь, что теперь это отпадает, потому что ты совершил тяжелый поступок... Слушай дальше: я поставлю вопрос о твоем награждении, как только ты выполнишь следующие условия: ты должен поскорее освоить станок и работать отлично, как мы обещали в новогоднем письме товарищу Сталину, твой станок должен быть самым чистым в цехе, а инструмент самым стойким. Стоимость ремонта станка ты погасишь из своей зарплаты. Сколько это составит, товарищ Тимошенко? Шестьдесят рублей? Вот за три месяца равными долями и внесешь. Что же касается плаката, то его можно снять. Плакат, по-моему, не совсем правильный. Конечно, ты, Малышев, фронту не помеха, но ты сделал ошибку, а враг старается воспользоваться каждым нашим промахом. Вот почему не надо ошибаться... Понимаешь? Если не понимаешь сейчас, поймешь после... Постарайся, чтобы твои товарищи тоже стали работать хорошо, отлично, по-стахановски... Подумай над моими словами!

Костя сел, удивленный, выбитый из колеи речью директора, но тут вскочил Сева, взволнованный, дрожащий.

— Я прошу, товарищ директор, — заговорил он срывающимся голосом: — Я прошу всю вину переложить на меня... Будто я сломал мой станок... Это я подговорил Малышева... Он меньше меня, он согласился... И я прошу вас...

— Слышишь, Малышев, — сказал директор. — Твой товарищ хочет всю вину на себя взять. Ты, конечно, согласен, — и по его тону, по его лицу Костя понял, что директор не согласен с предложением Севы и

хочет, чтобы Костя тоже не согласился, остался самостоятельным человеком.

— Чего он вяжется, — с обидой ответил Костя. — Тоже маленького нашел. Не бойсь, не меньше тебя. Сам награду потерял — сам верну...

— Правильно, — поддержал его довольный директор. — Твое предложение, Булкин, не прошло. Каждый отвечает за свой проступок — не беспокойся, с тебя ответ тоже потребуем. Вы с Глухих тоже получите по строгому выговору.

Бледный, точно потерянный, Сева опустился на стул и поник, будто из него все вытряхнули.

Когда директор отпустил мальчиков, Зиночка Соловьева сказала Косте: «Малышок, задержись немного в цехе, нам нужно поговорить...» Беседа старших в кабинете директора затянулась. Говорили о том, что нужно учить молодых патриотов, которые так ненавидят фашистов и вот портят оборудование, потому что хотят сделать больше, чем им позволяет умение...

КАК БЫТЬ?..

Костя дождался Зиночки Соловьевой, они сели на деревянный стеллаж, служивший для складывания готовых деталей, и Зиночка начала важный разговор.

— Знаешь, Малышок, — сказала она. — Тебе нужно решить такой вопрос: как ты будешь жить дальше?

Он насупился и постарался оживить в сердце сегодняшнюю обиду, сильно ослабленную после разговора с директором.

— Чего там... Уйду вот!

— Ты брось это, — спокойно сказала Зиночка. — Прекрасно понимаешь, что никуда не уйдешь. С какой стати! У тебя хорошие перспективы — стать квалифицированным токарем, вернуть свою награду...

Взглянув на нее исподлобья, Костя подумал немного и понял, что не должен глупить и упираться, так как в душе он согласен с ее словами.

— Вот что, Малышок, — проговорила Зиночка медленно и озабоченно, — мне кажется, что тебе прежде всего нужно освободиться от влияния Севы. Вы раньше не ладили, — это было плохо. Теперь вдруг подружились, но Сева толкнул тебя на глупое дело, а ты послушался. Это еще хуже. Он тебя до того доведет, что...

— Не дурака нашел! — возразил Костя, задетый за живое.

— Не понимаю я Севу... Почему он работает неровно, ко всему относится с насмешкой? Он говорил мне, что токарное дело его не интересует. Что же его занимает? Чего он хочет?

«Золота хочет много добыть, танки купить», — мысленно ответил Костя, но, конечно, промолчал.

— Он много пережил, потерял родителей... Как сделать, чтобы он понял, что его главный долг работать, как все мы, помогать фронтовикам, мстить фашистам?..

Он не знал как это сделать, да у него и в мыслях не было, что эта задача его касается.

— Как сделать, чтобы у вас за колоннами ребята сдружились?

Этого он тоже не знал; да и было ли это возможно?

— Если бы ваша четверка дружно взялась за дело, все было бы лучше, чем теперь, — продолжала Зиночка. — Вы с Севой переняли бы опыт девочек, — умный, правильный опыт, — вы не испортили бы станка, потому что и без этого у вас дело пошло бы хорошо. Может быть, Сева и... Катя стали бы не такими... поперечными. Скажи, положив руку на сердце, — могло бы быть так?

— Ясно, — вынужден был признать Костя.

— Вот и сделай так! — строго произнесла Зиночка. — Ты сделай, Малышок! Директор уверен, что ты крепче, устойчивее, серьезнее их и, кажется, добрее... и что ты можешь взять их под свое влияние. Слышишь, — сделай так и ты увидишь, насколько лучше станет жизнь, как успешно пойдет работа.

Она ушла, оставив Костю один-на-один с трудной задачей. Все переплелось, спуталось. Правда ли, что Костя пошел на поводу за Севой, а повод этот протянулся вон куда — в синий туман. Да, правда, тут ничего не скажешь. А правда ли, что Костя не имел права бросить завод? Да, теперь, после разговора с директором, это стало самой верной правдой. Мало того, что завод поддержал его в тяжелую минуту, дал жилье и хлеб, он еще научил его резать сталь, сделал его полезным для фронта. Какое же право он имел бросить завод! Надо было остаться, надо было исправить ошибку, но завод еще потребовал от него, чтобы он навел мир, согласие за колоннами... Почему? Разве это его касается? Разве он отвечает за Севу, Катю? Как будто нет, не отвечает. Но если бы ему сказали: «Откажись открыто!» — он не смог бы отказаться. Уже давно он понял, что за колоннами плохо, недружно, что так жить нельзя.

Он бежал домой и думал, думал. Мысли так и мелькали, мыслей было много, а решений, кажется, не было ни одного...

ТАЙНОЕ СОВЕЩАНИЕ

Окно боковушки светилось.

— У нас Колька, — шопотом сообщил Сева, открыв дверь Косте.

На топчане сидел Колька Глухих и курил для важности, морщась и щурясь от горького и противного махорочного дыма. Не торопясь, Костя разделся и снял валенки. Он сел на топчан, поджав ноги, а Сева прислонился к косяку, сумрачный и ко всему равнодушный.

— Ну, так как же? — не вытерпел Колька и заерзал на месте. — Идем в синий туман? Ты сегодня Севке обещал...

Молча Костя разглядывал неизвестно что, находившееся позади Кольки. Колька с нетерпением ждал ответа: Малышок должен был окончательно подтвердить свое решение.

— В тайгу я сам не пойду. Слыхал, чай, что директор говорил. Не рука мне в тайгу уходить... — Колька даже подпрыгнул от возмуще-

ния и открыл рот, но Костя тотчас же продолжал. — Сам не пойду, а вас держать не буду. Хотите в тайгу — так ступайте. Тамгу дам и письмо к румянцевским ребятам напишу, чтобы вам пособили... Поняли?

— Нет, мне это не нравится... — начал Колька.

— Ладно! — оборвал его Сева нетерпеливо. — Можно и так... все равно...

— Пока я вам тамги не дам — я ваш главный. Меня слушай. — Теперь Костя почувствовал себя твердо: он знал, как в родных местах люди сговариваются для похода в тайгу, как вожаки учат младших артельной спайке. — Первое дело друг за дружку держись, — сказал он. — Есть у тебя брат меньшой, да брат старшой, а артельный голова твой отец родимый, солнышко красное. Что солнышко, — то и ты. Солнышко спать — и ты лег, солнышко гулять — и ты скок. Артель — сто голов, один ум, а сто умов стало — артель пропала. Меня слушай, что скажу — то и делай...

Началось обсуждение — что нужно подготовить для похода. Колька заявил, что у него есть отцовское охотничье ружье и предложил сейчас же запасать дробь и порох, сушить сухари и вообще проявил большую инициативу, а Сева молчал, перелистывая какую-то книжонку, и Кольку возмутило это равнодушие.

— Почему это я должен один обо всем думать! — сказал он, но Сева только пожал плечами и криво усмехнулся.

Наконец, Колька поставил главный вопрос:

— А когда мы выступим?

— По осени, — ответил Костя. — Синий туман на первый желтый лист ложится.

— Долго ждать, — вздохнул Колька. — Ну, ничего не поделаешь... Расскажи про синий туман...

— Сказывал я уж... Ну, слухайте...

Для Кольки перестало существовать все, что было вокруг. Непонятно, как это получилось, но в стены боковушки вошел широкий, дивный мир, полный чудес. Он с товарищами очутился на вершине высокой горы, возле шалаша из оленьих шкур; он увидел себя готовым к походу и почувствовал, что наступила минута, которая не повторится никогда.

Темнозеленая неподвижная тайга лежала внизу без конца и края; тени облаков скользили по великой тайге, как взмахи легких крыльев, и исчезали в тишине.

Откинулась пола шалаша, и вышел манси Бахтиаров — морщинистый, темнолицый, в казакине, расшитом тусклым потемневшим галуном, с волосами, заплетенными в косичку.

Он остановился над обрывом, заставил глаза рукой от солнца и стал смотреть. Обладатели тамги неподвижные ждали его слова.

Все туманнее и мягче становился парной, неподвижный воздух, все бледнее небо. И вот в темнозеленом таежном покрове земли обозначилась узкая извилистая синяя-синяя трещинка.

Она была очень узкая; нет, немного шире; нет, очень широкая; и такие трещины прошли по всей тайге, разделив ее на острова и островки.

Это над лесными речушками поднимался осенний синий туман, овладевал долинами и логами, наступал на горы в молчаливом приливе.

И не стало тайги-матушки, не стало ничего, кроме светлого неба, да бледного солнца, да синего молчаливого моря, подступавшего все ближе к вершине горы.

Бахтиаров обернулся к смельчакам, глухо проговорил:

— Айда!

Трое двинулись за ним. Сырая теплая мгла охватила их, скрыв солнце, и в сырой теплой мгле смутно, призрачно маячила фигура Бахтиарова, все на одном и том же расстоянии от трех смельчаков.

Путешествие к святому озеру с золотым дном началось. Оно должно было начаться и кончиться в туманные дни, чтобы никто из пришлых участников похода не смог запомнить дорогу к святому богатству.

ТУПОЙ ГВОЗДИК

Поздно ушел Колька Глухих домой. Закрыв за ним дверь, Сева вернулся в боковушку, опустился на топчан возле столика и задумался.

— Ты ровно занедужил, — сказал Костя, готовясь нырнуть под одеяло. — Ты сам не свой.

— Нет, — шепнул Сева. — Это просто так... — И через силу, будто делал опасный шаг, продолжал: — Я тебе скажу одну вещь, за которую ты меня убьешь... Но я должен сказать...

— А, может, и не убью. Зачем тебя убивать. Ты не зверь, — пошутил Костя.

— Я перед тобой подлец, — также трудно проговорил Сева. — Это из-за меня ты стал станколомом и лишился награды...

Напоминание было тяжелым.

— Ты за старое не берись, — сердито ответил Костя. — Я потерял, я и обратно заработаю. Слыхал, что директор сказал. Не маленькие тут, не твоя печаль...

— Нет, моя!..

Он сорвался с места, полез в карман своего ватника, висевшего у двери, что-то достал и протянул Косте на ладони. Это был тупой гвоздик... Тот самый гвоздик, который остался в кулаке Севы, после того, как Костя вытащил жребий. Но ведь Сева тогда с досады забросил гвоздик, почему же он снова очутился в его кармане? Зачем Сева его показывает? Сначала Костя ничего не сообразил, а потом сразу сообразил и похолодел: Сева смошенничал, Сева перед жеребьевкой подменил тупой гвоздик острым, чтобы Костя непременно переналадил свой станок.

— Ты... ты зачем так сделал? Так нахально?.. — спросил он, еле ворочая языком. — Злодей ты, проклятый ты человек! — крикнул он с отчаянием.

— Я был уверен... Я был уверен, что мы переналадим станок правильно, — тусклым голосом ответил Сева. — Я не хотел тебя подводить. Я только хотел, чтобы ты полторы нормы выполнил, чтобы ты тамгу дал... А когда ты награды лишился, я понял... — Глядя на Костю

темными, неестественно большими глазами, он сказал облегченно и в то же время с болью: — Теперь все знаешь. Хочешь — убей, хочешь — на мороз меня выброс. Как хочешь...

С гудящей головой, разбитый, Костя лег и отвернулся к стене. Сева остался сидеть у столика.

— Ложись... Свет потуши, — сказал Костя.

Свет в боковушке погас, но Сева не лег спать, и сон не пришел. В голове Кости метались самые разноречивые мысли: тяжело, очень тяжело было то, что он глупо доверился Севе, тот его обманул, сделал станколомом, подвел под строгий выговор в приказе, который, наверно, завтра будет вывешен в цехе на черном щитке возле доски показателей. И в то же время почему-то стало особенно жаль Севу, стало жаль этого мальца, который пережил так много и теперь все метался, все тревожился.

— Не могу я на заводе! — вдруг выкрикнул Сева, сделал резкое движение, и что-то скрипнуло, порвалось, как видно, он рванул на себе рубашку. — Я не могу так больше! Принес бы много золота, всем бы доказал, что могу сделать, а потом сразу на фронт, хоть пешком!.. — Помолчав, он с горькой усмешкой закончил: — Теперь ты, конечно, тамги не дашь. Зачем тебе... Твой дом немецкий танк не раздавил... Ты себе копаешься возле станка и доволен...

Костя ответил медленно, будто что-то искал в темноте:

— Я от своего слова не отказ... Делай, как знаешь... Тебе на заводе скучно, а мне ничего. На заводе тоже робить нужно. Я останусь, награду заработаю... Только пока я тебе тамгу не дам, ты будь мне друг-товарищ, понятно?..

— Малышок, разве я когда-нибудь от этого отказывался! — воскликнул Сева даже как-то испуганно.

— Что я, то и ты, — проговорил Костя, додумывая свою мысль.

— Честно, что ты, то и я...

Не зажигая свет, Сева стал раздеваться и делал это так осторожно, точно боялся неловким движением нарушить решение, принятое товарищем.

— Малышок, ты великодушный человек, — сказал он тихо. — Я тебя не раз обижал, а ты не мстил... И сегодня ты поступил великодушно. Я не хочу быть перед тобой низким подлецом, Малышок...

— Ладно, спи знай! — ответил смущенный Костя.

ПЕРЕМЕНЫ

Спустя некоторое время ребята молодежного цеха заметили, что за колоннами произошли значительные перемены, но лишь очень немногие знали, что душой этих перемен является Костя Малышев. Раньше Сева частенько вздорил с Катей Галкиной, которая тоже была порядочной занозой, обижал мирную и добрую Леночку Туфик, работал неровно, иногда где-то пропадал с Колькой Глухих. Теперь по приказу Кости он прекратил ссоры, работал, не отходя от станка; они с Костей переняли пример девочек, обслуживали станки на-пару и выполняли норму.

Костя все старался сделать так, чтобы за колоннами было мирно, дружно. По совету Герасима Ивановича он собрал производственное совещание, и ребята решили разделить обязанности: мальчики взялись доставлять к станкам все заготовки, а девочки следить за чистотой и отдавать резцы в заправку.

Это было хорошее начало, а затем придумалось еще одно большое, интересное дело. Раньше каждый токарь на своем станке и обдирал, и отделывал «трубу». И при обдирке и при отделке станки работали с неизменной скоростью. Когда мальчики хотели самовольно переналадить станок, они не сообразили, что повышенную скорость можно дать только при легкой чистовой отделке, а при трудной черновой обдирке, когда резец снимает толстую стружку и станок очень нагружен, повышенная скорость непременно приведет к поломке. Так и случилось на деле.

Герасим Иванович объяснил им все это.

— Сами понимаете, — закончил он. — Не могу я вам позволить самостоятельно менять скорость и подачу на станке. Квалификация у вас еще маленькая, поломок наделаете. А вот так сработать можно: три станка пускай только обдирают заготовки, а четвертый станок будет их отделывать. Скорость резания на этом станке увеличим втрое. Вот вам задача: сообразите-ка, что получится.

Ребята без особого труда разобрались, что даст это новшество.

Раньше каждый станок медленно, на малой скорости обдирал двадцать заготовок, а потом при такой же скорости отделывал их, и получалось двадцать готовых «труб». Теперь каждый станок за день мог ободрать вдвое больше заготовок — дать сорок обдирок, а три черновых станка могли выдать самое меньшее сто двадцать обдирок. Что же касается четвертого станка, превращенного в отделочный, то, работая с высокой скоростью, он мог отделать все сто двадцать деталей. Таким образом, участок «Бушей» должен был дать в полтора раза больше «труб», чем давал раньше.

— Бригаду вам нужно организовать, сообща работать, — подвел итог Герасим Иванович. — Бригада ваша будет сто пятьдесят процентов нормы свободно выполнять. Вот, что получается, если к делу с головой подойти, а не по-глупому...

В тот же день ребята созвали в доме Галкиных экстренное совещание с участием Зиночки Соловьевой. Они решили организовать фронтовую молодежную бригаду, такую же, какие уже появились на других военных заводах. Решили также выработать не 150, а 175 процентов нормы, так как теперь на черновых станках не нужно было часто менять резцы.

— Видите, ребята, как хорошо получается, когда все дружно, — сказала Зиночка Соловьева и тут же сделала страшные глаза: — Ребята, вы забыли выбрать командира бригады! Кого вы выдвигаете на этот пост?

— Малышка! — тотчас же сказала Катя. — Он самый дружный и он первый переналадил станок, хотя сначала у него получилось неудачно... Но, все равно, он первый двинул это дело.

— Поддерживаю кандидатуру! — сказал Сева.

Так организовалась первая на заводе молодежная фронтовая бригада, получившая высокое имя Сталина, так Костя стал очень занятым человеком. Сотни больших и маленьких забот обступили его и забрали все свободное время. Каждый день нужно было беспокоиться о доставке заготовок, которых сейчас требовалось гораздо больше, чем раньше, быстрее снашивались черновые резцы, труднее было поддерживать чистоту. Но бригада работала дружно, каждый день выполняла почти две нормы, и с нее брали пример другие молодежные бригады, которых становилось все больше и на заводе и на филиале.

Особенно радовало Костю то, что Сева тоже увлекся работой и, кажется, совсем забыл о синем тумане, так что Кольке Глухих одному приходилось заниматься подготовкой к экспедиции. Он — этот суматошливый, горячий паренек порой смешил Костю своими выходками и выдумками. Например, он купил в магазине «Охотник» светящиеся компасы и ходил на работу по одному компасу, а с работы по другому, он также достал где-то громадную зажигалку, бравшую запас горючего на месяц, но зажигалка текла, и от Кольки пахло бензином, как от ста шоферов. Чем глупее были выдумки Кольки, тем насмешливее улыбался Костя, уверенный в глубине души, что вся эта суматоха кончится ничем.

Однажды, в выходной день, Костя утром побежал в город купить билеты в кино для всей бригады, так как они теперь часто устраивали маленькие культпоходы. Из дому он вышел в валенках, но солнце уже пригревало, на тротуарах появились лужи, и Костя шагал по мостовой, думая о бригадных делах.

Раздался шум, — такой оглушительный шум, — что ему было тесно среди домов. Он раздробился, рассыпался на тысячи резких звенящих отголосков и, казалось, расколол кирпич домов, оглушил весь город. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Костя перебежал на тротуар, и это было как раз во-время. Из-за угла вылетело что-то громадное, темное, рычащее, круто замедлило бег, повернулось так сильно, будто повернуло вместе с собой землю и, как вкопанное, стало возле тротуара; затем из-за угла вырвалось еще одно темное громадное ревущее существо, а за ним еще одно.

— Танки! — сказал солдат, который шел, прихрамывая, опираясь на палочку. — Ничего машинки, стоющие. Лучше немецких, куда там!

Три танка, три больших танка с длинными пушками стояли возле тротуара. Из люка первой машины показался офицер, легко спрыгнул на землю и направился к большому дому с колоннами, а вокруг танков, откуда ни возьмись, набрался народ. Все рассматривали машины, и Костя первый среди них, все были довольны танками, а Костя больше всех. До сих пор он видел танки на экране в кино, а теперь перед ним стояли настоящие бронемашины, — тяжелые, еще неокрашенные, с ожогами электросварки на бортах, как будто пахнущие новым железом... Значит, правду говорили, что Большой завод на другом краю города уже печет танки, как пироги.

— Дядя, а много их делают? — спросил Костя у солдата.

— Должно быть... У нас и своих танков скоро будет невпроворот. Правду говорю, отец?

Он обратился с этим вопросом к пожилому рабочему, который высунулся из люка среднего танка и закурил. Это был усатый человек в ушанке, чем-то похожий на Герасима Ивановича, может быть, своей солидностью.

— О чем речь? — спросил он, приложив руку к уху.

— Говорю, танков у нас скоро будет невпроворот... Правда ли?

— Это нам неизвестно, — серьезно ответил усатый и задумчиво подул на огонек папироски. — Ты у нашего заказчика спроси... Сколько он заказал, столько выпускаем. Нас учить не приходится...

Кругом засмеялись; как видно, все поняли, о каком заказчике сказал усатый, и также поняли, что танков выпускают много. В это время появился офицер, нырнул в передний люк, снова моторы зашумели так сильно, что воздуху стало тесно в груди. Первый танк сдвинулся, повернулся вместе с землей и пошел, тяжело выкладывая гусеницы по дороге. Как только гусеница ложилась на землю, она будто делалась неподвижной, и над нею проносился громадный, стремительный танк, выхлопывая синее пламя. Косте стало весело, хорошо от этого шума и от уверенности, что танков делается много.

— Дядя, а кто танки заказывает? — спросил он у солдата, который разговорился с каким-то словоохотливым старичком и успел рассказать, где его ранили и долго ли он лежал в госпитале.

— Ну, как это — кто заказывает! Ясно, кто — Сталин Иосиф Виссарионович! — с большим уважением ответил старичок. Он закажет, уральцы добавят, а он приплюсует да еще прибавит.

— Немцу от этого будет смерть, — добавил солдат. — Непременно!

Костя подумал, что он тоже делает все больше деталей для «катюши», и обрадовался, что был такой же, как все оружейники.

Вечером, после кино, он рассказал Севе, что видел три танка.

— Большие? — спросил Сева, выслушал Костю и спокойно заметил: — Думаешь, я не понимаю, куда ты гнешь? Прекрасно понимаю! Так вот слушай — сколько бы мы танков не делали, а нужно все больше и больше. И танков нужно больше, и самолетов, и «катюш». Так что золото пригодится. А «труб» мы мало делаем. Ты вот о чем думай!

— Ну да, мало! — удивился Костя. — Уж бывает, мы и две нормы даем...

— Даем, даем!.. Подумаешь, геройство!.. Взрослые рабочие и по три, и по четыре нормы вырабатывают. А то есть еще тысячники. По тысяче процентов вырабатывают. Вот это молодцы, даже завидно!.. А мы все чего-то боимся! Все мы многостаночники, все можем обслуживать по два, даже по три черновых «Буша», а станков у нас только по одному на человека...

Правда, правда! — Костя тоже не раз думал об этом, но все не решался поговорить с ребятами. Он с жадностью слушал Севу.

— Завтра созывай производственное совещание, — сказал Сева решительно. — Ставлю вопрос, чтобы нам дали еще два «Буша» из ре-

монтного цеха. Там их четыре стоит, а им и одного достаточно. Вот... Ты думай, а я чай буду готовить, голова!

Из кухни Сева принес чайник с кипятком, заварил чай, налил Косте и себе, отхлебнул и свистнул.

— Ты чего свистишь? — спросил Костя.

— На прикуску... Чай со свистом вкуснее... Фью!

— Сахар-то третьего дня по карточке получил... Неужто все кончил?

— Ничего подобного. Половину я в неприкосновенный мешочек пересыпал... Для похода в тайгу...

— Возьми моего сахара, это тебе за хорошее предложение, — сказал Костя...

— Спасибо... Фью!

КОНСУЛЬТАЦИЯ

На одной из дверей в коридоре заводоуправления была большая надпись «БРИЗ», и маленькие буквы поясняли: «Бюро рабочего изобретательства и рационализации». В просторной комнате, увешанной чертежами, Костю встретил инженер-рационализатор Павел Петрович Балакин, о котором ребята на заводе говорили, что он чудной и головатый. По мнению Кости, он был вовсе не чудной, только очень высокий, худощавый. Косте нравилось в нем все — и то, что Павел Петрович говорил громко, смеялся звонко, носил под блестящим зеленым ватником шелковую цветную рубашку с ярким галстухом, а светлые волосы у него были зачесаны так, что лежали на голове высоким гребнем.

— Что скажешь? — спросил он у Кости. — Садись и докладывай.— Он выслушал Костю, постукивая блестящим карандашиком по столу, и признал: — Да, голова думает. Это самое главное... Что ж... Постараюсь помочь тебе... Ты хочешь расширить участок на два «Буша». Так! Но если поставить эти два «Буша» на черновую обдирку «труб», то отделочный станок не успеет пропустить все «обдирки». Можно было бы перевести отделочный станок на двухсменную работу. Но вам не позволят оставаться в цехе после гудка, ломать и разбивать бригаду. Значит, это отпадает. Можно было бы из двух «Бушей» один сделать отделочным, и, таким образом, иметь два отдельных станка, при четырех черновых, но навряд ли это будет выгодно... Ведь так?

— Расчета нет, — подтвердил обеспокоенный Костя. — При четырех черновых два отделочных «Буша» ни к чему. — Он призадумался на минутку, еще раз проверил в уме и сказал расчет: — Будет шесть станков на участке. Четыре черновых, два отделочных. Норма на каждый станок двадцать «труб», а на шесть станков — сто двадцать. Дадут четыре черновых станка по пятьдесят «труб» — на четыре станка двести «труб». Двести против ста двадцати...

— Сто шестьдесят пять процентов, — подсказал инженер.

— Вот видишь, — омрачился Костя. — А мы нынче при одном отделочном да при трех черновых, коли нажмем, сто девяносто, а то и двести процентов даем...

— Значит, получается, что если вы один из двух новых «Бушей», превратите в отделочный, он будет не загружен, и процент выработки по бригаде снизится.

— Выходит, так...

— Все идет к одному, — сказал Павел Петрович. — Нужно, чтобы два новых «Буша» стали черновыми и чтобы на участке попрежнему был один отделочный станок. Тогда что получится?

— Тогда-то ладно получится! — быстро ответил Костя, и его глаза заблестели. — Норма на шесть станков сто двадцать «труб», а мы с пяти черновых двести пятьдесят верных снимем. Двести десять, а то и больше процентов дадим.

— Жадный ты человек, Малышев, — сказал инженер.

Это смутило Костю: он знал, что жадным человеком быть нехорошо.

— Я не в осуждение тебе говорю, что ты жадный, — успокоил его Павел Петрович. — Жадность бывает разная. Если человек хочет себе больше заграбастать — это самое подлое чувство. Человек делается зверем. А для пользы государства нужно быть жадным. Сейчас надо быть жадным для фронта, а когда разобьем немцев и начнем строить коммунизм, — будем жадными для коммунизма...

Все это Костя понял и обрадовался, что он жадный так, как нужно.

— Ну-с, — сказал Павел Петрович, — а теперь посмотрим, что можно выжать из вашего отделочного станка, и согласится ли он делать почти в два раза больше, чем делает сейчас...

Началась самая серьезная часть консультации.

ВЫЗОВ

Вероятно, Павел Петрович приделал к ногам Кости крылышки. Он вихрем влетел за колонны и чуть не зарылся носом, так резко остановился. За колоннами были гости. Он увидел не только Зиночку Соловьеву, но и двух хорошо одетых молодых людей в новых черных пальто, в одинаковых кепках и в блестящих галошах. Одного из них Костя узнал сразу — это был Миша Полянчук, нарядившийся франтом, а другой оказался бригадиром молодежной бригады упаковочного цеха Северного Полюса. Его звали Мингареем Бекировым, он был лучшим стахановцем-медалистом на филиале, и однажды Костя слышал его боевое, задорное выступление на общезаводском совещании стахановцев.

Зачем же он явился в молодежный цех с Мишей Полянчуком? Бригадники еще не знали этого, и на их лицах было написано: «А нам нисколько даже неинтересно...» Гости поздоровались с командиром бригады, причем Миша шепнул ему: «Держись, Малышок!»

— Здравствуй, башка, как поживаешь? — сказал черноглазый, коренастый Бекиров.

— Живой, — ответил Костя и приготовился услышать что-то очень важное.

— Выступал ты на совещании стахановцев, обещал много «труб» давать. Помнишь?

— Ясно, помню...

— А я думал, что забыл, — усмехнулся Мингарей. — Мало «труб» точишь... А? Говорят, больше «труб» точить можно, только ты не стараешься.

— Сколько обязались, столько даем, да еще приплюсуем...

— Ой, на слова ты щедрый, а на «трубы» скупой, — смеясь, ответил Мингарей.

— Ну? — с вызовом спросил Сева. — Все бы такие скупые были!

— А ты вообще не задирайся, Мингарей, — вмешалась Зиночка. — Какой ты, честное слово! Малышок, можно прервать работу на десять минут? Послушайте, что вам скажут делегаты с Северного Полюса.

Все собрались у доски показателей, и Мингарей получил слово.

— Комсомольский привет тебе от филиальских ребят, Малышок! — сказал он. — Дело к тебе есть. Ты — знатный командир, я тоже командир. Лучше твоей молодежной бригады на заводе нет, и лучше моей на филиале нет. Так вот — моя бригада вызывает твою бригаду на соревнование — работать для фронта, как надо. Ты давай больше «труб», мы будем паковать больше «катюш». Мы будем до первого мая стахановскую вахту стоять на самый высокий показатель, и вы стойте. А с первого мая будем опять соревноваться до первого июля, — кто первый подпишет полугодовой рапорт товарищу Сталину. Вот это наш вызов вам! — Он расстегнул и широко распахнул пальто, точно ему стало жарко, а на самом деле для того, чтобы показать свою медаль «За трудовое отличие», и добавил: — Принимаешь вызов или испугался?

— Это возмутительно! — прошептала Леночка и стала протирать свои очки.

— Филиальские ребята думают, что только они хорошо работают,— пожала плечами Катя.

— Действительно, испугал! — не вытерпел Сева. — Вот испугал! Сейчас заплачем...

— Ребята, получается нехороший тон, — сказал Миша. — Ты всегда азартничаешь, Мингарей! Разве соревнование для того, чтобы друг друга оскорблять? Соревнование для того, чтобы дать хороший пример или помочь. А ты налетаешь, как на футбольный мяч... Давайте обсудим по-деловому... Вот Малышок хочет что-то сказать.

— Ты, Мингарей, на сколько будешь майскую вахту стоять? — в упор спросил Костя.

— На двести! — гордо ответил Мингарей. — А, Миша? Правильно говорю?

— И мы на двести, — спокойно сказал Костя, обменявшись быстрым взглядом с Севой. — А до рапорта на сколько?

— До рапорта? — Мингарей замялся, вдруг хлопнул кепкой по ладони и взглянул на Костю с торжеством. — До рапорта на двести двадцать будем стоять... А, Миша?

— Смотри, Мингарей? — сказал Миша Полянчук. — Опять в футбол играешь.

«На шести «Бушах» столько не взять! — с отчаянием подумал Костя. — Не дадут столько шесть «Бушей»!»

— Что скажешь, комсомолец? — спросил Мингарей, прищурившись и сияя лукавой улыбкой. — Где ответ?

— Он еще не комсомолец, — внесла ясность Зиночка. — Но, конечно, он скоро станет комсомольцем...

Сердце Кости подпрыгнуло, кровь бросилась в лицо. Впервые Зиночка Соловьева соединила его имя с большим, пылающим именем — комсомол, с комсомолом, который делал людей отважными бойцами. Он еще не был комсомольцем, но он уже стал им, когда проговорил:

— До рапорта, коль нам еще станков дадут, будем работать на... двести тридцать процентов!

Наступила тишина. Зиночка и делегаты с Северного Полюса удивленные смотрели на Костю и его товарищей; Костя заметно побледнел, Сева опустил глаза, Катя задорно вскинула голову, а Леночка снова стала протирать очки, зажмурив глаза и крепко сжав губы, чтобы не ойкнуть и не выдать своего ужаса.

— Заврался? — тихо спросил Миша и положил руку на плечо Кости.

— Если ляпнул, — я не слышал, — свеликодушничал Мингарей. — Пускай скажет еще раз...

— Сказано слово! — ответил Костя. — Слышал, так помни...

— Ребята, — выступила Зиночка очень внушительно. — Все это не шутки. Понимаете? Мы начинаем соревнование молодежи завода с молодежью филиала. Договор бригад Бекирова и Малышева будет первым. А потом мы вовлечем в соревнование всю молодежь. Конечно, парторганизация завода поддержит нас только в том случае, если договора будут серьезные, а не филькины грамоты. Нам не нужно хвастовства. Да, договора должны быть серьезными, как у наших взрослых рабочих...

— Понятно! — сказал Миша. — Так держать!

— Так вот, бригадиры до обеденного перерыва обдумают еще раз свои обязательства. После перерыва мы соберемся в комсомольском комитете и составим проект договора. А завтра проведем в цехе митинг...

Она долго говорила о том, как будет развертываться соревнование, но Костя не запомнил... Сейчас, вот сейчас-то! он, кажется, испугался, он, кажется, понял, что зашел слишком далеко, но это был не страшный испуг, да, может быть, это вовсе и не был испуг. Костя был готов защищать двести тридцать процентов до конца, так как был уверен в своей правоте.

Он ждал, что, оставшись с глазу на глаз с бригадой, получит жаркую баню.

— В чем дело? На три «Буша» замахнулся? — спокойно спросил Сева.

— На три...

— А отделочный будет один?

— Один... Павел Петрович его настроит... оснастит, — и он промолчал, что вел с инженером разговор о двух, а не о трех добавочных «Бушах».

— А черновые по сколько обдирок должны давать? По пятьдесят? — допытывался Сева.

— По пятьдесят мало... — пробормотал Костя. — По пятьдесят пять нужно... Тогда двести тридцать пять процентов твердо сделаем... А «труб» триста тридцать сдадим...

— Когда это мы по пятьдесят пять давали на станок, чудак?

— А мы и в обеденный перерыв станем «Буши» крутить...

— Крутить-крутить! Значит, — ты или я пойдем обедать, Галкина за отделочным, а Леночке придется три станка взять... Накрутишь тут!

— Я научусь! — быстро проговорила Леночка. — Умру, а научусь. Ведь вы же научились...Ты, пожалуйста, не думай, что я такая дура! — и она обиделась.

— И обо мне не беспокойтесь! — твердо сказала Катя. — Сколько вы «обдирок» дадите, столько я отделаю! За меня вам краснеть не придется.

— Ну, если так, тогда выйдет! — решил Сева. — После гудка будем задерживаться, а Мингарею все-таки горячих надаем.

— Ой, непременно! — воскликнула Леночка. — Он такой нетактичный и хвастливый, что даже удивляюсь, как ему не стыдно.

НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА

Первое мая приближалось.

На заводе было уже много фронтовых молодежных бригад, все они соревновались с молодежными бригадами Северного Полюса, каждый день Миша привозил на завод «молнии» о трудовых подвигах полярников, а Зиночка Соловьева увозила на филиал ответные «молнии» о лучших достижениях заводской молодежи. Каждая новая «молния», вывешенная у доски показателей, вызывала много волнений, подзадоривала ребят, они трудились самоотверженно, хотели победить в первомайском соревновании. Но особенно интересовало всех соревнование двух лучших бригад — малышевской и бекировской.

Сейчас за станками работали только Катя, Сева и Леночка, а Костя был занят расширением станочного участка. Дирекция завода приказала перетащить за колонны еще три станка. Нужно было проследить, как они устанавливаются, подключаются к энергии, нужно было покрасить станины, достать то, другое и третье. Инженер Павел Петрович сделал необходимые чертежи, инструментальный цех готовил по этим чертежам оснастку для отделочного станка, но ведь об этом тоже нужно было побеспокоиться...

— Давай, Севолод, помогу, — в свободную минуту сказал Костя.

— Не мешай! — сердито ответил тот. — Ты о станках новых думай. А нам и втроем делать нечего...

— Ну да, нечего! — усмехнулся Костя. — Форсишь ты, а рубашка-то мокрая.

Его очень радовало то, что Сева работает так упорно, так хорошо, гордится бригадой, не хочет поддаться Мингарею. А Колька Глухих

теперь чувствовал себя за колоннами неуютно. Он явно завидовал ребятам, которые сдружились, были заняты большим и интересным делом. Однажды, в разгар рабочего дня, он сунулся к Севе с новой глупостью — нужно ли достать для похода в тайгу электрические фонари.

— Не видишь, люди работают? Все игрушки тебе! — крикнул Сева. — Убирайся из-под руки!

Захлопав глазами, Колька повернулся к Косте.

— Как тебе это понравится, Малышок! — пролепетал он.

— Не трожь его, — сказал Костя. — А фонари достань... Нацепишь себе и спереди, и сзади, как автомобиль будешь. Гудок еще купи!

— Очень глупо! — обиделся Колька. — Вообще я замечаю, что вы недооцениваете новую технику.

Праздник приближался.

На всем Урале люди стояли сталинскую вахту, готовили для фронта производственные подарки. Готовила подарок и бригада Малышева. К вечеру 29 апреля инструментальный цех сделал оснастку для отделочного станка. До поздней ночи Костя оставался в цехе, устанавливая с помощью Герасима Ивановича и Павла Петровича новую оснастку, а утром повел ребят в железнодорожную сосновую рощу, и они явились в цех, нагруженные хвоей для украшения станков и колонн. Они сразу увидели озабоченного Герасима Ивановича и Мишу Полянчука, которые о чем-то беседовали. Что случилось?

— Вот так штука! — протянул Сева. — Поздравляю вас!

Вся бригада увидела над катиным станком новую «молнию», только что привезенную с филиала Мишей. Она гласила: «Привет боевой бригаде Мингарея Бекирова! 29 апреля она выработала 235 процентов нормы».

— Это нечестно с его стороны! — возмутилась Леночка. — Мы только что кончаем расширяться, а им легко, у них никакой техники нет!

— Что нечестно? Много вырабатывать нечестно? Вот так понятие! — усмехнулся Миша. — Думаешь, это легко на ручной работе высокую выработку дать? Ты бы порадовалась, что упаковщики так сработали...

— Словом, Мингарей первомайскую атаку начал, — сказал Герасим Иванович. — Чем ответишь, Малышок?

— На полную выработку сегодня пойдем, — сказал Костя, окинув взглядом своих верных друзей-товарищей. — Ну, Катерина, становись за отделочный станок, а мы все по два черновых станка поведем.

Все подошли к отделочному станку.

— Вот гляди, — сказал Костя. — Патрон мы поставили самозажимной. Берешь рычаг на себя — кулачки разошлись. Рычаг от себя — заготовка зажата. С ключом возиться не надо. Задняя бабка тоже от рычага работает. А это упор-ограничитель. Подведешь до него резцедержатель — дальше не пойдет, и стружку снимешь такую, какая нужна. Без мерительной скобы обойдешься. Скорость резания мы тоже повысили. Пробуй!

Станок пошел. Побежала, завилась горячая стружка. Прижав руку к груди, Катя с восторгом прошептала: «Вот быстро идет, как сумасшедший».

— Становись за станки! — приказал Костя.

Ожили и черновые станки. Первые свежие «обдирки» выстроились у станка Кати, но не успели станки выдать новую партию «обдирок», а Катя уже забеспокоилась — не получится ли у нее простоя? Все успевали сделать ее маленькие, крепкие и ловкие руки. Казалось, что они превращают «обдирки» в готовые блестящие детали одним своим прикосновением, а «Буш» только напрасно суетится.

Пришел инженер Павел Петрович, посмотрел на работу отделочного станка и звонко щелкнул пальцами.

— «Буш» успевает обслужить шесть черновых станков! — крикнул он с торжеством. — «Буш» успевает. Впрочем, в таких руках он смог бы справиться и еще с одним «Бушем»...

— Очень просто, — подтвердил Герасим Иванович.

— Ох, как бы Мингарею не пришлось горячо, — покачал головой Миша. — Я рад за тебя, Малышок!

Весь цех сразу узнал, что за колоннами дело идет хорошо, настроение у всех поднялось, все бригады работали так, что искры сыпались.

Незадолго до обеденного перерыва Герасим Иванович сказал Косте:

— Дело идет как будто неплохо, только вот что я думаю: людей у вас в обрез. Чуть кто из строя вышел — и готов прорыв. Нужно вам еще человека. Просится к вам паренек один.

— А кто? — спросил Костя.

— Николай Глухих из ремонтного цеха. Начальство отдает его. А ты, может быть, паренька к делу приохотишь... Возьмешь?

— Возьму, — согласился Костя. — Он хоть и суматошный, а руки у него ловкие, и голова варит... — А когда за колонны явился Колька, он сказал: — Как же ты в синий туман пойдешь, коли в бригаду вступишь?...

— Так же пойду, как и Сева, — ответил Колька. — Но это дело другое... А ты... возьми меня в бригаду. Надоело мне в ремонтном цехе. Там совсем нечего делать. Поневоле в туман потянет... А у вас работа кипит, и ребята дружные, у вас хорошо...

— Ладно, — сказал Костя. — Неси эти резцы в заправку. А после обеда поработаешь на станке. Я тебя подучу... Ты, Севолод, что хочешь сказать?

— А что говорить... — пожал плечами Сева. — Все ясно без лишних слов...

В действительности, все было вовсе неясно, но Сева отвернулся и спокойно занялся своим делом.

БОЛЬШОЙ ПРОБЕГ

Как только просохла «молния», написанная завкомовским художником, Костя осторожно свернул ее в трубку, и мальчики бросились к заводским воротам. Где автобус? Нет автобуса, — он ушел на Северный Полюс и увез Зиночку Соловьеву. У ворот стояли Катя и Леночка.

— Что вы так долго копались! — сердито сказала Катя. — Нужно было всего одну цифру написать, а вы целый час пропадали. Зиночка очень обиделась... Ждала, ждала и уехала...

— А коли «молния» не сохла! — сказал расстроенный Костя.

— Ну, ничего, — успокоила товарищей Леночка. — Зиночка знает, сколько выработала наша бригада. Она выступит на торжественном заседании Северного Полюса и все скажет. Пойдемте, ребята, на заседание в красный уголок. Там будет концерт...

— Дай «молнию»! — крикнул Сева.

Он выхватил из рук Кости «молнию» и бросился прочь; ребята едва нагнали его.

— Ты куда? — кричал Костя.

— Не приставай! На Полюс! Мингарею горячих надавать!

— Ты же дороги не знаешь! — ужаснулась Леночка.

— Знаю! Ребята рассказывали, как они на Северный Полюс бегали. Здесь напрямик семь километров... Через железную дорогу, а потом лесом... Меньше чем за час добегу.

— Оставь его, Леночка, — засмеялась Катя. — Он с ума сошел! — и остановилась...

Как видно, Костя тоже сошел с ума.

— Бежим вместе! — сказал он Севе.

Девочки кричали им что-то вслед, но Костя и Сева, не обращая внимания, припустили со всех ног, оставили за собой сосновую рощу, пересекли полотно железной дороги, миновали какие-то склады, окруженные колючей проволокой, и, наконец, достигли лесной опушки. Начался пригородный лесок, очень редкий, по-весеннему сырой, пахнувший только-что растаявшим снегом и старой мокрой хвоей. Дорога была грязная, колеистая, — она то и дело двоилась и троилась, огибая болотинки и становилась все хуже.

Мальчики бежали по обочинам дороги, перепрыгивали через корни и муравьиные кучи. Ноги сами несли Костю, грудь дышала глубоко, он жадно втягивал лесные запахи.

Сева споткнулся о корень.

— Гляди, «молнию» сомнешь! — забеспокоился Костя. — Дай-ка я понесу.

— Пойди прогуляйся! — сердито отказался Сева. — Кто с кем заодно? Сам «молнию» на филнал принесу и посмотрю, какой у Мингарея нос станет. Двести пятьдесят процентов — это штука!

Конечно, это была штука, этим можно было похвалиться. Предвкушая близкое торжество, мальчики нажали еще резвее, но вдруг Костя замедлил шаг.

— Ты что, — скис? — насмешливо спросил Сева. — Ступай-ка лучше домой. Без тебя обойдусь...

— Не так идем, — сказал Костя. — Надо на полночь, а мы все на закат да на закат. Плохая дорога.

— Ври! — фыркнул Сева. — Ребята мне говорили... Шагай, одним словом!

— А что шагать, коли неверно идем...

Подтверждая его слова, дорога круто свернула на запад; Сева тоже сбавил скорость. Они пристально вглядывались в лесную чащу. Впереди стало светлее, что-то заблестело, зарумянилось. Казалось, что лучи заката стелются между стволами деревьев.

— Будто река, — задумчиво предположил Костя.

— Откуда здесь река? — пожал плечами Сева.

Спустя минуту они, действительно, очутились на берегу какой-то неподвижной реки, которая вплотную подступила к сосновым стволам и ярко отражала закатный огонь. Не сразу мальчики разглядели, что это вовсе не река, а широкая полоса жидкой глины, прорезавшая лес. Тут и там виднелись полузатонувшие стволы изломанных и размочаленных берез и сосен, — какая-то страшная сила расправилась с ними, как со спичками.

— Что ж это такое? — недоумевая, спросил Сева.

— Будто дорога... Вишь, колеи...

Кое-где среди жидкой глины виднелись продольные гребни обсохшей глины, между которыми застоялась вода.

— Ничего не понимаю! — рассердился Сева. — Вот и переберись на другой берег!

— А ну, помолчи! — сказал Костя.

Они стали прислушиваться.

СТО, ДВЕСТИ, ТРИСТА

Сначала казалось, что прислушиваться не к чему, а потом стало к чему. Это был тяжелый и глухой шум. Он еще не рождал откликов в лесу, но все же что-то смутно напомнил Косте. Сева неожиданно сорвался с места и, размахивая «молнией», побежал навстречу шуму. Побежал и Костя.

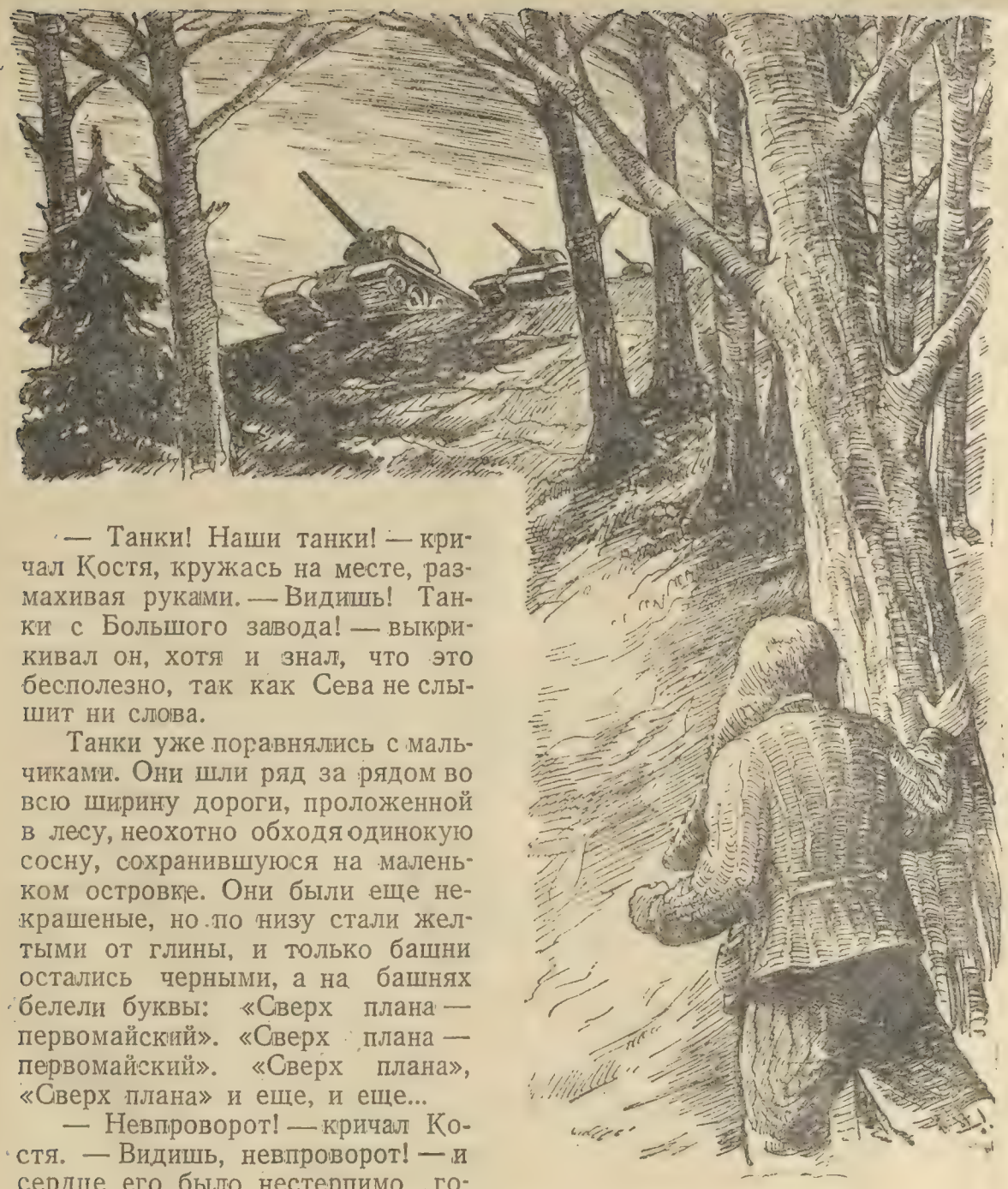
— Знаешь что это, знаешь! — задыхаясь от волнения, крикнул Сева.

Костя ответил, но сам не расслышал своего ответа. Шум вырос в миллион раз, поднялся из-под земли, взорвал каждую кровинку в жилах оглушенного и счастливого Кости. Три танка показались на вершине невысокого холма, откуда спускалась неподвижная река. Три танка отпечатались на горячем медном небе и на минуту застыли. Страшными, чудесными показались эти громадные машины со вскинутыми к небу пушками здесь, в лесу, в безлюдьи. Они что-то увидели, как один, качнулись и стальной грудью врезались в глину. Не успели они оторваться от медного, пылающего неба, а появился уже второй ряд — семь машин, а за этими появился третий ряд — десять машин...

Подбежав к Косте, схватив его за плечи, припав губами к его уху, Сева крикнул:

— Танки! Наши танки! Видишь!

У него были сумасшедшие глаза. Он закружился на месте, заметался, сорвал с головы кепку, замахал ею, что-то кричал, но его голос терялся в железном грохоте, который катился вместе с машинами, дробился о стволы сосен, делал трудным и прерывистым дыхание, заставлял сердце биться все быстрее, все сильнее, все радостнее.



— Танки! Наши танки! — кричал Костя, кружась на месте, размахивая руками. — Видишь! Танки с Большого завода! — выкрикивал он, хотя и знал, что это бесполезно, так как Сева не слышит ни слова.

Танки уже поравнялись с мальчиками. Они шли ряд за рядом во всю ширину дороги, проложенной в лесу, неохотно обходя одинокую сосну, сохранившуюся на маленьком островке. Они были еще некрашеные, но по низу стали желтыми от глины, и только башни остались черными, а на башнях белели буквы: «Сверх плана — первомайский». «Сверх плана — первомайский». «Сверх плана», «Сверх плана» и еще, и еще...

— Невпроворот! — кричал Костя. — Видишь, невпроворот! — и сердце его было нестерпимо горячим, огненным.

Не он сделал эти танки, эти бесчисленные машины; их, наверно, сделали великаны, которые работали на Большом заводе, варили, резали, сваривали сталь, сверлили пушки, собирали моторы. Но ведь Костя уже умел резать сталь, и поэтому он вдруг почувствовал, что превращается в великана, почувствовал, что это его воля ведет тяжелые машины вперед, вперед по трудной дороге.

Один танк не захотел обходить толстую сосну, гордо стоявшую на островке. Он подошел и уперся в кряжистый ствол стальной грудью, как-то поднялся, зеленое пламя из выхлопной трубы ударило в землю; гусеницы танка пошли медленнее, с ревом зарылись в глину; сосна удивленно вздрогнула, застыла на миг, качнулась, взмахнула кроной и медленно повалилась...

— Давай! — крикнул Костя, и его кулаки сжались до боли. — Давай еще!

Это не сосна рухнула, а тот, которого должны были уничтожить танки, уральские танки, созданные такими же оружейниками, как он, Костя, как Герасим Иванович, Сева, Катя, Мингарей, Миша... «Давай!» — умолял он танки, показывая на сосны, стоявшие вдоль дороги. Но танки шли своим путем, ряд за рядом, волна за волной, и ярко белели на черных башнях слова: «Сверх плана — первомайский», «Сверх плана», «Сверх плана». Сколько их было — сто, двести, триста? Нет, больше, гораздо больше, — их было столько, что Костя и не подумал считать.

Конец! Кончилось грозное шествие. Еще пенилась и бурлила желтая глина танковой дороги, прорезавшей лес, но шум моторов быстро сбывал, как спадает вода в реке после бурного половодья. Он снова превратился в глухой подземный гул, не рождавший откликов в лесу.

Костя оглянулся, позвал:

— Севолод!

Звук собственного голоса показался ему слабым, расщепленным, дребезжащим. Он набрал побольше воздуха и завопил:

— Се-во-лод! «Молнию» давай! Се-во-лод!

Тишина... Сева исчез вместе с «молнией». Костя крикнул еще раз-другой, не дождался отклика и побрел по лесу. Не было никакого смысла итти на Северный Полюс: к торжественному собранию он уже опоздал, и, кроме того, «молния» исчезла вместе с Севой. Но дело не только в этом... Его уже не увлекала мысль натянуть Мингарею нос и надавать ему горячих. Не это теперь было важным. А что же было важным? Танки — вот что. Он шел по тропинке, которая по его расчетам должна была вывести к заводской окраине, и старался сообразить — сколько нужно сделать танков, катюш, самолетов, пушек, чтобы бросить на-земь фашиста и раздавить, как змею-гадюку.

Стемнело. Звезды замигали, замерцали вверху, в неподвижной черной хвое молчаливых сосен. Костя шел вперед, улыбаясь своим мыслям и не замечая, что улыбается. Потом он забеспокоился — не заблудился ли Сева? — и немного покричал, но ответа не услышал.

ДЕЛУ ВЕНЕЦ

— Явились, наконец! — хмыкнул Сева, как только Костя переступил порог боковушки. — Куда ты девался? Пропал, как сквозь землю провалился...

Картина, которую увидел Костя, была занятной. Поджав ноги, Сева сидел на топчане и тянул чай из блюдечка. Вероятно, он занимался

этим уже давно, — его лицо блестело, глаза от удовольствия стали маленькими и туманными. На стене, прямо над Севой, как победное знамя, висела та самая «молния», которую ребята должны были доставить на филиал. Она гласила:

«Привет фронтовой бригаде Кости Малышева!

В последний день предмайского соревнования она выработала 250 процентов бригадной нормы».

— А ты куда пропал? — спросил Костя.

Оказалось, что получилось очень просто: Сева так обрадовался танкам, что забыл о Косте, побежал за танками, бежал долго, а когда опомнился, увидел какой-то пригород и какой-то завод. Это был Большой завод. Ему осталось только сесть в трамвай. Дома Сева узнал, что Катя уже вернулась с торжественного собрания в клубе, и сел пить чай.

— «Молнию»-то на Северный Полюс не принесли, — сказал Костя.

— Чепуха, — ответил Сева. — Мингарей и без «молнии» узнал, сколько мы выработали... А эта «молния» пускай у нас висит... На память... Будут у нас еще дела с Мингареем, успеем поговорить... Девочки на собрании слышали, что бригада Мингарея на двести сорок процентов сработала... Мы впереди... Чего ты на меня уставился?

Только теперь Костя додумал мысль, которая неосознанно занимала его с той минуты, когда он вошел в боковушку. Он прекрасно знал, что Сева в два дня расправился с сахаром, выданным в счет майской нормы, сахара у него не было, и все же...

— Ты чего не свистишь? — спросил Костя.

— Дурак я был, свистеть, — ответил Сева, отхлебнув из блюдечка, и зажмурился от удовольствия. — Сам свисти, если хочешь... Давай кружку — налью!

Костя поднес кружку к губам, понял, что свистеть, действительно, было бы глупо. Никогда в жизни ему не приходилось пить такого сладкого чая, если можно было назвать чаем густой, горячий сироп.

— Жирно живешь! — сказал он. — Где сахар взял?

— Не у тебя.

Все стало понятно. Стараясь не выдать своей радости, Костя, будто ничего не понял, упрекнул товарища:

— Запас тронул? А в синий туман с чем пойдешь?

— В какой синий туман? — хладнокровно спросил Сева.

— В такой-какой... Ясно, — за золотом.

— Видел сколько танков, — ответил Сева. — Без твоего золота как-нибудь обошлись. И знаешь, что-то мне перестало вериться в синий туман. Конечно, может быть, манси, действительно знают хорошие золотоносные места, но что касается поющих рыб и прочих чудес — извиняюсь... Наверно, это все сказки. Ты не обижайся... Мне кажется, что это чепуха... Хочешь еще чая? Мне не жалко, — и он щедро долил кружки.

Странное дело, все это только обрадовало, но как-то не удивило Костю. Напротив, теперь было бы гораздо удивительнее, если бы Сева сказал: «Давай тамгу, я ее заслужил». Уже давно Костя, не призна-

ваясь в этом себе, ждал, что его товарищ под тем или другим предлогом откажется от синего тумана и, когда дождался, почувствовал, как много уверенности было в этом ожидании.

Костя припомнил историю с тупым гвоздиком и усмехнулся, как усмехнулся бы взрослый человек, увидев короткие штанишки, которые он носил в детстве. Танки? Конечно, танки сыграли свою роль, но не только встречей с танками объяснялся отказ Севы от экспедиции за золотом. Слишком много важного, решительного случилось в жизни мальчиков, большая сила была у нового ветра, который ворвался за колонны в первый день существования фронтовой бригады: новый ветер прогнал синий туман далеко-далеко, и то, что еще недавно казалось простым, верным и важным, стало шатким и неверным, как полузабытая сказка, как хрупкое сновидение, — священное озеро, поющие рыбы, золотое дно...

Разве могло сравниться все это с тем, что окружало мальчиков, что было их жизнью, их борьбой, их трудным и радостным делом. Нет, сказка стала бледнее жизни — большой, трудной жизни, которая ждала от молодых рабочих новых подвигов в их боевом труде.

ВОСЬМЕРКА

А. Кузнецова *Рисунки Е. Гилевой*

Прозрачные капли стекают с весла,
Журчит за бортом река.
Команда гребцов смугла, весела
И, как наподбор, крепка.

Восьмерка, на старт! Восьмерка, вперед!
Только струится след...
Ветер и мечет, ветер и рвет...
Догнать, видно, силы нет!

Короток бег напряженных минут,
Взмахи весел дружней!
Первыми к финишу те придут,
Кто спаянней и сильней.

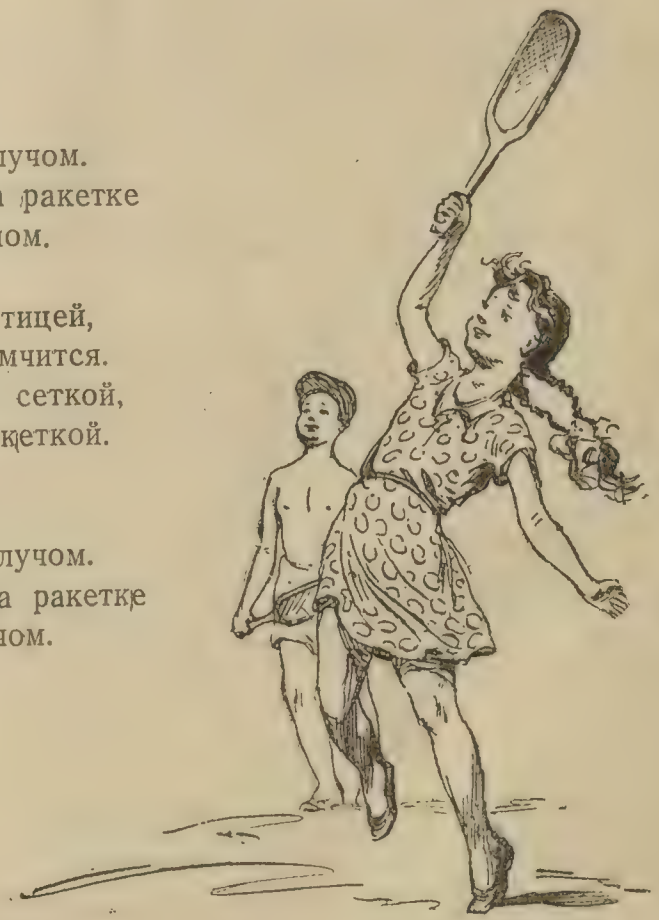
Прозрачные капли стекают с весла,
Журчит за бортом река.
Команда гребцов смугла, весела
И, как наподбор, крепка!

Теннис

Синее небо и белая сетка,
Солнце скользит по газону лучом.
Солнечный луч засверкал на ракетке
И полетел вперегонки с мячом.

Теннисный мячик веселою птицей,
Легкою птицей по воздуху мчится.
Снова и снова взлетает над сеткой,
Снова и снова подхвачен ракеткой.

Синее небо и белая сетка...
Солнце скользит по газону лучом.
Солнечный луч засверкал на ракетке
И полетел вперегонки с мячом.



ЦВЕТОК

Вчера чуть видимый бутон
Зеленый, как листок,
Сегодня распустился он,
Мой розовый пион.

Я всю весну его берег,
Берег, как только мог!
Водою теплой поливал,
От стужи укрывал.

И наконец раскрылся он,
Махровый розовый пион
В душистом пышном платье.
Его могу сорвать я...

Нет! Лучше пусть цветет в саду
У всех прохожих на виду.
Все, кто идет по улице,
Пионом пусть любуются!

Вася Воронков

В. Великанов
Рисунки Е. Гилевой

Стояла теплая летняя ночь. Город Б. полыхал в огне, и небо рдело огромным трепетным заревом. Мощные взрывы следовали один за другим — это немцы подрывали лучшие здания города.

Они спешили...

На станции стоял длинный состав, в который торопливо грузился крупный немецкий штаб с награбленным добром. Черный и маслянисто-вспотевший паровоз тяжело вздыхал парами, будто сокрушался, что ему придется спасать всю эту суетливую крикливую банду.

У паровоза, рядом с высоким худым стариком, стоял двенадцатилетний мальчик Вася Воронков. Дотронувшись до замасленной блузы старика, он тихо спросил:

— Ну, как, деда, достал ключ-то?

— Достал.

— Давай.

— Погоди ты, — одернул его старик. — Видишь, опять смотрит на нас этот сторожевой пес с автоматом. Заметит, и все пропало.

Из будки машиниста выглянула большеносая физиономия «фрица» и строго посмотрела на машиниста.

— Шнель! Шнель! — крикнул немец и опять скрылся в будке.

Вместе с кочегаром, назначенным из местных полицаев, он занят был «освоением» русских трофеев: с другой стороны паровоза они втаскивали в будку какие-то узлы и коробки. А с тендера, возле будки машиниста, торчали черные стволы двух пулеметов, и около них возились четыре немца.

Да, вот и попал дед в беду. Старый был, больной, а вот пришли вчера и забрали. И велели вести паровоз. Вези их, спасай. Да будь они трижды прокляты, чтобы он принял на себя такой грех! Мама в тюрьме — заложницей за отца. И жива ли она теперь? Вася слышал, что

немцы при отступлении обычно расстреливают заключенных. Правда, когда он последний раз ходил к отцу в лес и передавал ему нужные сведения, отец сказал, что он освободит заключенных. Но вот немцы уже уходят, а партизан и не слышно. Наши наступают, и уже где-то совсем близко грохочет артиллерия, но придут они, может, только утром, а тут дорога сейчас каждая минута.

Дед наклонился к колесам, будто рассматривая что-то, а левой рукой взял руку внука и вложил в нее ключ. Вася сжал руку кулачком и сунул ее в карман рваных штанишек.

— Только хватит ли у тебя силенок-то? — с сомнением проговорил дед.

— Хватит, — решительно подтвердил Вася, — гляди, я сильный.

И он вытянул перед дедом сухие длинные руки.

— Да я не о руках. С «балансом»-то ты справишься, а вот выдержит ли душа-то? Понимаешь?

— Понимаю. Выдержит, — уверенно и серьезно сказал Вася.

Дед пытливо посмотрел на внука.

«Весь в меня. Крупный и жилистый, а глаза, как у бесенка. Много уже горя хлебнул да и породы крепкой, — пожалуй, выдержит...»

— Только ты помни: как свисток будет о выходе, тогда и переведи стрелку. А сам подальше схоронись, в подвал куда-нибудь.

— А как же ты? — тревожно спросил Вася.

— За меня не бойся. Как-нибудь главного-то пса уложу и спрыгну.

Задумался на миг и грустно добавил:

— А коли не сумею, так живи хоть ты, внучек. Кому-нибудь надо же помирать за родину. Я уже давно на свете живу.

Он наклонился к мальчику и поцеловал его. На старческие глаза набежали слезы.

— Ну, иди, — сказал он дрогнувшим голосом. — Да смотри, будь осторожен. Береги себя.

Вася торопливо успокаивал старика:

— Ладно, деданя, я все сделаю, а ты непременно спрыгни. Непременно! — крикнул он и быстро побежал по путям, перепрыгивая через рельсы.

До этой стрелки целый километр. Надо успеть добежать, а то вдруг тронут и проскочат по прямой. Вот он издали видит уже ясно стрелочный указатель — фонарь с беломолочным прямоугольником. Запыхавшись, добежал до стрелки, споткнулся и растянулся на земле у шпал. В нос попал песок. Уф! — фыркнул он и в этот момент услышал дробные пулеметные очереди. Они неслись из рощицы, где была тюрьма.

Вслед за этим он увидел бегущих оттуда полицаев, которые на ходу испуганно кричали: «Партизаны! Партизаны!»

Они бросились к переполненным вагонам, но в дверях немецкие солдаты пинали их ногами в грудь и били по головам автоматами.

«Ага! Предатели! Так вам и надо... — торжествующе шептал про себя Вася. — Видно, вам тятя подсыпал там перцу. И мамку освободит...» — радостно подумал он.

В это время раздался пронзительный паровозный свисток, и Вася вздрогнул. Пора! Оглянулся вокруг. Вроде никого близко нет... Вскочил на ноги. Отблески пламени от горящего вокзала долетали и сюда, смутно освещая путь.

Он наклонился к шпалам и быстро нащупал замок. Руки почему-то дрожат, и никак сразу не попадешь ключом в замок. Ага, вот нашел! Отпер, перебросил стальную накладку и схватился обеими руками за ручку баланса. Ох, как тяжело! Напрягся всем телом. Поднял и повернул на другую сторону. Стрелочный указатель повернулся на станцию желтым кругом. Вася облегченно вздохнул.

Вот теперь все. Нет, еще не все — надо запереть. Так будет вернее. Если кто и наткнется, так сразу не переведет стрелку обратно на прямой путь. Вот он уже чувствует ногами, как гудит земля от ускоряющегося бега тяжелого поезда. Вон он черный паровоз с яркими глазищами прет вперед, на верную смерть.

Вася прыгнул через рельсы и быстро-быстро побежал прочь. Он ясно слышит тяжелое дыхание паровоза. Оглянулся и в этот момент провалился в какую-то яму. Тут же, зверьком, выглянул из нее. Поезд уже подходил к стрелке на большой скорости. Вася видит, как из паровоза вперед по ходу поезда прыгает человек. Падает, вскакивает и снова бежит в сторону. С тендера застрочил пулемет, и человек упал. Вслед за ним из паровоза прыгнул еще кто-то, но он, видно, не рассчитал: ударился об стрелку и тут же свалился под колеса. Еще миг, и огромный паровоз, проскочив запасной путь, налетает на тупик, сносит его как деревянную калитку и грузно врезается в землю. Вслед за ним вагоны лезут друг на друга, словно играют в чехарду, громыхают, трещат и разламываются. А минуты через две с того места, где был паровоз, раздается потрясающий взрыв, и все окутывается густым паром и дымом...

Через полчаса после крушения поезда наша танковая часть ворвалась в город. Уже рассветало. Недалеко от места крушения, в воронке от разорвавшегося снаряда, мы обнаружили старика с мальчиком. Тяжело раненный старик был в бессознательном состоянии, а худой рослый мальчик держал его голову на своих коленях и, поглаживая по седым волосам, говорил сквозь слезы:

— Деданя, а деданя, очнись. Наши пришли. Деданя...

Мы взяли их в свою санчасть, и там привели старика в чувство.

Увидев возле себя мальчика, он слегка улыбнулся и тихо промолвил:

— Вася... живой? Все-таки, наша взяла.

Помолчал, а потом спросил:

— А как мама?

— Не знаю еще, — грустно ответил Вася.

В это время в санчасть вошел рослый мужчина средних лет с автоматом в руках. С ним вошла бледная истощенная женщина.

Вася рванулся к ним навстречу и радостно закричал:

— Ма-ама! Тя-ятя!

И, порывисто обняв мать, прильнул взлохмаченной головой к родной груди.

ПАДЕНИЕ ПЛЕМЕНИ ИЕСКЕЛОВ

Ол. Коряков

Рисунки Е. Гилевой

— Предатель — вот ты кто!.. И я спрашиваю в последний раз: ты будешь еще позорить честь вождя племени?

Иескела был не на шутку сердит. В сумрачном свете Пещеры Кожаного Чулка его бледное лицо казалось серым. Губы дрожали, белесые брови сдвинулись, и даже прыщик на носу, казалось, стал темным.

— Отвечай!

— Чего ты петушишься, ну, чего? Вот возьму и уйду. Подумаешь, недотрога! Сам же виноват: на словах — ух, какой, а на деле, размазня вареная. Туда же — инде-ец, вождь племени!.. Вот, — и Славка Брызгин со всем мастерством, на какое он был способен, изобразил в подтверждение сказанного кудахтающую курицу.

Тут Иескела, совершенно забыв о необходимости быть важным и невозмутимым, вскричал жалобно тоненьким голосом:

— Опять ты дразнишься? Ничего ты не понимаешь в индейских делах, и Димка не понимает, и никто!..

Алеша Пенкин считал себя великим знатоком и хранителем боевых традиций славных индейских племен. Недаром из писателей он признавал за настоящих только Фенимора Купера и Майн-Рида. Себя он называл: «Иескела, вождь племени ескелов», но никому не говорил, что это — его обычное имя Алексей, только перевернутое. У входа в старую шахту, названную им в честь героя куперовских романов Пещерой Кожаного Чулка, у него были спрятаны «мокасины», сшитые из обрывков бараньей шкуры, «томогавк» — сломанный топор, который был подобран около кухни, и головной убор из перьев курицы, которую соседская Жучка удавила в прошлом году.

Ребята звали его Алеша-Куриное перо, хотя он всячески настаивал на том, чтобы слово «куриное» сменили на «соколиное».

Алеша был не единственным представителем храброго племени иескелов. Отрядный запевала и балагур Слава Брызгин, маленький, вихрастый, весь в веснушках хлопец, считался его тайным единомышленником. Они вместе зачитывались Купером и Ридом, вместе тайно поклялись полмесяца назад «быть, как индейцы», и несколько вечеров подряд Слава ходил в лес, чтобы из лука подстрелить ворону или коршуна — он тоже собирался сделать для себя индейский головной убор.

Но, признаться, дружба у них клеилась плохо: Алеша умел только мечтать, он очень любил читать о приключениях индейцев и думал, что от этого становится героем. Славка тоже любил эти книги, но рвался в сегодняшнюю жизнь, к боевым, кипучим пионерским делам. Он часто подсмеивался над Иескелой из-за его неуклюжести, слабости, ненатренированности. А вчера во время похода дружины из лагеря на речку Каменку они поссорились основательно.

— Почему ты не купаешься? Хочешь, научим плавать? — спрашивали у Алеши товарищи на привале.

— Племя иескелов презирает воду, — бурчал Алеша и демонстративно отвертывался от реки, где с веселым гомоном плескались ребята.

— Чего ты плетешься в хвосте? — допытывались у него на обратном пути.

— Он привык скакать на диком мустанге, — фыркнул Слава.

Алеша многозначительно и зло выпучил на него глаза.

— А что? — взъерошился Слава. — Факт, ходить не умеешь. Весь отряд назад тянешь...

И вот сегодня в Пещере Кожаного Чулка состоялось объяснение по поводу вчерашнего разговора. Славка был непримиримым.

— Хорошо, — взяв себя в руки, прищурил глаз Иескела. — Я, как вождь, запрещаю тебе носить боевой убор из перьев.

— Хо-хо! — насмешливо отвечал маленький бунтовщик. — Думаешь, заплачу. Наоборот! Олег Кошевой тоже перьев не носил, а храбрости и уменья у него еще побольше, чем у Кожаного Чулка было!

Вдруг в лагере пронзительно и тревожно запел горн.

— Тревога!? — вскочил Слава. — Я побежал.

— Обожди, я запрячу это, — Иескела начал стаскивать с себя «одежду вождя».

— Не буду я ждать...

В лагере чувствовалось что-то необычное. Шагом никто не ходил — все бегали. Связные то и дело прыгали с крыльца штаба и мчались в разные стороны. У знамени дежурил двойной наряд.

— Где был? — набросился на Славу звеньевой — Дима Крутояров, высокий загорелый крепыш с темными блестящими глазами.

— Далеко, — уклончиво ответил Слава.

— Пенкин где, не знаешь?

— Сейчас придет.

— Ну, слушай. Лагерь объявили на «военном положении». Начальник лагеря сказал, что будет бой с дружиной имени Павлика Морозова. А еще он сказал, что звено, которое получит призовой флажок с надписью «Смелым и ловким», на октябрьской демонстрации понесет знамя дружины. Понятно? А ты шляешься где-то!

— Вот да-а! Даешь, значит, Берлин?

— Даешь!.. Стоп, — заметил Дима вышедшего из леса Алешу и резко свистнул. — Ко мне!

Алеша подошел.

— Это ты так по тревоге являешься? И галстук вкривь повязан.

— У меня нога стертая, — попытался оправдаться вождь племени иескелов.

— А кто виноват, что она стертая?.. Ну, ладно. Идемте сейчас походные котлы чистить. Звено уже там. Понятно? — Дима всегда спрашивал: «Понятно?», хотя говорил обычно вполне ясно.

— Ну, вот, так и знал, — поморщился Алеша. — Называется: «боевая тревога». Что, девчонки не могут, что ли, почистить?

Дима строго глянул на него своим карим глазом:

— Не хнычь. Белоручкой хочешь быть? — и выругался: — Индеец американский.

— Мы не хнычем и не стонем, не горим мы и не тонем, — озорно пропел Слава и сам удивился, что получилось в рифму. — Здорово!.. Димка, давай я все твои распоряжения буду стихами говорить.

— Скажи своим ногам, чтобы на кухню, к котлам, бежали.

— Чтобы на кухню? Это я сейчас... Хочешь кушать фарш — бегом на кухню марш!.. Так ведь я же поэт, братцы! Просто Пушкин! Ура! — и Слава веселым козленком помчался туда, где хлопотливый Петр Семеныч, лагерный завхоз, готовил кухню к «военному» походу.

А Иескела поплелся, мрачно опустив голову. «Ладно же, — думал он, — все равно я докажу вам, что значит быть индейцем». Ему очень хотелось совершить такой подвиг, чтобы все удивлялись его мужеству и находчивости, чтобы ребята потихоньку указывали на него пальцем

и восхищенно шептали: «Смотрите, вот он — Иескела-Соколиное перо. На вид невзрачный, а на деле — ух, какой!..»

Лагерь шумел веселым деловитым гомоном. Солнце жгло коричневые спины ребят, но ветер обдувал прохладой, и работа подвигалась быстро. Диму срочно вызвали в штаб, а через некоторое время прибежал связной и вручил Славе пакет. На небольшом листе бумаги было написано:

Из штаба ОКО. Секретно.
От развилки дорог азимут 165 до большого камня, дальше по знакам.
Собраться всему звену. Пароль обычный.
Орлиное Сердце.

Слава так и подпрыгнул:

— Братцы, дело начинается!

Он хорошо знал, что когда совет отряда имени Олега Кошевого начинает именоваться «штабом ОКО» (Отряд Кошевого Олега) — дело принимает серьезный оборот.

Неуклюжей серой громадой вздыбился над гладью исетских вод высокий гранитный утес. На вершине его чернеет расщелина, а из нее, переплетаясь, словно в обнимку, тянутся ввысь три узловатые сосны. Вокруг них, покрывая скалу плотным темнозеленым ковром, топорщится невысокий, но густой молодой сосняк. Раньше здесь, рассказывают, испокон веков шумел, споря с вольным ветром, древний березовый лес. Однажды — было это 28 лет назад, как раз в то время, когда наши отцы боролись за советскую власть, — три красных партизана, отбиваясь от колчаковцев, попали на этот утес. Они долго отстреливались, а когда патроны подошли к концу, подожгли лес. Пламя и дым задержали врагов. Но все же они прорвались. Тогда три смельчака бросились с утеса в Исеть. Рассказывают, выплыли они, не утонули. Березовый лес сгорел, а три сосенки, подымавшиеся из ущелья, уцелели. Вольный ветер разнес семена их по земле, и вот молодой сосняк плотным густым ковром прикрыл обожженное тело скалы, которую народ с тех пор прозвал Скалой отважных. Сюда, к трем соснам, и привели ребят знаки, выложенные умелой рукой Орлиного Сердца. Около сосен их остановил тихий настороженный оклик:

— Партизаны?

— Краснодон, — вполголоса ответил Слава.

Тогда из густой заросли вышел Дима Крутояров-Орлиное Сердце.

— Будьте готовы! — приветствовал он свое звено.

— Всегда готовы! — ответили лихие крутояровские хлопцы.

— Давайте ближе, — сказал Дима, сел, и восемь алых галстуков окружили его. — Вот смотрите... Это течет Исеть, — Дима начертил на земле широкую извивающуюся ленту. — Здесь наш лагерь, это — остров, тут вот брод...

Все со вниманием следили за движением его руки.

— Завтра утром начинается наступление. Цель нашей дружины такая — овладеть лагерем морозовцев. Понятно? Значит, надо перебраться на ту сторону Исети. А как перебраться? Есть два пути. Один — через мостик, вон там, второй — через брод. Ясно, морозовцы не дураки, они и там и тут заставы выставят...

— А мы как двинем-двинем, так все заставы полетят! — воодушевился Толя Кузовлев, толстенький, с голубыми сияющими глазами паренек.

— Хвастун, — спокойно обрезал его рассудительный вожак. — Они тебя из пулеметов: чик — и нету. Понятно?

— Понятно, — грустно кивнул Толя.

— А мы их обманем! — привскочил Слава.

— Как?

— Это надо обдумать, — Слава медленно сел.

— Точно говоришь! — подхватил Дима. — Мы их перехитрим. Вот слушайте, какое задание дал нам штаб. Знаете перекат у северо-западного мыса острова? Там вода бурлит — смотреть страшно. Да? А вот мы как раз там сделаем переправу. Что?.. А вот так. Сделаем — и точка. Понятно?

— Ты это здорово, Димка, придумал, только как же там переправу устроить?

Во-первых, это не я придумал, а совет отряда. А сделаем мы это так. Завтра с утра трое из нас отправятся к острову на лодках. Подчалим с запада, где вода потише. Выйдем к перекату и срубим две или три березы. Камни там, на перекате, высокие, деревья водой к ним притиснет, и стволы не уплывут.

— Так ведь с берега до берега длины ствола, пожалуй, нехватит.

— Всегда ты перебиваешь, Слава. Сначала дослушай. Пока трое на острове орудуют, остальные вместе с отрядом из леса ползком — обязательно ползком, чтобы морозовцы с поста у брода не заметили, —

подтащат еще два ствола. Вот вам и мост. Понятно? А дальше так: мы подыскиваем с южной стороны острова еще брод, там можно найти, и через остров переходят наш и четвертый отряды. Главная колонна из лагеря пойдет к мостику, а наши два отряда заходят морозовцам в тыл. Получается окружение. Полный Сталинград. Во!

— Я же говорил, что Димка, когда вырастет, генералом станет. Факт! — и Слава запрыгал, будто победа была уже в их руках.

Все встали и подошли к краю утеса. Внизу, покачивая на волнах белые пятна облаков, спокойно и мерно плескалась темная Исеть. Круто обходя утес, она убыстряла свой ход, серебрилась на солнце и громадной живой змеей извивалась меж береговых круч, уползая стремительно на восток. Там, впереди, зеленел остров Лесной. Справа от него Исеть текла спокойнее, чуть топорщилась мелкой рябью, а слева, в узком каменистом проходе, она неистово билась, всплескивая капризные волны, и неспокойный ропот ее был слышен даже здесь, на Скале отважных.

— Будет дело на реке Исети! — не то с торжеством, не то с опаской проговорил Слава.

— Ну, давайте решать, — кто на лодке, кто действует с берега.

— Я на лодке!

— Я!

— И я.

— Я тоже...

— У нас ведь не линкор, — урезонил товарищей Дима. — Поплывем на «Сестричке». А она только троих вмещает.

— Тогда, кто лучше плавает, те на лодке.

— А мы все лучше плаваем!

— Тянуть жребий!..

Выпало: на лодке плыть Диме, Славе и Толе...

Двинулись в лагерь. Алеша сосредоточенно и угрюмо молчавший на Скале отважных, пошел рядом с Крутояровым.

— Дима, — решительно начал он, — я бревна из леса подтаскивать не буду.

Дима остановился, свирепо пошмыгал носом, потер свой стриженый затылок и спросил:

— На совет захотел попасть?

— Да нет же. Я не потому не буду, что не хочу, а потому, что у меня другой план.

— Какой другой?

— Только, чур, секрет. Даешь слово?.. Тайна! Я буду действовать

по-индейски. Знаешь, у оврага стоит старый плотик. Я на нем переправлюсь к морозовцам, тайком проникну в их лагерь и... Как сказать: похищу или похитю?

— Что похитишь?

— Знамя! А без знамени — что за лагерь! Верно?

— Ерунда! — и Дима зашагал дальше.

— Да ты послушай, послушай...

— Что слушать-то?

— Так ведь я за всех стараться стану. Это вроде подвиг будет, — чуть не плача, пытался гордый Иескела убедить вожака звена.

— Какой там подвиг! Тебе и не суметь. Попадешься, как курица.

— Ты не дразнись... И вовсе я не попадусь. Вот клянусь тебе своим томогавком, и пусть меня скальпируют и шакалы съедят, — у меня получится!

Очень уж хотелось Алеше Пенкину отличиться и защитить честь племени иескелов.

В конце концов Дима согласился.

— Ладно. Только, если тебя морозовцы поймают, мы знаешь, что сделаем? Мы тебя всем звеном целый год тренировать будем — бегать, прыгать, плавать. Понятно? Все, по очереди, учить станем. Тогда держись! Согласен?

— Согласен. Только не поймают. Вот увидишь.

Над водой еще плавал зыбкий утренний туман, но ветерок уже растаскивал, развевал его белесые космы, и солнце, пробившись сквозь серую муть, выстлало блещущую ртутью длинную дорожку. Пахло туманом, сосной и травами.

Напялив на себя бараньи «мокасины» и украсив голову боевым убором из куриных перьев, отважный Иескела тайком от товарищей отплыл на поиски славы.

Легкий плотик мирно покачивался на сонных волнах, кругом все было торжественно, спокойно, и вождь несуществующего индейского племени предался грезам. В мечтах своих он колесил по саваннам, курил трубку мира с Кожаным Чулком, бил в глаз пантер, умирал геройски на костре, спасался чудом, плыл по Рио-Негро, — словом, цепь грез была весьма приятной.

Вдруг — карамба! — так говорят индейцы. Как же он прозевал? — Алеша заметил, что плот его несется прямо к перекату. Он ткнул шестом в воду и чуть не слетел с плота: шест не достал дна. Пытался грести — никакого толку.

Бурная белая кипень надвигалась все ближе, и рокот переката заглушил дыхание побледневшего Иескелы. Безрезультатно тыча шестом в водяную глубь, Алеша беспомощно топтался на маленьком вертком плотике.

Что делать?! Вот ведь, совсем уже близко, бешено бьет о камни пенный поток.

Сейчас закружит, ударит, сметет...

...Походная колонна втянулась в лес. Шли бесшумно, но быстро. Разведка, высланная вперед, действовала четко и уверенно. Ребята в голове колонны и не заметили, как по чьему-то безмолвному знаку третий отряд, отстав, свернул вправо, к перекату. Впереди шагали хлопцы из диминого звена.

А сам Дима в это время плыл на «Сестричке». Он с Толей сидел на веслах, а Славка, напевая что-то себе под нос, консервной банкой вычерпывал из лодки воду.

— Эх, хороший сегодня день будет, — сказал Толя.

— Держите правее, влево заносит.

Дима налег на свое весло, и искристый след за «Сестричкой» описал плавную дугу.

— Хорош, — отметил Слава. — Даже лишку... Стоп! Плот? Ну да!.. Так, его же на порог несет!

Дима оглянулся.

— Братцы, это Алеша...

Надо было спешить, очень спешить.

— Алеша, держись!!

Согнув в стремительном и напряженном взмахе спины, они выгребали лодку к перекату — навстречу бушующим волнам. Весла гнулись от сильных толчков. Успеть ли?

— Держись, Алеша!

Уже видно камни у порога, и, кажется, судьбу не переспорить. Эх, если бы кто-нибудь сильной рукой подтолкнул лодку сзади!.. Подтолкнуть! Вот это мысль! И Слава Брызгин, веселый балагур и насмешник, маленький курносый Славка крикнул только: «Жми, ребята!» резко оттолкнул от себя корму, бросившись в водоворот...

Алеша видел и не верил, — неужели правда: лодка рядом!?

— Прыгай!

— Быстро!

Он зажмурил глаза... Открыл их... Прыгнул...

Если бы не Слава, обратно бы не выгрести. Он успел уцепиться за лодку и рывком повернуть ее. Весла уперлись в воде. Струя толкала их назад, круто бурлила у носа лодки, захлестывала вовнутрь. Мгновение «Сестричка», крупно дрожа, стояла на месте, потом медленно-медленно тронулась от переката вверх по течению...

Пришвартовались к острову с юго-запада. Слава принялся выжимать трусы и майку. Дима коротко и зло спросил у Алеши:

— Ну?

Тот ничего не ответил и отвернулся.

— Так, — сказал Дима, — ладно. Разговаривать будем после. Сейчас, значит, мы с Толей идем к перекату, будем валить деревья. Тебе, Слава, — он кивнул на Алешу: — заберешь его с собой — отыскать брод. Понятно!

— Есть, капитан!

— Ну, мы пошли.

Они скрылись в чаще.

— Ты как на плоту очутился? — спросил у Алеши Слава. — Почему не с отрядом?

Алеша замялся и пробормотал:

— Специальное задание.

— Ого! Какое?

— Нельзя говорить. Тайна... Но тебе... Тебе я скажу. Вы с Димой здорово храбрые ребята... А задания у меня никакого нет. Это я сам придумал — знамя у морозовцев выкрасть. Знамени не будет — значит, их лагерь пал...

У Славы загорелись глаза:

— Давай вдвоем.

— Нет, я поклялся, что сделаю это сам. И этим я отплачу вам за то, что вы меня спасли.

— А сумеешь?

— И ты не веришь?! Вот... Вот клянусь тебе, я это сделаю. Трубкой Кожаного Чулка, честью племени, чем хочешь клянусь!..

— Хм, — недоверчиво покачал головой Слава. — Ладно. Мне все равно возвращаться надо к Диме. Давай влезем в «Сестричку», поедем. Брод отыщем, а после отправишься. Только... Ну, хорошо, я помолчу, а то опять обидишься...

Они поплыли вдоль берега по правому рукаву Исети, время от времени измеряя веслом глубину. Сначала дна не доставали. Потом стало мельче.

— Вот здесь подходяще, — сказал Слава. — Причалим, я попробую перейти.

Брод оказался глубоким у правого берега. Слава решил вернуться немного назад. Алеше он сказал:

— Вычерпай из «Сестрички» воду, а потом подгребай ко мне.

Он прошел метров сто, нашел другую мель, сходил на правый берег и брел по воде обратно, когда заметил, что к Алеше, все еще плескавшемуся с консервной банкой, подбираются два незнакомых паренька.

— Алешка, ко мне! — крикнул Слава.

Тот вскочил, оглянулся, заметил противника и бросился в лес.

— Назад, в лодку! — закричал Слава и сам, разбрызгивая воду, побежал к берегу.

Алеша заметался. Его догоняли. Он обежал толстое дерево и кинулся к «Сестричке». Сразмаху плюхнувшись в лодку, он судорожно схватил весло и оттолкнулся.

Но тут... Что это? Лодка плывет вниз по течению, не к Славе, а от него. «Отплатил за спасение», нечего сказать — оставляет товарища в беде.

— Куда же ты? Алеша!

Весло вырвалось из рук Иескелы. «Сестричка» не хотела слушаться неумелого гребца. В этот миг он готов был сам превратиться в лод-

ку, чтобы доплыть до товарища и взять его на борт. Он готов был на что угодно, только бы спасен был Слава. Он готов был... А лодка уплывала вниз по течению...

Слава выскочил на берег и внезапно заметил, что его обегает третий паренек из морозовского патруля.

Он бросился в лес напрямик. Из-за кустов выскочил четвертый. «Правильно, черти действуют на окружение», — весело подумал Слава, но не свернул, а только убыстрил бег.

— Держи его!

— Врете, не удержите, — пробормотал Брызгин и припустил что было духу.

Вдруг что-то белое возникло перед ним, и Слава с хода рухнулся на земь, больно ударившись о толстый узловатый корень дерева. «Под ноги сунулся» — успел он сообразить, и сильные цепкие руки схватили его сзади.

— Стой, приехали! — насмешливо сказал морозовец и крикнул своим:

— Пойман!

Это был высокий, статный пионер, похожий на Диму, только волосы у него были белокурые.

— Эх, вы, — сказал он, — сразу же и попались.

Слава молчал, тяжело дыша. Было очень обидно.

— У тебя кровь на голове, — сказал высокий, и в голосе его появилась тревога и заботливость. — Утрись.

Слава провел рукой по ушибленному месту. Верно, кровь.

Подбежали другие.

— Ловко ты его, Вася, сцапал.

Вася, он был, видимо, старшим в патруле, распорядился:

— Вы вдвоем ведите его на пост. Там допросят. А мы — за вторым. Может, поймаем. Пошли быстро.

Крупными размашистыми прыжками он побежал к реке.

— Идем, — сурово мотнул головой один из оставшихся.

«Э-эх, размазня!» хотелось выругаться Славе, но, как подобает настоящему воину, он смолчал и двинулся вперед. Его мысль была заня-

та одним: «Как выпутаться из позора?» Эти двое — бравые пареньки. силой их не возьмешь. Словно угадав его мысль, один из них сказал:

— Бежать не думай. Все равно поймаем. Хуже будет.

— Куда там бежать! Я вот ногу зашиб. — ответил Слава и нагнулся будто рассматривая синяк на ступне.

«Конвойные» тоже склонились. Тогда Слава, не разгибаясь, резко дернул одного за ногу, в тот же момент выпрямился пружиной и что было силы толкнул второго в бок. Тот, споткнувшись о пень, повалился. Слава прыгнул через него и помчался.

«Куда теперь? К своим — нельзя: выдам их. К морозовскому посту — снова попадусь...»

Все же он свернул к посту.

Он приметил, что вокруг в кустах меж деревьев много продолговатых ям — видно, старые шурфы: золото искали — и побежал, пригибаясь Неожиданно он круто свернул в сторону и, не раздумывая, прыгнул в одну из ям, густо заросшую высокой травой. Крапива ожгла тело. Преследователи промчались мимо.

Не дожидаясь, когда они обнаружат его исчезновение, Слава быстро выбрался из шурфа и побежал на шум переката.

Дима с Толей заканчивали работу. Одна береза уже лежала на камне, и буйный поток трепал опущенные в воду ветви. Второе дерево было подрублено наполовину. С противоположного берега ребята дружно толкали связанные проволокой два бревна. Председатель совета отряда был уже там. За ним, скрываясь в прибрежной траве, залегли цепочки пионерских звеньев. Ждали начала переправы.

Слава коротко рассказал о случившемся.

— Так, — нахмурился Дима. — Вот говорил я ему... Что теперь ним?..

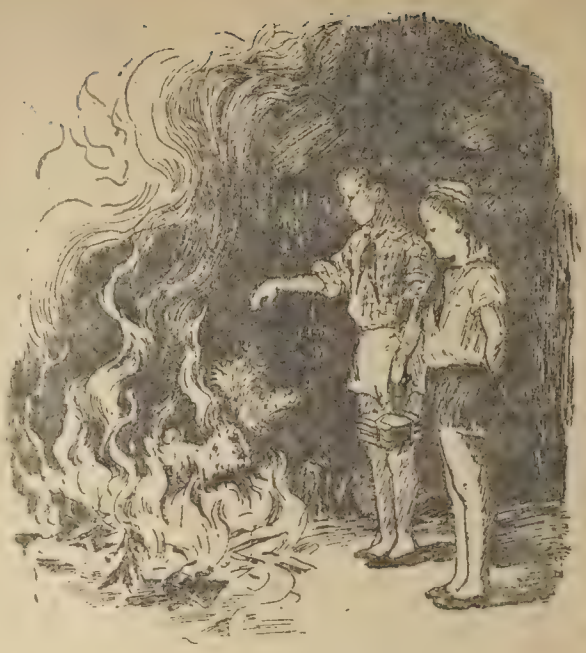
Качнувшись медленно, накренилась, взмахнула ветками и грузно рухнула на камни вторая береза. С того берега Толя вскарабкался на бревна, полз вперед и скрепил березы веревкой. За ним на мостик ступил председатель совета отряда. Выполняя формальность, «начальник переправы» Дима Крутояров остановил его:

— Партизаны?

— Краснодон, — ответил тот, легко спрыгнул на берег, за ним замелькали галстуки третьего и четвертого отрядов.

Третий получил приказ: «прочесать» остров, а четвертый, вытянувшись в «змейку», быстрым пионерским шагом двинулся за Славой Брызгиным к броду. Окружение морозовцев началось.

Солнце скатилось за лес. Полоска зари еще алела над верхушками деревьев, а с востока наплывала, кутая землю синей кисеей, прохладная мгла.



Готовясь ко сну, герои ОКО в своей потрепанной лагерной палатке оживленно обсуждали события прошедшего дня. Говорили сразу несколько ребят.

— Мы с Витей ползем, вдруг слышим: кто-то впереди бормочет. Я ему говорю...

— Он мне кричит «стой!», а я прямо на него...

— Вот, значит, «прочесали» мы остров, выходим к мыску и видим на полянке — потеха! — сидит около пенька какое-то пугало. Все мокрое, а на голове торчат в разные стороны перья. И с них вода течет. А вокруг него три морозовца ходят вприпляс и страшные рожи корчат. «Скальпировать его, — кричат, — скальпировать!» Сами хохочут. А он только глазами хлопает — Алешка-то... Ну да, это он был. Мы, значит, ближе подошли, он нас заметил, покраснел весь, глаза выпучил, а потом заныл: «Снимите, — говорит, — вы с меня это посмешище». Потеха!

Слава слушал рассказы и вдруг почувствовал, как чья-то рука всунула ему в ладонь что-то твердое. Он оглянулся. Рядом с ним уже никого не было. В руке лежал кусочек березовой коры. На нем был прочерчен силуэт летящей птицы. Слава встревоженно нахмурился, встал.

— Ох, веревку-то я забыл убрать, — громко сказал он и вышел из палатки.

Через минуту его маленькая фигурка мелькала меж деревьев, углубляясь в лес. Он шел быстро и не видел, что за ним, крадучись, пробирался еще кто-то.

Пионерским броском — 50 шагов обычных, 50 бега — Слава достиг Пещеры Кожаного Чулка. Подходя к ней, он заметил, что в пещере горит огонь. Пламя костра чуть колебалось, и от этого казалось, будто камни, нависшие над входом, покачиваются. У пылающего очага неподвижно сидел Иескела.

— Что стряслось? — спросил Слава. — Ты подал знак: «Самое быстрое и самое важное».

— Да, — кивнул Алеша. — Ты не сердись, что я тебя вызвал. Это очень важно.

Лицо у него было сосредоточенное, чуть грустное, и Слава, почувствовав, что сейчас произойдет что-то необычное, тоже проникся какой-то взволнованной торжественностью.

Тихо потрескивал костер, взбрызгивая вверх сверкающие искры. Неуклюжие тени шатались по каменному своду. Мгла в лесу сгустилась, а сидящим у огня она казалась совсем непроницаемой.

Алеша встал.

— Слава, — сказал он, чуть запинаясь, — вот смотри, — и, вытащив из-за пазухи, бросил что-то на горящие сучья. Пламя затрещало и взметнулось.

Горели перья. Слава понимающе смотрел на Алешу.

— Точка, — сказал тот. — Я сегодня так осрамился, что... В общем, ты был прав. Я, как в книгах пишут, пустой мечтатель. А на деле хлюпик. Размазня вареная. Да?.. Нет, ты не спорь, не утешай. Я и это сожгу, — он бросил в огонь «мокасины», «томогавк», обрывки какой-то облезлой шкуры, схватил связку книг — истрепанных и пожелтевших томиков Купера и Рида, — схватил и замер.

— И это? — спросил он дрогнувшим голосом.

В кустах у пещерного входа резко шевельнулась ветка.

— Кто там? — вскрикнул Слава.

Кто-то невидимый ответил полувопросом:

— Партизаны?

— Краснодон, — в тон ответил Слава.

Из куста, улыбаясь, появился Димка-Орлиное Сердце и, согнувшись, вошел под каменный свод, к костру.

— Ты как здесь?

— Пешком... Думали, не найти вас? А я сразу понял, что Славка финтит, когда про веревку сказал. Помнишь? У тебя же никакой веревки не было.

Алеша, как стоял с драгоценной связкой в руке, так и замер, не зная, что делать.

— И это? — почти машинально повторил он.

Дима повернулся к нему.

— Это — нет... Я все слышал... Это еще пригодится. Мы к этому «Швамбранию» добавим. Потом — «Дерсу Узала» Арсеньева, у меня есть...

— А я «Молодую гвардию» дам.

— Вот славная у нас в звене библиотечка будет!

... Рассуждая о том, что они будут читать, как проведут следующую военную игру и каким ловким и сильным будет Алеша, они в обнимку шли к лагерю.

— А в пещере этой всем звеном будем собираться. Ладно? — предложил Славка.

— Только мы ее назовем Пещерой дружных, — вставил свое слово Алеша.

— Идет! — воскликнул Дима. — Знаешь, Алеша, из тебя может получиться боевой парень.

Рисунки Е. Гилевой

Н. Попова, Е. Хоринская

Осенью 1947 года Свердловскому Дворцу пионеров и школьников исполнилось ровно десять лет.

Кипучая, интересная жизнь идет в этом огромном доме с колоннами. Здесь 77 кабинетов, и в них работает 44 различных кружка. Чтобы подробно рассказать обо всем, нужно написать большую большую книгу.

Мы расскажем только об одном — о юных краеведах, о «Глобусе» — так называется научное географическое общество Дворца пионеров.

Наши друзья

Сколько позади дальних и ближних походов! Сколько проложено в тайге и в горах новых тропинок! Пыль многих дорог оседала на нашей походной обуви. Немало было в походах интересных встреч и задушевных бесед.

Много у нас друзей. Они живут в Свердловске и Тагиле, Алапаевске и Челябинске, Москве и Киеве и даже далеко-далеко за морями... Само собой понятно, что не со всеми из них мы встречались лично — со многими подружились через письма. Ведь у нас не бывает такого дня, чтоб мы не получили письма, или сами не послали бы кому-нибудь письмо или посылку. Посылаем, например, в Грузию коллекцию уральских камней, а нам оттуда чай присылают или виноградные лозы.

Всю эту работу ведет специальное бюро переписки, обмена и справок, которое сокращенно у нас называется бюро ПОС.

Далеко в Якутии, на берегу реки Викой стоит Тойбохойская школа. Ребятам этой школы очень хотелось больше узнать об Урале, о его богатствах, людях, хотелось прочесть сказы П. П. Бажова. Но разве

достанешь «Малахитовую шкатулку» в дальней Тойбохойской школе... А между тем, эти ребята сами вели серьезную краеведческую работу, и у них был собран очень интересный материал о своем крае. Представьте их радость, когда однажды к ним в школу вошел запушенный снегом почтальон и вручил им посылку из Свердловска. Они не остались перед нами в долгу. Скоро мы получили от них коллекцию этнографических зарисовок, интересные записи по истории Якутии и статьи из Якутской республиканской газеты. Так мы подружились с ребятами Тойбохойской школы.

Часто мы получаем письма, в которых школьники рассказывают о своих делах и просят помочь им.

«У нас в первой школе, — пишет ученик 5 класса Юра Бекезин, — тоже есть географическое общество «Турист», но у нас как-то дело не клеится, и я, как член общества, прошу помочь нам. Мы постараемся вести дело так, как вы ведете. Прошу вас, если можно, напишите поскорей, а то наше общество совсем распадется».

Ну, как тут не помочь?

Просят выслать устав нашего общества школьники Москвы, Казани, Баку, Ленинграда...

Получая откуда-нибудь письмо, мы всегда подробно знакомимся с тем краем или страною, откуда оно получено. Так уж у нас заведено. Знать историю и географию края, где живут твои друзья, совершенно необходимо, чтобы чего доброго не спросить в письме: любят ли они сидеть под развесистой клюквой, или не попросить у якутских школьников виноградные лозы.

Иногда у нас еще холода стоят, а наши друзья уже уходят в горы.

«У нас уже хорошо, — пишет Вася Парфенов из Семипалатинской области. — Хоть сейчас иди в горы, в поле, на речку. Вот кончим экзамены, тогда уж походим.

А мы нашли в земле какой-то камень — белый, на соль похожий. Ребята говорят: — Давайте в огонь бросим!

Положили в огонь, как он трахнет, чуть нас не убило. В общем все идет хорошо. Напишите ответ побыстрее».

Мы отправляем образцы полезных ископаемых Урала, монеты екатеринбургской чеканки, книгу «Урал — земля золотая», репродукции с видами Урала и всякие материалы о нашем крае.

Много сделало бюро ПОС для обогащения наших кабинетов. Много ценнейших подарков получили мы от своих друзей со всех концов света. Нам прислали коллекцию чая и цитрусов из Аджарии, гербарий субтропических растений, коллекцию по хлопчатнику, шелководству и ми-

нералы из Ташкента, книги, ноты, карты, путеводители и почтовые марки из Лондона, Канады, Южно-Американского Союза, Индии, Чехословакии... А сколько писем, теплых, хороших, дружеских!

Очень хорошо жить на свете, когда у тебя много друзей.

Дружба — это большое слово, ребята.

Охота на мамонта

Лето. В Уктусских горах расположился военно-туристический лагерь «Глобус». Ребята ходят в походы, изучают окрестности родного города.

Сколько интересного вокруг! Многое хочется узнать. Но это вовсе не легко. Решили ребята сходить в город к своему верному другу и попросить его приехать в лагерь и помочь им. И вот через несколько дней он — профессор Модест Анисимович Клер — был уже в лагере. По возрасту Модест Анисимович, конечно, значительно старше самого почтенного члена «Глобуса», но что касается неутомимости, то тут первенство оставалось за ним. Просто поражало, как этот седой профессор водил в день по несколько экскурсий. С ним побывали ребята во многих местах, в том числе и на железных рудниках за Елизаветом. Когда спустились в глубокие открытые разрезы, сразу поразило, что все здесь — и дорога, и лужи, и доски — покрыто желтой охрой, окисью железа. Коричневые, бурые массивы хромистого железняка местами пересекали тонкие прослойки белого магнезита, темновишневые и лиловые пятна кобальтовых пород. Профессор Клер показал как брать образцы, и ребята принялись усердно работать. Одного магнезита они собрали пять с половиной килограммов для Свердловского гигиенического института. Даже благодарность получили вместе со своим руководителем, профессором Клер.

С ним же ходили ребята и на охоту. Знакомые профессора, может быть, не поверят, но тем не менее это так. Да и охота была не на каких-нибудь паршивых зайцев, а на зверя покрупнее.

— За носорогом!

— За мамонтом! — кричали молодые охотники.

Профессор не издавал таких грозных криков. Он спокойно рассказывал. И по мере его рассказа все шире открывались детские глаза, а простой котлован, где добывают глину, уже представлялся им тем озером, которое было здесь десятки тысяч лет тому назад. И шли сюда на водопой первобытные лошади, широкорогие олени, мохнатые мамонты и страшные носороги...

Ринулись ребята на раскопки. Только лопаты звенят. Нет ничего... Даже обидно: ведь еще совсем недавно во время разработки восточной

части карьера находили на глубине шести-восьми метров целые кладбища вымерших животных. И ребята продолжали копать. Градом катился пот. Рубашки прилипали к телу, но охотники не сдавались.

Один из самых бесстрашных охотников запел песенку:

Кто весел — тот смеется,
Кто хочет — тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет...

Песенка была знакомая, и все ее подхватили. С песней веселее работать. Было очень жарко, хотелось пить, но ребята упорно продолжали копать. И вдруг общий крик радости вырвался у охотников.

Володя Черкасов нашел самую настоящую кость от самой настоящей ноги самой первобытной лошади! Везет людям! Громкое «ура» огласило котлован. Позже откопали еще две кости. Конечно, мамонта найти было бы лучше, но и первобытная лошадь кое-что значит. Все это бережно хранится во Дворце.

Приходите посмотреть!

Неизвестная река

Волгу и Дон, Енисей и Амур может показать на карте каждый школьник. А вот речку, о которой мы хотим рассказать, знают немногие. И совсем напрасно, потому что это очень хорошая речка. Маленькая она, это верно, но зато какая она резвая и веселая! А больше всего мы любим ее за то, что сами ее открыли. Это наша речка.

Вот слушайте, как было дело.

Летом 1941 года мы жили в Сысертском районе. Там-то и обнаружили мы эту неизвестную безымянную речку. Отправились на разведку. Оказалось, что речка течет с Точильной горы в Сысертское озеро и даже имеет два притока. Топографы наши начали съемку речки. Мокрые по пояс, пробирались они сквозь заросли папоротников, травы и смородины. Им приходилось то прыгать с кочки на кочку, то идти вброд по руслу. Путь был трудный.

Речку поделили на шесть равных участков. Организовали шесть групп. В каждой группе был свой географ, ботаник и минералог. Начали изучать русло и берега. Мы закладывали шурфы, мыли шлихи, измеряли и высчитывали расход воды, чертили профили русла.

Вместе с этим не забывали и берега: мы собирали образцы прибрежных растений, изучали и описывали их. Когда мы закончили работу, то увидали, что подробно изучили эту речку. Но самое важное впереди. Ведь наша веселая речка-безымянка оказалась золотоносной.

Л

Правда, золота мы не собрали, но зато сколько нашли кристаллов магнетита и альмандина, т. е. граната. Эти кристаллы нам особенно понравились.

Промывали мы как-то шлихи. И вдруг обнаружили розовый мелкий-гранатовый песок. Эта потрясающая новость в один миг облетела весь лагерь. С той поры мы целыми днями не отходили от речки, отыскивали кристалliки. Все русло перерыли. Не покладая рук, с утра до вечера мыли шлихи, отбирали, сортировали, взвешивали... Мы даже соревновались между собой: кто найдет самый прозрачный кристалл граната или самый тяжелый кристалл? А кто найдет кристалл самой правильной формы?

Постепенно мы добрались до коренного месторождения гранатовых сланцев, размываемых водой. Дружно застучали наши геологические молотки — это мы выколачивали из обнажений кристаллики граната. А какие они красивые! То темнокрасные, то темнорозовые. Наши девочки даже стали подбирать себе гранатовые ожерелья.

Вот какую речку мы открыли. И разве не обидно, что она до сих пор не была нанесена на карту и даже имени не имела?!

— Нет, это нельзя так оставить, — решили мы.

И не оставили. Мы довели дело до конца. Мы вступили в переговоры с местными лесниками, и они приняли наше постановление. А постановление заключалось в том, чтобы назвать нашу резвую речку-безымянку Гранаткой. После этого мы точно нанесли ее на карту. С той

поры впервые появилась на карте новая речка. И хоть она всего 2336 метров длиною и 50 сантиметров шириною, но это ничего не значит. И стали все с той поры звать нашу речку Гранаткой.

Выросли те ребята, что исследовали Гранатку. Многие из них побывали на фронте.

И когда наносили они на военную карту какие-нибудь речки и ручьи, когда шли по тяжелым дорогам войны, не раз вспоминали они то далекое лето и нашу крошечную речку Гранатку.

БЮК

В одном из альбомов «Глобуса» есть такая надпись:

«Летом мы дома не живем. Приезжайте к нам в БЮК».

БЮК — это база юных краеведов близ деревни Кашино, в пяти километрах от Свердловска.

Крепко любят ребята свой лагерь, где отдыхают и делают полезные дела.

Представьте себе просторный цветущий луг среди гор и сосновых лесов. На лугу — продолговатый белый дом с верандой. Веранда обсажена цветами, перед домом клумба, а в нескольких шагах можно набрать большие охапки диких цветов: дремы, васильков...

Весело и гордо развевается на мачте алый шелковый флаг.

Поодаль виднеется крытый дерном шалаш, стоит скамейка и дымится костер. Вечерами, когда на лугу начинают скрипеть коростель у костра собираются ребята. В шалаше ночуют «караульные».

Направо от шалаша стоит мачта с флюгером — золотым петушком. Метеорологическая будка, с солнечными часами, дождемером. Это — обсерватория «Лысая гора».

Хороши и окрестности БЮК'а.

Взгляните на юг. Вы увидите старинный пруд. С ровным шумом вода вращает турбину новой электростанции. С утиной фермы слышится кряканье уток.

На западе — прохладный сосновый лес... Здесь так приятно ходить, скользя по пружинящему под ногами слою хвойных игл. За лесом — деревня Кашино, колхоз «Октябрь».

В противоположной стороне виднеются развалины старинных заводских корпусов и стоит кирпичный завод. Дальше — река Сысерть.

Живописна долина этой реки! Берега заросли ольхой, черемухой. В тени их прячутся кусты черной смородины, унизанные бусами спелых ягод. Деревья и кусты обвиты цепким хмелем с душистыми золотыми «шишками...»

По утрам, едва прозвучит горн, ребята выбегают из дома на поляну, еще покрытую росой, и строятся на линейку.

— Флаг на мачту!

Точно играя, взлетает ввысь яркий флаг, и в полной тишине слышатся только краткие рапорты и слова команды.

После зарядки каждый идет заниматься своим делом.

Дежурные колют дрова, готовят завтрак. Их белые косынки и фартуки мелькают тут и там. «Почтальон» опорожнил голубой почтовый ящик... После завтрака он наденет форменную кепи с надписью «п/о «Глобус», сядет на велосипед и поедет в Кашино, чтобы сдать почту и привезти в лагерь газеты, журналы, письма.

«Рабочие» ЮМ'а готовят образцы для уральских горок. Юннаты поливают свои грядки...

Каждый найдет себе в БЮК'е дело по душе.

Немало сделали пионеры. Например, вот эта обсерватория, «Лысая гора» — ее построили сами ребята. Выбрали место, огородили, выкопали мачту и поставили будку. Озеленили территорию. В ЮМ'е сделали солнечные часы. Мальчики высекли из серебристого талькового камня столб. Установили, где проходит меридиан, и отметили место толстой железной скобой. На столбе вырезали координаты БЮК'а... На утренней линейке «метеоролог» докладывает, какова температура воздуха и воды, какая сила и направление ветра. Ребята дают прогноз колхозу «Октябрь», вычерчивают «розу ветров».

Есть над чем поработать здесь юным гидрологам. Они изучают пруд и реку Сысерть. Уже написано ими несколько хороших работ: «Бассейн реки Сысерти», «Кривая падения русла», «Профиль долины реки Сысерти», «Фильтрация воды через левое плесо Ильинского пруда», «Сысертский каскад» и другие.

Раздолье и юным минералогам.

Вблизи есть золотые прииски, месторождения орлеца, малахита, гора асбеста, «дикие» мраморы, тальковые рудники. Под руководством профессора Клера собрано множество образцов сланцев, кварца, железных руд, гранитов и глин. Сысертский и Свердловский музеи получили интересные образцы. Составлены коллекции по выветриванию гранита и мрамора.

А сколько возможностей для юннатов!

Можно сказать, что они изменили растительный мир БЮК'а. Они переселили сюда более двух тысяч растений лесов и полей. Ботанический участок занимает семьсот квадратных метров. В центре стоит беседка, а от нее радиусами расходятся грядки. Чего только здесь нет: и

лекарственные растения, и декоративные, и ядовитые, пищевые и медоносные...»

Два года работали юные ботаники над темами: «Культура ревеня», «Гибридизация декоративных сортов мака», «Одомашнение» и улучшение дикорастущих декоративных растений», «Окультуривание тмина, аптечной ромашки, валерианы, наперстянки...» Составили ботанические карты, собрали большие гербарии, собрали семена подснежников, «раковых шеек», дремы и лесной лилии. Посадили на лугу смородину и викторию. Юные овощеводы выращивают салат, лук, укроп, овощи и картофель.

Все это ребята проделали под руководством доцента Льва Алексеевича Подсосова. С его помощью орнитологи изучали также видовой состав птиц в районе БЮК'а. Собирали гнезда, яйца, изготовляли чучела и влажные препараты... Создали живой уголок, где обитают сорока, зайцы, жабы, ящерицы и рыбы. Составили карту и описание будущего заказника общества «Глобус».

В районе БЮК'а немало материала для юных историков. Они описали исторические памятники Кашино и Сысерти, собрали экспонаты. Сделали много зарисовок деревянных строений. Составили словарь местного говора. Создали краеведческий музей.

Фабрика ЮМ тоже «на базе местных материалов» усилила работу: стулья, столы, байдарки, прессы, папки для гербария, ящики для коллекций, поплавки, рейки, камнерезные изделия, — чернильницы, пепельницы, статуэтки, горки из уральских камней, — вот неполный перечень изделий ЮМ'а.

* * *

Занимаясь всеми этими делами, ребята думают не только о себе. Углубить свои знания, — это хорошо... но еще лучше — передать их другим.

Вот почему они с таким пылом откликнулись на призыв педагогов Дворца:

— Боритесь за звание пионера-инструктора!

БЮК — это школа инструкторов.

Много подготовлено здесь пионеров-инструкторов по истории, минералогии, ботанике, метеорологии, по связи, домоводству, по керамике, по тиснению, по волейболу, по городкам... Нет, не перечтешь всех специальностей.

Каждый пионер записывается в тот кружок, который ему по душе, а в конце смены сдает экзамен. Дело это поставлено серьезно: лекции, консультации и экзамены проводят научные работники Свердловска.

Не думайте, что ребята много времени проводят за учебниками и книгами. Нет, они учатся, наблюдая живую жизнь! Давайте, прочтем записи в дневнике. Вы увидите, как шли эти все разнообразные работы.

«... на линейке возле мачты выстроилось 30 ребят в синих майках, в полной походной готовности. Наш руководитель Осман Садыкович Юсупов свистком дал команду. Цепочка юных краеведов уходит в лес. Среди зарослей малины мелькают белые береты.

Сделав одиннадцать километров, подходим к Тальковому камню. Несколько неожиданно из-за поворота открывается чудесный вид. Над зеркальной поверхностью прозрачной зеленой воды поднимаются огромные глыбы камня, играющие на солнце своими серебристыми плоскостями, гранями. Темная хвоя сосен обрамляет это сочетание камня и воды. Мы идем босиком по осыпи выветрившегося талькового сланца. Ноги скользят, как по нежнейшему шелку. Большие плиты обрываются в бездонные черные глубины. Там, где дно ближе, виден каждый камешек, каждая рыбка. На скале чернеет вход в пещеру. Малиновыми пятнами выделяются заросли дремы.

Пока дежурные готовят обед на костре, Осман Садыкович начинает рассказ:

— Раньше здесь добывался тальковый камень. Тальковый сланец мягок и легко поддается обработке. Посмотрите на террасы на скалах: рабочие большими пилами со страшными усилиями распиливали когда-то

эти скалы на большие куски. Использовался тальковый камень как огнеупор на сысертских заводах. На Ильинском — до наших дней сохранилась калильная печь, сложенная из этих камней-кирпичей.

Открытые разработки стала заливать вода, и во время гражданской войны добыча совсем прекратилась. В избушке около карьера долго по привычке жил старик-сторож, добывая пропитание рыбной ловлей. От нечего делать он однажды додумался до доброго дела: вывалил в затопленный карьер ведро окуней. С тех пор рыба водится здесь в изобилии.

Тальк широко используется в нашей промышленности. Без талька не может жить резиновая промышленность. Тальковой пудрой покрываются вело- и авто-камеры, перчатки и т. д., тальк дает пудру, детскую присыпку. Идет он и в кондитерской промышленности.

...До обеда мы занялись учебой: преодоление скал, карнизов, ущелий с помощью веревки и альпенштоков. Собирали образцы для коллекции... (Мы знали уже многое о тальковом камне со слов профессора Клера.)

Купанье было наслажденнем! Вода очень прозрачна, и глубина ее обманчива. Ребята плавали, как в аквариуме крупные рыбы!

Ночь застала нас у двух костров перед новым шалашом».

«.. Сегодня интересная экскурсия — в Сысерть! Мы шли по лесной дорожке. Часто встречается земляника. Дойдя до Сысерти, мы отдохнули у старого памятника, потом пошли в дом М. И. Колегова, который рассказал нам о сысертских заводах и их владельцах. Мы расположились в его маленьком зеленом садике, в тени пышных кустов шиповника.

Затем пошли к развалинам дома крупных заводовладельцев Турчанинова и Соломирского. Дом — на берегу пруда, в парке. В нем было 22 комнаты. Внизу — мрачные подвалы-застенки, где томились крепостные рабочие. Недалеко от усадьбы, сохранившейся до сих пор, завод. Около завода мы собрали образцы шлака и руды. Поднялись на гору (скорее холм), откуда Пугачев обстреливал Сысерть. Посмотрели памятники. Перед тем, как вернуться в лагерь, мы хорошо выкупались и закусили.

Экскурсия в Сысерть-городок, о котором мы так много читали, имеющий такую богатую историю и являющийся родиной уральского «сказочника» Бажова, доставила нам большое удовольствие».

«Есть в Кашино детский дом.

Семьдесят шесть сирот и детей фронтовиков живут в этом доме. И самому старшему из них семь лет.

Мы стараемся им помочь, сделать их жизнь более радостной. Мы сделали в нашем ЮМ'е 34 игрушки и подарили их детям. Когда мы проходим мимо, они показывают нам эти игрушки и кричат:

— Посмотри, какой у меня грузовик!

— А у меня лопаточка!

Детям мы подарили аквариум и научили их ухаживать за маленькими рыбками.

Привезли им 120 корней цветочной рассады. На подсобном хозяйстве детдома пропололи и окучили 131 сотку картофеля.

Отремонтировали им всю поломанную мебель — диван, 14 стульев и 5 столов.

Наш почтальон Вова ежедневно доставлял в детдом газеты и письма. Как бережно он их нес!

— Может быть, еще у кого-нибудь из ребят нашелся отец!

Детдому исправлено электроосвещение, переданы краски и бумага».

«... Три часа жизни базы: с 10 до 13 час. 1/VII.

Девять юных ботаников копали гряды, выпололи: три корня подмаренника, двадцать три василька, четыре хлопушки, три ромашки, восемь корней клевера, два — чины, шестнадцать — ярутки полевой, два ястребка и один корень сурепки.

Одиннадцать зоологов Л. А. Подсосов увел с собою в лес. Они принесли гнездо певчего дрозда с четырьмя голубыми яичками, слышали пение пеночки-весничкн, теньковки, нашли четыре гнезда колонии дроздов, увидели двух лесных голубей и собрали около 60 насекомых.

Девочки наткнулись на зайчат, а одного после долгой беготни просто руками поймала Ира и принесла его в живой уголок.

Четырнадцать девочек из кружка овощеводов окучивали картошку и капусту. Эфман и Филькенштейн сняли со своих грядок салат и отнесли в подарок пионерам соседнего лагеря. Там их угостили пирогами и очень благодарили за хороший салат. Наши девочки сказали, что салата у них много и приходите за ним еще.

Двадцать три девочки работали на поле: выпалывали сорняки и окучивали картофель.

Наши гидрологи обследовали побережье Ильинского пруда, принесли образцы водорослей, выловили несколько рыб, губок.

Шесть мальчиков в белых фартучках и колпачках готовили обед: суп мясной, пироги с мясом, чай. Затем резали хлеб и накрывали стол.

Десять человек дежурили по палатам, поливали цветы, подметали пол.

Драгошанский дежурил связистом в учебной части и заполнял дневник базы.

Рита Кашина и Галя обрабатывали цифровой материал своих дневников по метеорологии за июль, составляли розу ветров, вычерчивали кривые. Готовили прогноз для колхоза «Октябрь».

Шли занятия и в лаборатории, и в ЮМ'е.

* * *

Вот как ребята живут в БЮК'е.

И всякий отличник учебы, юный краевед — желанный гость и товарищ пионеров БЮК'а. Здесь не место только белоручкам и лентяям, которые бегут от физического труда и гонятся лишь за пустыми развлечениями.

Но, если ты — дельный человек и хороший товарищ, если тебя влечет созидательный труд, если ты хочешь научиться читать «лесную» и «каменную» книги, чтоб передать свои знания другим и стать в своем отряде инструктором, добро пожаловать!

Альбом-эстафета

Что это такое — «альбом-эстафета»?

«Эстафетой» может стать самый обычный альбом. Только выбирайте такой, чтобы корки у него были потолще, покрепче, а бумага плотнее. Ему придется совершить большой путь и побывать в десятках детских рук.

Время от времени наш «Глобус» посылает альбом-эстафету по заранее установленному маршруту. Иногда он путешествует по нашей области, а иногда едет в дальние края.

Из Свердловска альбом отправляется новеньким, с чистыми листами. Заполнены только две-три страницы. Указан маршрут, схема движения, написана инструкция и точные адреса тех кружков и школ, в которые следует пересылать альбом. Альбом заполняется по мере того, как увеличивается пройденный им путь. Он собирает материал точь-в-точь, как любознательный турист, посетивший незнакомые места.

Один такой альбом «выехал» из Свердловска в год перед войной, и вот он лежит — пухлый, видавший виды... Давайте, познакомимся с ним.

Из Свердловска наш путешественник поехал в Тавду, — в отдаленный лесистый район.

Тавдинские краеведы щедро украсили его и рассказали нам о своих делах.

Тавдинский район — родина героя пионера Павлика Морозова, память о котором свято чтут ребята Урала. Понятно, что много стра-

ниц альбома посвящено Павлику. Вот цветным карандашом изображен пейзаж — ели, пихты, узкая проселочная дорога, синее небо... А рядом стихотворение:

Залегла тайга в тумане сером
От большого тракта в стороне...
Для ребят хорошим был примером
На деревне Паша-пионер...

Есть рисунок домика, где жил Павлик Морозов, портрет его; маршрут Тавда—Герасимовка, тщательно вычерченный тонким пером. Здесь вы найдете все речки, дороги, деревни, через которые надо итти. Место, где был убит Павлик, отмечено красным флажком. Все так ясно и четко, что любой доберется по этому маршруту до Герасимовки.

Видно, что тавдинские юные краеведы хорошо знакомы с этими местами. А летом они собираются в новый поход: будут изучать Яныч-ковские курганы и озеро.

На одной из страниц наклеена карта Тавдинского района с масштабом 1:1 000 000; искусно выполнена эта крошечная карта. Дальше идут диаграммы: роста валовой продукции промышленности, роста посевной площади, роста народного образования. Оказывается, в 1919 году на весь район была одна школа, а в 1940 — шестьдесят школ. В 1919 году училось семьдесят человек, а в 1940 — восемь тысяч двести...

Много любопытного рассказали нам тавдинские краеведы!

Из Тавды альбом отправился в Туринск.

«Туринск-Епанчин», — такими словами начали свою первую страницу туринские ребята. А внизу страницы они написали:

«Начнем изучение нашего района с истории города Туринска».

В красивой фигурной, писаной бронзой, рамочке — снимок группы юных краеведов, а рядом со снимком — рисунок: богатырь в старинном шлеме и кольчуге. Подпись «Ермак» заставляет нас вспомнить историю... Ну, конечно же, Ермак шел по реке Туре и где-то в этих местах сражался с татарами.

Сейчас мы узнаем об этом подробнее.

Прежде всего рассмотрим план похода «По следам Ермака». Он пересечен жирной извилистой лентой, — это Тура. Стрелки показывают путь, пройденный краеведами: Туринск — Шухруп — Усенниково; Яр, Давыдовка, Городище...

А дальше написано о том, что ребята узнали в этом походе «По следам Ермака».

«В конце XVI века на месте Туринска жил князь Епанча, или Япанзя — «брат Кучума». Жители были кочевые, оседлые и бродячие. От-

дельные юрты вели оседлый образ жизни, имели пашни, другие — кочевники — ходили по берегам рек, а третьи в лесах, отыскивая себе пищу...»

Ребята подробно рассказывают о том, как Ермак весной 1582 г. перебрался с войсками из р. Тагила в р. Туру, как он бился с Епанчой на том месте, где теперь д. Усениново.

«На месте татарского города Епанчин, близ которого Ермак разбил сибирских татар, был основан г. Туринск», — так заканчивается запись.

Ребята задумали сделать макет города Туринска 1601 года, — в альбоме есть рисунок макета. Готовятся они к походу «по курганам и городищам». Кроме того, будут изучать леса района и озеро Панинское.

Альбом отправился в Алапаевск и попал в руки юных археологов.

«Кружок посещает 15 человек, — пишет староста кружка. — Мы не только занимаемся археологией, но изучаем и историю района.

Ребята посетили Аромашевскую пещеру.

Пещера расположена в высокой скале «Шайтан». Вход — на высоте 25 метров. Это очень узкая щель высотою в 6 метров. Пройдя семь с половиной метров на северо-восток, ребята попали в большой грот... Они подробно исследовали пещеру, хотя это было нелегко. Местами ход становился таким узким, что по нему с трудом можно было ползти. Они составили большой план пещеры со всеми гротами, с глубоким «колодцем».

В пещере лежит камень с надписью, сделанной рукой учителя Порфирия Ивановича, погибшего во время войны с белофиннами. Надпись гласит: «12 января 1938 года, в день первой Сессии Верховного Совета СССР».

В альбоме есть описание: «Урочище Шайтан».

«Урочище Шайтан, — белое, неисследованное геологами пятно, находящееся в 70—80 километрах к северо-востоку от Алапаевска.

Шайтан — это бывшее дно моря. Ныне — подковообразное болото. Оно простирается с севера на юг на 6 километров и с запада на восток на 3 километра.

По берегам Шайтана тянутся чукры — валы из мельчайшего песка, высотой до двадцати метров. Чукры заросли кедровником. В самом Шайтане растет кремлевик, карликовые сосны, елки, березы.

В юго-восточной части Шайтана, там, где берет начало речка Шайтанка, находится котловина. Посредине котловины лежит «ковriга» — горка из песка высотой 20—30 метров.

Про котловину и ковригу в народе сложено много легенд, рассказывают «ужасы». Говорят, что в бездонных «окнах» погибло много лю-

дей, что здесь у древних обитателей лесов было «капище», где людей приносили в жертву богам. Через эту котловину проходили белогвардейцы, пробираясь к станции Невьянск.

Мы, юные археологи г. Алапаевска, исследовали это белое пятно, но недостаточно. Этим летом мы думаем обстоятельно исследовать это место».

...Из Алапаевска наш альбом поехал на далекий лесистый север Урала, в Бурмантово, в страну манси!

Здесь он пополнился тремя фотоснимками, одним рисунком и одной записью... Зато какая интересная запись! Она озаглавлена: «Мы учимся в школе».

«Наша школа организована в 1935 году, в феврале. Вначале в ней училось восемь человек манси. В 1937—1938 учебном году училось уже двадцать четыре человека, а в 1938—1939 было тридцать шесть человек. В 1939—1940 году — 39 человек. При школе имеется интернат. Вначале в школу нас не отдавали родители. Они плохо относились к школе. Но после того, как мы поучились два года, наши родители поняли, что школа дает нам многое. Приходя на каникулы в юрты, мы читали родителям на родном языке книги. Это им нравилось. И сейчас все манси-родители с желанием обучают своих детей. Родители поняли, что быть неграмотными то же, что быть слепыми...»

Так написала ученица 5-го класса М. Тосманова. Акулова нарисовала интернат манси. Это — просторный бревенчатый дом с широкими окнами и аккуратными завалинами...

...Вот и закончилось путешествие альбома... Не правда ли, много любопытного рассказал вам этот турист? А главное, вы узнали, что в самых отдаленных уголках области наши товарищи-краеведы работают, как и мы!

Поединок

С. Самсонов *Рисунки Г. Ляхина*

Военная карьера Кости Верховых сразу как-то пошла вкось. И все из-за пустяков. Он имел маленький рост, щупленькую фигуру и совсем детское рябоватое лицо. До призыва в армию ему оставалось около года, но Костя решил уйти раньше. В колхозе его не отпускали. Председатель говорил:

— Поработаешь с годик, тогда и с богом.

Но Костя настойчиво твердил:

— Все равно уйду!

А тут Костю назначили везти добровольцев в район, и он, как уехал с ними, так и не вернулся.

В учебном батальоне тоже началось неладное. Костю не хотели принимать. Командир спросил его:

— С какого года?

Костя ответил не сразу.

— С 25-го, — сказал он и покраснел потому, что на год был моложе.

— Ну, какой из тебя солдат, ты и винтовки не унесешь, — сказал, улыбаясь, командир.

— Я, товарищ капитан, трактор водил, понимаете, трактор, — и, ободренный своим заявлением, Костя поднял сухие тонкие руки, держа их на весу, словно хотел показать, как управляют трактором.

— Убедил! — сказал командир. — Оставайся, посмотрим, что из тебя получится.

Любознательный малый, Костя своими вопросами вызывал у многих улыбку. Особенно, когда речь шла о борьбе с немецкими «тиграми».

— Гранатой «тигра» уничтожить можно?

— Можно, только осторожно, — ответил ему кто-то из бойцов, намекая этим на костин неказистый вид.

Но Костя всерьез задумал стать истребителем немецких танков. Только товарищи не верили ему, а шутили и смеялись. Его даже прозвали в шутку истребителем «тигров».

И, может, все было бы хорошо, если б не случай с шинелью. Прямо, скажем, история с шинелью окончательно испортила его репутацию. А произошло это вот как.

Однажды Костю послали с донесением в штаб. Тут-то и случилось несчастье. Верно, Костя и сам не знает, как все произошло, но случай, он признает, конфузный. И Костя не любит об этом вспоминать. Да только это невозможно. Бойцы обязательно пристают к нему:

— А где твоя шинель, Костя?

Ну, и начинаются расспросы да неверные рассказы. Так, мол, и так, и выходит, что он сам во всем виноват... Вот почему Костя старается рассказать все подробно, чтобы другие не перевирали фактов.

— Она была замаскирована в соломе...

— Кто она? Шинель?

— Собака... Я прохожу мимо и ни о чем не думаю. Вдруг сзади кто-то бросается на спину и хрясь меня на землю — рычит и кусает, — ну, думаю, пропала новая шинель. А отбиться не могу, рукава длинноваты, да и сама шинель не по мне, запутался.

Все катаются от смеха.

— Ну, хорошо, зачем ты тогда плакал?

И снова Костя объясняет:

— Вот вы смеетесь, зубки моете, а шинель была новая, мне жаль ее, да и обидно, чтобы какой-то пес начисто, до воротника изодрал...

После ребята начали болтать:

— Какой ты, Костя, истребитель «тигров», когда с собакой не совладал.

Так и пошло все к одному. Не повезло Косте в военной карьере.

...Раз ночью их отделение встретилось лицом к лицу с немцами. Создались неразбериха и потасовка. На щупленького Костю навалился огромный фриц. Схватил за плечи, словно железными тисками, и, казалось, пришел конец Косте, да не тут-то было.

Костя повернул ствол автомата назад, под левую руку, и нажал спусковой крючок. Тридцать пять пуль распороли живот немцу.

— Хорошо действуешь, — крикнул командир, бежавший на выручку.

За Костей утвердилась добрая слава, но ребята говорили:

— Фриц — не «тигр», Костюша, берегись!

Костя молчал. Он, конечно, думал, что и с «тигром» совладает, но сказать не решался: засмеют еще.

Теперь Костя видел «тигров» своими глазами, но встретиться один-на-один не приходилось. Поединок, о котором идет речь, произошел неожиданно. Когда взвод залег в окопах, Костя принес с собой связку гранат, шесть дисков с патронами для автомата и мешочек табаку с запасом на месяц. Друзья шутили: «Табачок-то на взвод запас». Но потом, когда не стало табаку, многие просили у Кости на цыгарочку.

Стрельба шла с обеих сторон. Неожиданно появилось три «тигра». Два вылезли на пригорок и бьют. А третий подошел метров на пятнадцать и остановился. Затаив дыхание, Костя лежит в окопе.

Когда «тигр» подошел еще метров на десять и опять остановился, Костя решил действовать. Вылез из окопчика и ползком — к танку. Как оказался под «тигром» — Костя не помнит. Но знает, как подложил связку гранат под ведущее колесо и рванулся обратно в окоп. И только успел нырнуть в яму, услышал взрыв — и больше ничего он не запомнил.

Три дня Костя контуженный пролежал в санчасти, а на четвертый пришел к своим. Ребята говорят:

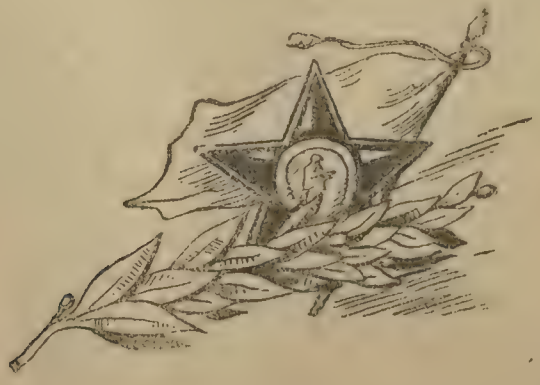
— Ты, Костя, «тигра» подбил. А мы фрицев, что из него вышли, расстреляли.

— Спасибо, — говорит Костя. — Спасибо, ребята, а сам думает: «Смеются»...

А они ему:

— Нет, это тебе, Костя, спасибо. Ты — настоящий гвардеец-истребитель.

С тех пор Костю всерьез называли истребителем «тигров», а командир части, вручая ему орден Красной Звезды, назвал не просто Костей, а Константином Николаевичем Верховых.



Саша

Елена Хоринская

Рисунки В. Крылова

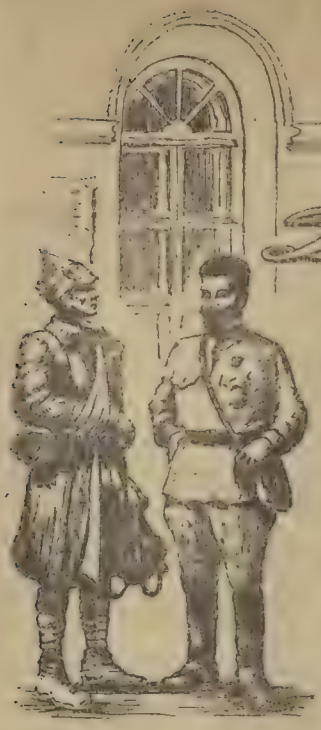
Эту девочку звали Сашей.
Нос в веснушках и лента в косе...
И на улице визовской нашей
Знали бойкую девочку все.
Голосистее встретишь едва ли,
Слышен смех ее в знойной тиши.
Под защиту ее прибегали
Все обиженные малыши.
Знала Саша о кладах Урала, —
Летом в горы водила ребят...
Во дворе у себя собирала
Всех бездомных щенят и котят.
— И в кого она только такая... —
Мать украдкой вздохнет иногда, —
— Все играет в войну да в «Чапая»,
В играх Анкой бывает всегда...
А отец все за дочь заступался
Да порой успокаивал мать,
Над мальчишьей повадкой смеялся,
И стал Сашу «Иванычем» звать.

А «Иваныч» воюет камнями,
То, забравшись на крышу, поет...
Грозовыми июньскими днями
Вдруг закончилось детство ее.
В путь отцу собирала бельишко
И впервые всплакнула тайком...
— Вот бы Сашке родиться парнишкой, —
Приглядела бы здесь за станком.
Все равно остается машина...
Ну, хоть дома старайся помочь,
Потому что раз нет у нас сына,
Пусть за сына останется дочь.
Проводила отца до вокзала.
Попрощались...
— Ну, дочка, пора!
...Никому ничего не сказала,
А из дома исчезла с утра.
С удивленьем мальчишки глядели,
К подворотням склонившись молчком,
Как прошла она в черной шинели
С незнакомым блестящим значком.
Сразу сделалась взрослой и строгой,
Позабыла щенят и котят...
Ежедневно знакомой дорогой
Сами ноги как будто спешат
В серый дом, что стоит возле моста,
С шумом, топотом множества ног...
Не легко это было, не просто
Приручить своенравный станок.
Не легко это было, не просто...
А за окнами солнце, трава...
Много нужно труда и упорства,
Чтобы тайну постичь мастерства.
Все казалось, что делает мало,
И отец ночью грезился ей:
Подойдет к ней и скажет: — Устала?
Ничего, нам ведь, дочка, трудней!
И упорно сдавала экзамен
И глядела задумчиво вдаль.
Ночью плакала злыми слезами,

Если днем зарезала деталь,
Становилась упрямой и злою...
Может быть, ей характер помог...
Только Саша военной зимою
Получила отцовский станок.
Забежала ко всем, рассказала,
И твердила взволнованно: — Мой!
И, забывшись, снежками бросала,
И вприпрыжку бежала домой.
Старый мастер теперь не косится,
Старый мастер, скупой на слова, —
Видит он, что его ученица
Постигает закон мастерства.

* * *

Вьется ровная тонкая стружка.
Смотрит позднее лето в окно.
Писем нет от отца... А к подружкам
Уж отцы возвратились давно.
Что ж не шлет он им с матерью вести?
Дни за днями летят и летят...
И не видит, что с мастером вместе
В цех вошел загорелый солдат,
Цех окинул внимательным взглядом,
Увидал. Задрожала рука...
Этот токарь с высоким разрядом,
Полновластный хозяин станка, —
Саша, дочь... Ей послушна машина,
И детали выходят точь-в-точь,
И подумал: «Хоть не было сына,
Да не хуже управилась дочь...»
Вдруг деталь покатилась, как мячик.
Показалось? Да вот он, живой!
Закричала совсем по-ребячьи:
— Папка! Папка вернулся домой!



Юрий Хазанович

Рисунки В. Крылова

Донесение в штаб фронта вызвался доставить пулеметчик Василь Глушко. В последнем бою его ранило, и теперь, скучающий от безделья, он целыми днями бродил по тесной деревушке, где раскинулся тыл полка.

Рана была не опасная: пуля пробила мякоть у локтя, и Глушко не пошел в лазарет, считая, что все пройдет в два-три дня. Но пальцы затекли, потеряли силу, рука стала такой тяжелой, что Глушко казалось: если бы не косынка, — не поднять ему собственную руку.

Советские войска прорвали белогвардейский фронт у Каховки и вышли к Сивашу. Штаб фронта находился в деревне Строгановке.

Глушко видел много привлекательного в этой поездке: побывать в самом штабе, размять кости, разогнать скуку... Была у него и еще одна цель, о которой он никому не сказал.

Командир полка, зная боевые дела пулеметчика Глушко, охотно было согласился, но, взглянув на его руку, покачал головой.

— Та що вы на них смотрите, — убеждал командира Глушко, с трудом шевеля посиневшими и вспухшими пальцами. — Они с холоду у меня завсегда такие, ей право...

Он упросил командира и через полчаса уже скакал в Строгановку на тощем высоком рыжем коне.

Твердая земля звенела под копытами. Было еще рано, а солнце светило ослепительно. Но к полудню тучи затянули небо, с востока подул тугой, колючий ветер, и по степи понеслась жгучая ледяная крупа. Рука у Глушко отяжелела еще больше. Он прижимал ее к груди, но

каждый удар копыта о промерзшую землю отдавался в руке горячей, ноющей болью.

Когда мутно-желтое солнце склонилось к западу, Глушко увидел вдали Строгановку. Он радостно усмехнулся и свистнул.

Конь фыркнул, споткнулся и побежал быстрее. На околице патруль проверил у Глушко документы и объяснил дорогу в штаб.

Дом стоял на высокой круче, в большом, по-зимнему голом саду. А глубоко внизу, под кручей, насколько видел глаз, разливался Сиваш окутанный холодным зеленоватым туманом.

Глушко вошел в штаб. На лестнице и в коридоре, прислонясь к стенам, стояли и сидели красноармейцы в старых, рваных шинелях, разговаривали вполголоса, курили. В огромной комнате с овальными окнами было тесно, шумно и накурено. Глушко с трудом протискался к очкастому писарю.

— Мне бы до товарища Фрунзе. Донесение привез...

— Фрунзе нету, — почти сердито сказал писарь. — Где донесение?

Глушко неторопливо расстегнул шинель, потом гимнастерку и достал пакет, завернутый в грязный вышитый носовой платок. Писарь унес пакет в соседнюю комнату, где кто-то хрипло кричал в телефонную трубку, и когда он вернулся, Глушко спросил, не найдется ли местечко, чтобы немного отдохнуть с дороги. Писарь устало улыбнулся, пожал плечами.

— У нас тут, как сельди в бочке, сам видишь... Пристраивайся, где помилее... — и снова засуетился.

Глушко вышел и, удрученный неудачей, долго стоял у двери. Он взялся доставить донесение, надеясь хотя бы издали увидеть Фрунзе. Но командира не было в штабе. Напрасно Глушко трясся в седле добрую сотню верст, напрасно растревожил руку, смертельно устал. Надежды не сбылись.

Теперь найти бы свободный уголок, отлежаться, согреться и, собравшись с силами, двинуться в обратный путь.

В поисках такого уголка Глушко потащился на второй этаж. В длинном узком коридоре было пусто и тепло, но и это не утешило Глушко.

— Ось тебе и штаб!.. — с горечью проговорил он. — «Пристраивайся, где помилее...»

Он понимал, что писарь меньше всего виноват в его неудаче и в том, что в штабе так неуютно, и все же яростно выругал его. В это мгновение позади хлопнула дверь, щелкнул замок, и чей-то голос спокойно спросил:

— Зачем выражаешься?

Глушко оглянулся. Человек невысокого роста в поношенной солдатской одежде подошел поближе, оглядел его быстрыми, чуть прищуренными глазами.

— С фронта?

— Откуда же?.. Донесение привозил.

— Ну, как там?

Глушко измерил его недружелюбным взглядом от головы до тупоносых сапог с высокими голенищами и подумал:

«А ты бы сам съездил да посмотрел...»

— Там что! — сквозь зубы процедил Глушко. — Там порядку больше...

Человек улыбнулся:

— И хорошо, что там порядок. А ты чего такой злой? Отдохнул бы.

— Как раз отдохнешь тут. Чорта с два!

— Да, с отдыхом трудновато, — сказал человек, задумчиво потирая лоб. И кивнул:

— Пойдем.

Отомкнув дверь, он пропустил Глушко в комнату. Высокая светлая комната казалась совсем пустой, потому что вся обстановка состояла из стола, на котором лежала растрепанная книга, табурета у стола и узкой железной кровати, покрытой серым солдатским одеялом.

— Укладывайся. Сапоги только сбрось.

Глушко опустил на пол вещевой мешок.

— А вы як же?

— А я все равно уезжаю деньков на десять... Тебе, может, перевязку надо? У нас тут свой костоправ имеется...

Глушко ответил, что сегодня утром ему делали перевязку и что он рад как можно реже встречаться с лекарями.

Человек вышел, и Глушко с минуту слышал его частые негромкие шаги. Он лег на кровать, показавшуюся ему необычайно мягкой, и довольный тем, что счастье не совсем покинуло его, быстро уснул.

Среди ночи Глушко проснулся; желтый свет керосиновой лампы ослепил его.

— Спи, спи, — тихо сказал человек. — Я сейчас уйду...

Глушко протер глаза, потянулся:

— И здорово ж я выспался!.. За всю войну!..

— Видишь, а ты ругался...

Низко склонясь над столом, человек поспешно складывал бумаги в полевую сумку. Глушко смотрел на его высокий лоб, исчерченный глубокими длинными морщинами, на широкое смуглое лицо и думал, что

от легкого житья оно не было бы таким измученным и бледным. Конечно, в тылу тоже хватает мороки. И не всем же быть на передовой позиции.

— Вы при штабе, значит? — спросил Глушко.

— Да, вроде так...

У человека были ясные серые глаза; он щурил их, точно все время внимательно присматривался к чему-то. Ему было не меньше сорока, а глаза у него бойкие, совсем молодые. Это удивило Глушко и придало ему смелости.

— Вы товарища Фрунзе видели? — шопотом спросил он, садясь в кровати.

— Как же, приходилось.

— А мне вот непосчастило. Я через него сюда припёрся. Рука все равно попорченая, делать нечего, подамся, думаю, в штаб, может, побачу. И разминулись...

— Увидишь еще, — рассеянно сказал человек, не отрываясь от бумаг.

— Мне бы хоть разок на него глянуть, хоть одним глазком. В бою, знаешь: впереди он, — увидеть ни разу не доводилось.

— А недели две тому они как напёрли, — нету спасения. Наша поречьему, — назад, назад. И вдруг крик прошел: «Фрунзе! Фрунзе тут!» Рассказывают, приехал он на машине, потом на коня пересел — и в самую кашу... А за ним, понятно, все. За ним и без оружия пойдут, — убежденно проговорил Глушко. — Сила в нем есть такая...

Человек негромко, заливисто рассмеялся.

Затем достал из кармана кожаный потертый портсигар, подошел к кровати.

— Куришь?

— Курю. Та у нас беда с куревом, — четвертый день траву смолим, — сказал Глушко и облизнул сухие губы.

Они закурили. Человек высыпал на стол зеленовато-серый холмик махорки и стал собираться в дорогу.

— Значит, едешь? — с досадой проговорил Глушко и замолчал. Он глотнул дым и, опустив голову, несмело продолжал: — Мне бы денечка два тут... Рука подправится и, может, посчастит, вернется он вскорости, — дела на фронте ведь хорошие...

— Живи, чего там, — затягивая ремень, отозвался человек. — Я напишу коменданту, чтоб тебя не тревожили...

Раскрыв полевую сумку, он оторвал клочок бумаги, что-то написал быстро, потом перекинул сумку через плечо и подошел к кровати.

— Ну, прощай. Спи, поправляйся! — сказал он, улыбаясь своими серыми, удивительно молодыми глазами, и крепко пожал левую руку Глушко.

У двери он остановился:

— На окошке хлеб, консервы. Не стесняйся... — и ушел.

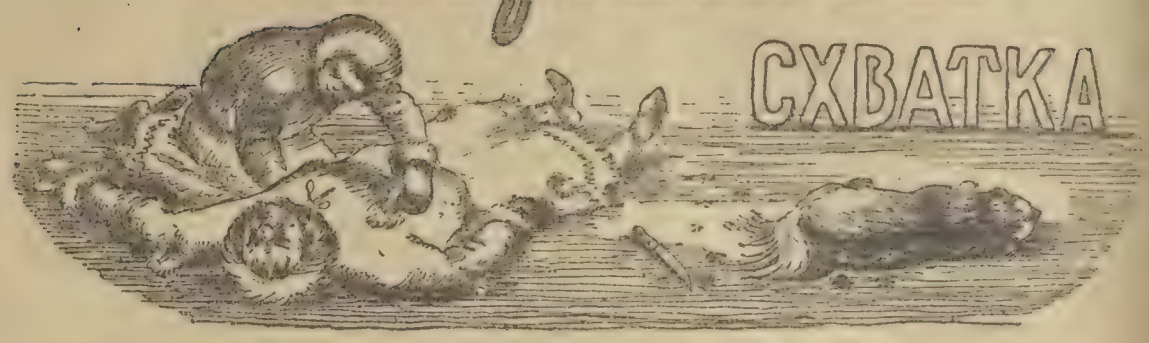
Глушко прислушался к его шагам и, когда шаги затихли, снова улегся. Но уснуть не мог. Было почему-то досадно, хотелось еще говорить и говорить с этим тихим, задушевным человеком. Глушко встал, задумчиво прошелся по комнате. Потом подошел к столу, скрутил папиросу, и взгляд его упал на записку. Глушко медленно прочел:

«Товарищ комендант, этот красноармеец до отъезда будет жить в моей комнате. Фрунзе».

* * *

Эту небольшую историю рассказал мне зимою 1943 года в деревне Строгановке, над Сивашом, пожилой пехотный майор Василий Тимофеевич Глушко.

Смертельная схватка



В. Козлов *Рисунки В. Крылова*

Стихия снежных буранов — очень искусный архитектор!

По гладкой и ровной пустыне вихри снега несутся без задержки. Но если на пути попадется какое-либо препятствие, то впереди него быстро вырастает сугроб. С наветренной стороны снег заполняет мельчайшие шероховатости этого препятствия, набивается плотной массой, спрессовывается напором ветра и растет отлогим сугробом до тех пор, пока препятствие не перестанет существовать. Со стороны же подветренной у препятствия образуется род обрыва, с отвесной стенкой, с свисающим сверху снежным козырьком. Если повторные циклоны будут итти в одном и том же направлении, то козырек свисает все ниже и ниже, пока не упрется, в снежный покров тундры. Получается сооружение вроде легкого моста над пустым пространством — этакий естественный виадук.

В первые дни это создание снежной архитектуры весьма непрочно и хрупко. Но трескучие морозы связывают и укрепляют виадук, а бураны засыпают его новыми и новыми пластами снега. Впоследствии только глухой подземный гул, сопровождающий каждый ваш шаг, выдает присутствие пустоты.

Вторая пара пастей, которые Колька Серпиу поставил у обрыва, оказалась прикрытой таким виадуком. Колька догадался об этом не сразу. По оставленной здесь вехе он безошибочно определил место пастей, однако ему показалось, что они занесены плотным сугробом. К тому же он увидел звериные следы, и это обстоятельство отодвинуло на задний план все прочие соображения.

Следы вели туда, где раньше находилась вершина обрыва. И следы были необычны. Едва распознав их, Колька заволновался и взял в руки ружье.

— Вот так гость! — пробормотал он.

Еще не понимая в чем дело, встревожился и маленький Ячики, шедший сзади.

— Чего ты, Колька? — спросил он. — Разве есть кто?

— Тссс!

В одном месте звериные лапы особенно ясно отпечатались на снегу. Колька стал на колени и долго их рассматривал. Потом вскочил и быстро зашагал к вершине холма.

— Ты что думаешь? Чей это след? — шопотом спросил Ячики.

— Помалкивай.

— Но в чем же дело?

— Не понял разве? Росомаха.

Ячики с трудом сдержал крик. Росомаха! Вор тундры. Разбойник, с которым промышленники-ненцы ведут непримиримую вековую войну. Росомаха, таскающая добычу из пастей и капканов, пожирающая трупы песцов вместе с пышным мехом, начисто обкрадывающая тайники с рыбой. Заклятый враг, трусливый и хитрый, жадный и неразборчивый, сильный, как волк, и неуследимый, как ночной лунь.

Следы привели к вершине холма и оборвались у отверстия. Около полуметра в диаметре, оно зияло темной дырой на белом снегу. Колька остановился. Отсюда тундра была видна далеко во все стороны. Его зоркие глаза обшарили все подступы к холму. Потом он присел на корточки, всунул в зиявшую дыру свое ружье и выстрелил в черную пустоту пещеры. Снег под его ногами хрустнул и осел. Он хотел ухватиться за треснувший край, но рука скользнула по твердому насту. Вместе с глыбой Колька полетел вниз.

Росомаха — сильный, умный и хищный зверь. Его мех идет преимущественно на воротники. Бурой окраски, с черной остью на спине, он походит на медвежий, но мягче, нежней и пушистей. Хотя по величине росомаха меньше волка, однако туловище ее очень мощное, на коротких толстых лапах, с здоровенными когтями. Зубы могучие, легко дробящие самую крепкую кость. По характеру — это зверь-одиночка, угрюмый, предпочитающий для охоты ночное время. Его трудно выследить, и еще труднее найти логовище, — он с замечательным мастерством путает и маскирует след. Росомаха боится человека и никогда не нападает, но, припертая к стене и вынужденная защищаться, она становится чрезвычайно опасной.

Хотя обвал для Кольки вышел совершенно неожиданным, однако он ни на минуту не растерялся. Соскользнув вниз по снежной массе, он выронил от толчка ружье и покатился куда-то в темноту. Инстинктивным движением он схватился за нож и вскочил на ноги. Но в тот же миг его с силой толкнуло в спину, и, не достав ножа, он снова упал. Колька изо всех сил старался подняться, но сверху его придавил зверь. Колька слышал его сопенье. Здоровые когти драли одежду, зубы с ожесточением грызли и трепали колькину спину возле самой шеи.

— Ах, ты, гад! — злобно бормотал Колька, пытаясь скинуть врага и стать на ноги.

Зимняя одежда ненца крепка и надежна, как броня. На ногах тройной мех: чулки из нежной шкурки пешки (утробный или новорожденный теленок), кисы из крепчайшего камуса (мех с оленьих ног) и тобуры из толстой пушистой шкуры зимнего оленя. Поверх меховых штанов всю фигуру облекает длинная до пят малица, одевающаяся через голову, сделанная из неблюя (мех молодого теленка) и снабженная капюшоном. А всю эту толщу мехов покрывает тяжелый, надежнейший «гусь» — шуба шерстью наружу, сшитая из самого крепкого и самого плотного «постельного» оленя. У «гуся» тоже есть капюшон, оставляющий открытыми лишь глаза, нос и рот.

Нужны большие и очень крепкие зубы, чтобы пробраться сквозь многослойную массу мехов и кож.

С каждой минутой борьба становилась ожесточенней. Кольке удалось, наконец, приподняться на четвереньки и утвердиться в этой позе. Он добыл нож из ножен, однако пустить его в ход не удавалось — толстые меха не давали возможности загнуть руку к спине. А зверь терзал все с большим остервенением. Оленьи шкуры поддавались. Колька чувствовал приближение к телу когтей и зубов. И вдруг его пронзила жгучая боль в левом плече.

Захватив нож в зубы, он изловчился и поймал заднюю лапу зверя. Короткая и толстая, она не поддавалась колькиным усилиям, и когти на ней то расправлялись, то судорожно втягивались.

И снова зубы росомахи достали живое тело: невыносимо ожгло шею возле затылка.

Бешеным рывком Колька дернул лапу зверя вниз и в сторону — винтом. Росомаха рявкнула и, оторвавшись от спины, полетела в снег.

Колька вскочил на ноги, зажал в руке нож и, тяжело дыша, шагнул к зверю.

В яму слабо проникал свет. Снаружи уже погасал коротенький сумеречный день, и с севера протягивались столбы сияния. Сквозь дыру

едва-едва освещалась средняя часть ямы. Однако Колька видел врага отлично. Росомаха сжалась, оскалив зубы, готовая и к отпору и к нападению. Горели углями ее глаза, из глотки вместе с паром вырывалось хриплое посапывание.

Колька напал первый. Вильнув юлой в сторону, зверь уклонился от удара и рванул зубами за ногу. «Гусь» затрещал, полетела на снег шерсть, затрепыхался длинный лоскут.

Но и колькин нож окрасился кровью.

— Ага! Достал! — торжествующе вскрикнул Колька и снова кинулся на врага.

Бой шел с переменным успехом. В узкой яме, на пространстве нескольких шагов, противники бросались друг на друга, каждый со своей сноровкой. Росомаха несколько раз прыгала сналета на грудь, стремясь вцепиться в горло. Охотничий нож, отточенный острее бритвы, дважды уходил по рукоятку в живое тело зверя.

Эта получасовая схватка показалась Ячики вечностью. Он не мог видеть происходившего, зато слышал каждый звук. Когда Колька орал от боли, он сжимал свой нож и топтался наверху у дыры, не зная, что предпринять.

Наконец, битва стихла. Кто же вышел победителем? На его окрик никто не отозвался.

— Колька! Что же ты молчишь? Скажи что-нибудь... Колька?

Но в яме было тихо. Наступила ночь. Полотнища, волны, завесы северного сияния призрачно озарили белую тундру. Ячики лежал на краю дыры и прислушивался.

— Неужели Колька погиб? — думал он со страхом.

И мало-помалу он пришел к мысли, что должен действовать, что, может быть, от его смелости, от его находчивости зависит жизнь товарища. Нет, Ячики не сдаст, не отступит. Ячики докажет, что он не мальчишка какой-нибудь, а настоящий охотник.

Быстро забив две железных лопаты в снег, он укрепил веревку, ощупал свой нож и спустился вниз.

На окровавленном снегу, свернувшись набок, лежал Колька, а возле валялся труп росомахи. В двух шагах, полузасыпанная снегом, стояла пасть. Из-под бревна торчал зад песца, полусъеденный росомахой. Вокруг виднелись следы боя: не только дно ямы, но и стены были забрызганы кровью.

— Колька! Колька! Вставай! — тихо говорил Ячики и теребил товарища за плечо.

Тот не отзывался. Лицо его было бледно, измазано кровью. Ниж-

няя губа разорвана, на подбородке глубокая царапина до шеи. «Гусь» и малица — в лохмотьях.

Зубы зверя разодрали кожу на голове Кольки и глубоко поранили шею. Крови вытекло много.

Чтобы привести товарища в чувство, Ячики принялся растирать колькины уши снегом. Колька открыл глаза.

— Брось! Больно! — тихо сказал он и обвел мутным взглядом пещеру. — Дай пить.

Ячики подал ему кусок снега. Колька с жадностью стал сосать. Его лихорадило, бледность сменилась румянцем. Когда он попробовал встать, то это ему не удалось.

— Ой, больно! Бедро... Здоровая, как волк... А все-таки я ей — в левый бок... — и Колька улыбнулся.

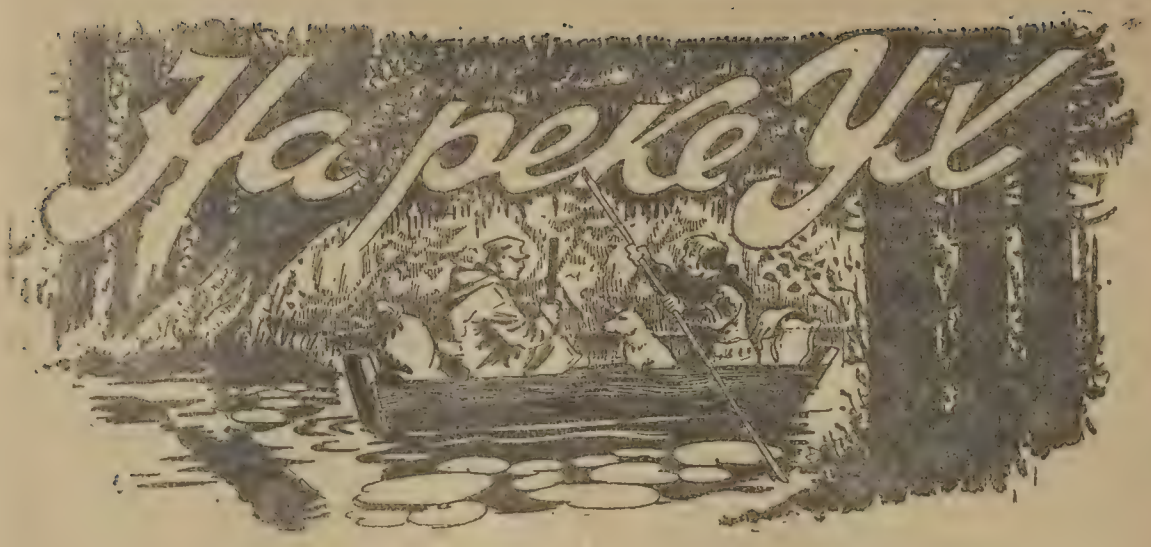
Ячики перевернул росомаху. Она уже стала подмерзать и походила на толстый тяжелый чурбан.

— По веревке мне не выбраться из этой ямы, — сказал Колька. — Тебе придется рыть проход. Да поскорее, а то мне что-то нехорошо... Я пока полежу.

Ячики вылез наверх и заторопился. С железной лопатой дело шло быстро. Гораздо труднее оказалось протащить раненого сквозь узкий проход. Ячики полз впереди, брал Кольку за руку или за одежду и тянул изо всех сил. У того волочилась нога и при каждом неосторожном движении он вскрикивал от боли.

Улегшись в нартах и прикрывшись запасной «постелью», Колька впал в забытье. Голодные, застоявшиеся олени мчались вскачь. Ячики помахивал хореем.

Над головами прихотливым узором раскинулось сияние полярных небес Ямала, и необъятный простор тундры, казалось, навеки замер в холодном белом покое.



Рассказ охотоведа

Л. Фокин

Рисунки Г. Ляхина

РЕКА, ОБОЗНАЧЕННАЯ НА КАРТЕ ПУНКТИРОМ

Река Обь известна во всем мире. Ее приток Иртыш знаком каждому советскому школьнику. Впадающую в Иртыш уральскую реку Конду знают уже не все. А о притоках Конды — реках Есс, Нюрух, Пурдан, Адем-Немы-Яган — слышали совсем немногие. На карте они извилистыми голубыми змейками бегут с севера на юг, к Конде. Среди этих голубых змеек извиваются этакие робкие черточки пунктира. Что означают они? Это — река Ух... Люди слышали, что такая река есть, но никто не бывал там, никто этой реки не видел, никто не знал точно, как она течет, и потому лишь предположительно занесли ее на карту в виде неопределенной пунктирной линии.

В глухой нетронутой чаще урмана[1] таится эта река. Непроходимые таежные болота обступили ее со всех сторон, и лишь тропы диких зверей местами прорезают заросли богульника и нюр. Для человека эти тропы недоступны, они непроходимы и подобны запутаннейшему лабиринту, довериться которому — значит погибнуть.

Ух — священная река манси. По преданию, здесь издавна поселился какой-то лесной дух. Дух не любит, когда его беспокоят люди — кто бы ни были они. Рассказывают также, что где-то в этом районе мансийские шаманы запрятали свой знаменитый идол — «Золотую бабу».

[1] Урман — дикая девственная тайга.

В 1930 году я работал в Кондо-Сосьвинском боброво-соболином заповеднике. Это такое место — громадный кусок тайги, — где охота запрещена, и мы, охотоведы, занимались там изучением животных и птиц. Короткие и неясные разговоры о реке Ух заинтересовали меня. К тому же, по слухам, она была очень богата бобрами, и бобры там были самого лучшего качества.

Я решил обследовать эту реку.

Еще зимой я стал подыскивать себе проводника. Пускаться в тяжелый неведомый путь одному было нельзя, просто не под силу. Мне необходим был спутник, компаньон, товарищ.

Скитаясь по тайге, перебираясь от одной юрты к другой, я предлагал знакомым и незнакомым манси пойти со мной. Услышав об Ухе, манси делали испуганные глаза и шептали:

— Нельзя, начальник. Там худое место.

И уговаривали:

— Не ходи, Борис. Шайтан сильный. Не ходи.

Никто из них не упоминал, что Ух — их святыня. Они говорили просто: «худое место».

Я убеждал, просил, уговаривал — все было бесполезно.

Наконец, мне посчастливилось. В юртах Тимка-пауль жил молодой манси Илья Номин. Невысокого роста, лохматый, светловолосый, с большими глазами навыкат, он был неразговорчив и замкнут. Ходили слухи, что Илья немного «тронут шайтаном» — будто, не все у него в голове в порядке. Но, по-моему, это было неправдой. Говорили:

— Ненадежный Илья человек.

Я махнул рукой: лишь бы согласился.

Номин, выслушав меня, долго молчал, потом что-то бормотал себе под нос и, наконец, сказал:

— Пойдем, однако.

Мы условились с ним встретиться в средине мая на озере Есс-талях-тор, в верховьях речки Есс, чтобы оттуда двинуться на Ух.

Я СОВЕРШАЮ «СВЯТОТАТСТВО»

В начале мая, нагрузив свой вещевой мешок сухарями, сахаром солью, табаком, фото-и боеприпасами, я вышел из Шухтункурта. До Есс-талях-тора было больше ста километров.

Последнюю остановку перед озером я сделал в юрте Еманкурт, что значит: святая юрта. В ней жил старик-хантэ Езин.

Езин накормил меня, пригласил заночевать, потом стал расспрашивать, куда идет мой путь.

— Хочу Ух посмотреть...

— Ух? — полуслепые узкие глазенки старика стали совсем-совсем маленькими и очень злыми. — Ты правду говоришь, русский начальник? Хотя я знаю — ты всегда говоришь правду.

Езин знал, что такое работа охотоведа. Он привык к тому, что я непрерывно брожу по тайге.

Он задумался, поглаживая пальцами подбородок, из которого все волосы, по старому хантэйскому обычаю, были тщательно выщипаны. Потом он, гневно гримасничая и морща дряблую желтую кожу, потряс головой, покрытой редкими волосами.

— На Ух ходить не можно, — сказал он, — нельзя ходить. Пропадешь. Все равно пропадешь. Шибко худое место. Шайтан сердиться будет.

— Ничего, старик, — попробовал я успокоить Езина. — Шайтана, ты же знаешь, я не боюсь.

Я улегся на лежанку и укрылся оленьими шкурами.

Утром, увидев мои приготовления в дорогу, Езин зло нахохлился и коротко спросил:

— Идешь?

— Иду.

— Запомни мое слово, начальник: шибко худо тебе будет. Ты не знаешь богов, я — знаю. Боги шибко тебя обижать будут. Ружье твое стрелять не будет. Ноги твои ходить не будут. И собака твоя пропадет. Не ходи на Ух.

Ну, что ты с ним поделаешь, с этим упрямым полоумным стариком!?

Езин сердито повозился в углу юрты, вышел на улицу и накормил мою лайку Грозного рыбой. Сердиться — сердись, а законы гостеприимства не забывай.

Вернувшись, он спросил:

— Дорогу ты знаешь? Кто поведет тебя?

— Я иду с Ильей Номиным.

Мне показалось, в глазах Езина почему-то мелькнула усмешка. Но он промолчал, отвернувшись. Через несколько минут мы простились.

До Есс-талях-тора оставалось километров тридцать. Почти все время я шел по подснежной болотной воде, изредка пересекая сухие, заросшие сосняком и ельником островки. Я спешил к озеру, чтобы там, остановившись, подсушиться и сварить пищу. Но мой пес Грозный, обычно неутомимый, деятельный, энергичный, сегодня был почему-то вял и устало плелся в стороне.

Мы с ним, миновав болото, проходили через сухой, заросший сосня-

ком и ельником островок, когда внезапно рядом со мной раздался сухой щелчок, и в то же мгновение что-то сильно толкнуло меня в сторону, ударив по мешку за плечами. Я остановился, огляделся, прислушался. Грозный мирно продолжал путь.

В чем же дело?

Случайно взгляд мой упал на волосяную бечеву под ногами. Я понял все и стал оглядываться по сторонам еще внимательнее.

Скоро я нашел тот предмет, что ударил меня. Это была метровая толщиной в палец стрела с тяжелым железным наконечником. Я сам выпустил ее из лука-самострела, зацепившись ногой за бечеву, протянутую к нему. Прошив мешок насквозь в трех сантиметрах от моего тела, она упала поодаль.

За стрелой я нашел и виновника чуть не происшедшего убийства. Это был «святой амбарчик» манси, место совершения религиозных обрядов и жертвоприношений. Он стоял на вкопанных в землю столбах. Рядом было сооружено нечто вроде столика. Здесь манси молились и приносили своим богам жертвы. Тут же громоздилась большая куча костей — остатки закланных животных.

Поддавшись искушению, я залез в амбарчик и вытащил из него все, что там было: три деревянных божка, стрелы, шелковую шаль, цветные тряпки, шкурки бобра, росомахи, белок, лисы, большое медное блюдо, наполненное самыми различными монетами и бумажными деньгами. Сфотографировав все это, я уложил вещи, принесенные когда-то в жертву трем идолам, стараясь сохранить в амбарчике прежний порядок.

«Был бы здесь Езин, худо бы, пожалуй, пришлось мне», — подумал я.

Вечером я пришел на озеро Есс-талях-тор, а через сутки туда явился и Номин с лайкой Ворсиком.

ПЕРВЫЕ НЕУДАЧИ

Мы собирались с Ильей ложиться спать, как вдруг совсем недалеко — метрах в ста от нас — раздался какой-то дикий нечленораздельный крик. Я вздрогнул и невольно съежился. Высокий, дребезжащий звук острой иглой входил в уши и, достигнув предельной резкости, внезапно оборвался. Почти тотчас же возник другой — такой же протяжный и дикий, но низкий, густой, тяжелый. Он оборвался так же, как и первый.

Это не был голос человека. Но это кричал и не зверь.

Я сидел без движения. Илья тоже притих, испуганный, подавленный. В больших и светлых его глазах застыл страх. Собаки ощетинились, напряглись, но в нерешительности замерли на месте.

Взметнулись золотой игривой стайкой искры от костра, рассыпались и, потухая, медленно упали вниз. Мы потихоньку пододвинулись к костру. И вдруг снова из черной плотной тьмы, обступившей нас, раздался визгливый дребезжащий вопль:

— Гхрь-а-а-а-а!

А за ним — низкое и гулкое:

— У-у-у-ух!..

Нужно было что-то сделать, предпринять, хоть слово громкое вымолвить — чтобы встряхнуться. Иначе, казалось, так и окаменеешь навек, сдавленный слепой тоской и страхом. Глотнув слюну, я прохрипел:

— Ничего, Илья, не трусь... Это зверь кричит.

Илья покачал головой. Я и сам не верил этому. Я знаю повадки зверей и знаю их голоса. Так не кричит ни одно из животных. Но кто же это? Или — что?..

Нужно было гнать от себя страх, и, уже громко и упрямо, я повторил:

— Зверь.

Потом я взял ружье и выстрелил в тьму.

Больше в ту ночь вопль не повторялся, но заснул я лишь под утро. А Илья так и не сомкнул глаз.

Утром мы двинулись в путь — к верховьям Уха. Путь наш лежал по топким моховым болотам, поросшим сосновым нюром — деревцами высотой в человеческий рост. Меж болотами — кедровые острова и сосновые боры. У берегов болотных речек лепится к земле посуше березняк и ельник. На десятки километров раскинулись заросли багульника, и висит над землей дурманящий запах его белых цветов.

Мой Грозный ник все больше. Он ничего не ел и слабел с каждым днем. Уже не поспевая за мной, он еле волочил свои ноги, но все же — верный, преданный пес! — тащился вперед. Последние два дня своей жизни Грозный приходил к месту наших ночевок лишь утром. Придет, ляжет и смотрит на меня затуманенными грустными глазами. Тащить его на себе я не мог: тяжело и бесполезно. Однажды Грозный не пришел и утром. Я ждал его безрезультатно. Он отстал навсегда, погибнув где-то в урмане.

Тогда вспомнились мне недобрые слова Езина. Не зря, видно, кормил старик Грозного рыбой перед моим уходом.

Ночью три раза пронзительно и жутко кричал все тот же... неизвестный...

Через несколько дней пути мы нашли в болотах район, где берет свое начало Ух.

Выбрав островок посуше, мы сделали стоянку. В тот день мне удалось застрелить оленя — первого и последнего за время моей экспедиции на Ух. Убив его, я навялил и накоптил мяса. Илья в это время вырубил из прочного, тяжелого кедра днище для лодки. Использовав для обшивки бортов легкую сосну, мы с ним топором и теслом смастерили лодку. Выбрав ель, посуше, вырубили из нее два весла.

На следующий день наша лодка уже плыла по Уху. Радость от удачного начала плавания взволновала нас, и между нами завязался такой, примерно, разговор:

— Поехали, Илья! — возбужденно кричал я.

— Угу, — отвечал мой спутник.

— Да-а, — в тон ему подхватывал я.

— Хм, — продолжал Илья...

Но к ночи лодка встала: Ух струился по болоту-зыбуну, среди громадных, тесно прижимающихся друг к другу кочек. Пришлось тащить лодку на себе. Лишь утром река опять стала рекой, по ней снова можно было плыть.

К вечеру Ух снова растекся по болоту, и снова всю ночь тащили мы лодку и припасы на себе — голодные, замерзшие, мокрые, по грудь в зыбкой прогнившей воде.

И опять — те страшные вопли...

«Чорт возьми! Когда же кончится это?» — думал я, с тревогой посматривая на Илью. Ночные крики очень нехорошо действовали на него. В глазах Ильи не исчезали настороженность и испуг, он исхудал и при каждом повторении криков бледнел и начинал дрожать всем телом.

В зыбуне мы мучались три ночи. И только на четвертые сутки кончились опостылевшие смрадные болота. Вода стала чище и глубже. Вплотную подошел к реке урман. Берега, густо поросшие елью, пихтой, кедром и сосной, надвинулись темной лохматой стеной. Лишь посредине — над водой — светлела узкая полоска бледного северного неба.

«ШАЙТАН ПУСКАТЬ НЕ ХОЧЕТ»

Бобров на Ухе оказалось, действительно, немало. Было радостно: не зря я решил обследовать эту реку. Мне удалось сделать много интересных фотоснимков. Я все время вел маршрутную съемку и заносил на схему места бобровых поселений.

— Что рисуешь, Борис? — спрашивал Илья.

Я объяснил ему. Номин недоверчиво качал головой:

— Ам нòмсеум áтим (я думаю, нет). Ты шайтана след ищешь, а?

— Атим, Илья, áтим. Я для людей дорогу рисую.

— Зачем другим людям сюда дорогу знать? Не надо это. Шайтан шибко сердиться будет...

Случилось в эти дни несчастье: исчезла лайка Номина — Ворсик. Отошла куда-то по берегу в сторону и — как не бывало ее. Думали: вернется — нет, не пришла. Неважная была у Номина собака, а все же... все же это была собака.

Горевал я: плохо в тайге без пса. Номин испуганно таращил глаза на лес и молчал. Опять мне вспомнились злые слова шамана.

В тот же день свалилось еще одно горе. Перетаскивая лодку через упавшие деревья, мы измокли, замерзли и решили посушиться. Я вышел на берег и, выбрав в густой чаще маленькую полянку, разложил костер. Илья в это время подтаскивал лодку к берегу. Пока он возился у воды, я, пригретый огнем, заснул. Внезапно — бывает иногда так: словно кто-то незримый толкнет тебя, и ты мгновенно просыпаешься — внезапно я очнулся от сна и сразу вскочил на ноги. Илья сидел у костра и дремал.

— Илья! Лодку подтащил?

— Си, си (да, да), — встрепенулся Номин.

Я встал. Лодки у берега не было.

— Илья, где лодка?

— Олы, тыпáл (есть, тут).

— Нет лодки, Илья!

Он поднялся, огляделся, и лицо его сразу сделалось встревоженным и испуганным.

— Шайтан, Борис!.. Шайтан лодку утопил.

Я подбежал к берегу. Лодка была на месте, но... под водой.

Теперь-то я знаю... Теперь я все знаю. А тогда, увидев, что у лодки в нескольких местах отлетела на швах смола, я решил, что это — результат нашей небрежности. Все мои записи и фотопринадлежности сильно подмокли, часть их испортилась. Соль и сахар растворились в воде, сухари превратились в кашицу. Нетронутыми остались лишь спички да порох, закупоренные в специальные баночки...

Потом... Не думал я, что подведет нас мой старый друг — урман. А вот подвел. Вплотную подступил он к берегам Уха, и многие деревья — полусгнившие, поваленные ветрами громадины, — упав поперек реки, преградили нам путь.

Лодку приходилось перетаскивать через деревья, местами волочить по берегу. Поваленные деревья встречались все чаще и чаще. Пять су-

ток тащили мы лодку на своих руках. Я все надеялся: будет возможность плыть. Ее не было. Ночные крики повторялись.

Илья ворчал:

— Мйнунг эри юн (пойти надо домой). Шайтан велит...

Мы, собственно, домой и шли. У меня уже скопился довольно богатый материал о бобрах и составилось вполне определенное мнение о реке. Но Илья хотел итти через лес, чтобы быть подальше от святынь своего «шайтана», я же убеждал его пробираться по Уху на Конду. Илья упрямился:

— Шайтан вперед пускать не хочет. Шайтан сердится.

У нас кончились все продукты. Два дня тащились, ничего не евши.

— Мйнунг юн, — все чаще повторял Илья.

ГОЛОДНАЯ ТАЙГА

В тот вечер как-то особенно тяжело было на душе. Над урманом собрались грозовые тучи, и ветер, качая деревья, выл дико и тоскливо.

Голодные, мы сидели у костра на берегу сурового неприветливого Уха.

— Давай спать, Илья, — предложил я Номину.

— Атим, я посижу, однако.

— Ну, посиди, — и я завернулся в брезент...

Утром у тлеющего костра Номина не оказалось.

Я, было, подумал, что он ушел от меня, но сразу же мне сделалось стыдно от этой мысли. Не может такого случиться. Просто отошел в тайгу попытаться промыслить что-нибудь.

Прошел час, два. Илья не возвращался. Я ждал. Прошло пять часов, шесть... Я кричал Номина, стрелял. Тишиной, глухим безмолвием отвечал мне урман.

Я провел на этом месте еще ночь, но Илья не пришел, и на утро я двинулся в дорогу.

Истощенному и ослабевшему, мне было уже не под силу тащить одному лодку. Оставался один путь — через урман на запад, к юртам Тимка-пауль. И я пошел на запад...

Неопытным людям трудно представить себе, что в нетронутом диком лесу, имея ружье, человек может погибнуть голодной смертью. Тайга, по представлению многих, всегда кишит животными и птицами — кого хочешь стреляй. Увы, бывает и не так.

Был июнь — самый пустой для охотника период, а без собаки — совсем безнадежный. Птицы засели в гнезда на яйца, многие из них

линяли, прячась в травах. Лоси и олени ушли в непролазные чащи, скрываясь там со своей только что появившейся на свет молодежью. Глухая, мертвая — вот именно: мертвая — тишина заполняла урман.

Если бы жив был мой Грозный!.. Этот пес чего-нибудь бы да разнюхал — не зверя, так птицу, не птицу, так зверюшку. Но его не было, и я тащился вперед один, усталый, голодный, злой — на запад, напрямик, напролом.

В первый день я прошел километров тридцать, во второй — меньше, а в третий уже только километров двенадцать. Слабость все сильнее сковывала тело. Ноги передвигались с трудом — злым и упрямым усилием воли...

Это случилось на четвертый день. Я проходил через красивый чистенький, словно парк, сосновый бор. Вдруг в стороне, в лощине, заросшей ельником, раздался крик дрозда. Ох, как забилось мое сердце... Мясо! У меня будет мясо — и, весь сжавшись, затаив дыхание, я стал приближаться к ельнику. Ничего не подозревавшая птица деловито трещала на дереве. Сейчас, вот сейчас трепещущий комочек мяса упадет к моим ногам.

Вот я прицелился, вот выстрелил, вот падает уже убитый дрозд... И в тот же миг с рявканьем и пышканьем из-под поваленной ели выскочила медведица и крупными скачками направилась прямо на меня...

НЕ СОСТОЯВШИЙСЯ ПОЕДИНОК

Позднее один из егерей нашего заповедника старый манси Николай уверял всех, что меня спасла его молитва.

В тот час, когда я, обессиленный, еле стоявший на ногах, сжимал слабеющими руками ружье, готовясь к поединку с медведицей, Илья Номин подходил к своей юрте. Да, он пришел домой... В ту грозовую ночь (я узнал это позднее) произошло следующее. Когда я уснул, Илья, сидевший у костра, услышал как кто-то тихонько зовет его по имени. Он испугался и хотел разбудить меня, но в это время увидел за деревом человеческую фигуру. Это был Езин. Номин, удивленный, подошел к нему.

— Боги шибко сердятся, Илья, — зашептал старик. — Ты слышал — кричал шайтан?.. Да, да, это он кричал. Шайтан будет убивать того, кто ходит по святым местам. Боги позвали меня, я пришел и принес им жертву. Я попросил у них, чтобы шайтан не убивал тебя. Боги сказали мне: пусть манси Илья живет. Только пусть уходит, быстро-быстро уходит...

Езин был шаманом. Ревнивый и упрямый хранитель шаманских тайн, он все время скрыто преследовал нас. Он отравил моего Грозного. Он кричал по ночам, надеясь, что страх прогонит нас обратно. Он испортил лодку и убил собаку Номина. Все это я узнал позднее... В ту ночь Езин увел Илью. Он уговорил его оставить меня в жертву шайтану. Уверен был шаман, что не выйти мне из тайги, и святое место останется попрежнему неведомым для людей, глухим, недоступным, а воля шамана и сила его — попрежнему священными...

Придя домой, Номин никому не рассказал обо мне. Но по тайге пополз слух: «Илья вернулся, а Бориса нет, остался в урмане...»

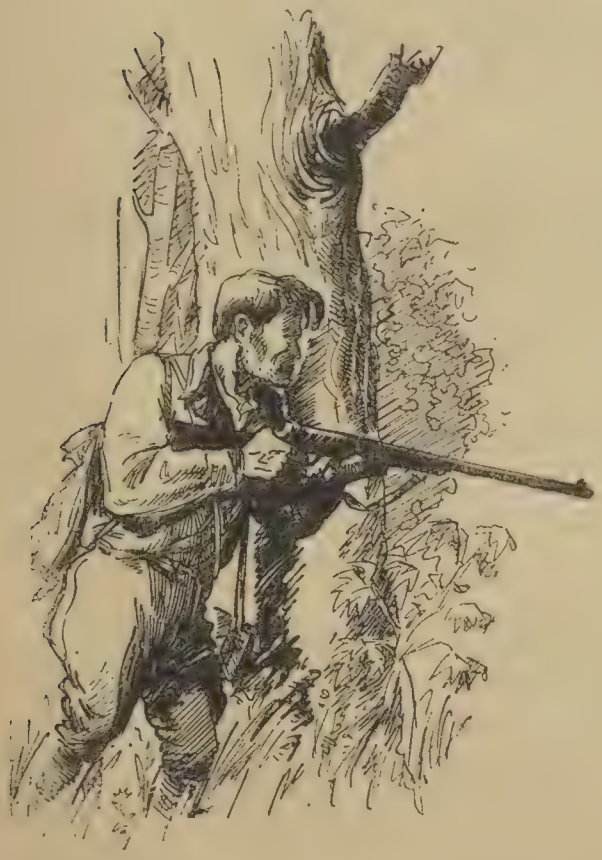
Уже к вечеру на ближайшей ПОС (производственно-охотничьей станции) это стало известным. Директор станции Константин Теодорович спешно выехал к юрте Номина.

— Где Борис? — спросил он у Ильи.

— Тапа́л (там, по ту сторону), — невозмутимо отвечал Номин.

— Где там?

— На вершине Уха.



Он указал место в верховьи реки — совсем не то, где меня оставил. Так велел Езин.

Теодорович немедленно послал в верховья Уха людей искать меня.

В тот день, уходя в тайгу на поиски, молился за меня своему деревянному идолу старый манси Николай.

...А с медведицей получилось так. Когда, рассерженная внезапным шумом выстрела, она выскочила из-под ели и бросилась ко мне, я немедленно зарядил левый ствол пулей. В правом у меня еще раньше была пуля. Зверь пробежал метров двадцать и остановился. Я прицелился, собираясь спустить курок, и тут вспомнил, что старые охотники всегда говорили мне:

— Прежде чем стрелять в медведицу, подумай.

Я вспомнил этот мудрый совет, и хорошо сделал. Левый ствол моего ружья давал осечки. Подумав, я решил первый выстрел сделать именно из этого ствола: если произойдет осечка, я не прогадаю, второй осечки этого же капсюля не будет. Если же я выстрелом из левого ствола не убью, а лишь ранню медведицу, у меня в запасе останется заряд в безотказном правом стволе. И пусть зверь подойдет еще ближе. Ни в коем случае не отступать — от этого медведи лишь смелеют.

Так обдумал я свое положение. Конечно, это заняло совсем немного времени — лишь столько, сколько нужно белке, чтобы перепрыгнуть с ветки на ветку.

Я сделал несколько шагов вперед, встал за толстое дерево и прислонился к нему. Приготовив на всякий случай свой нож, я стал ждать.

Медведица пофыркала и тоже спряталась за дерево. Через минуту она вышла из-за ели, сделала несколько крупных скачков и вновь укрылась, уже за другое дерево.

«Вот хитрая бестия», — подумал я. А «бестия», фыркая и урча, от дерева к дереву передвигалась все ближе ко мне. Я не сводил стволов ружья с ее лба. Медведица недовольно рюхала, и ее маленькие глазки блестели очень зло. Вот она остановилась шагах в 20—25 от меня.

«Пора».

Я нажал спусковой крючок. Цок. Осечка. Медведица резко вздернула голову, прислушалась. Я снова щелкнул, взводя курок. И в этот миг ее, как ветром, сдуло. Метнулась в сторону — и исчезла в чаще молодого ельника. Остановилась там, зафыркала, закричала, завозилась.

Смотрю — с ели слезает медвежонок. За ним — второй. И в чащу, к мамаше. Хотелось, очень хотелось выстрелить хоть в одного медвежьего парнишку, да здравый смысл удержал: в клочья разорвет меня их мать. Чаща, в которой засела медвежья семья, была очень близко от меня, временами я видел медведицу между ветками. Но стрелять не стал. Не мог я стрелять не наверняка.

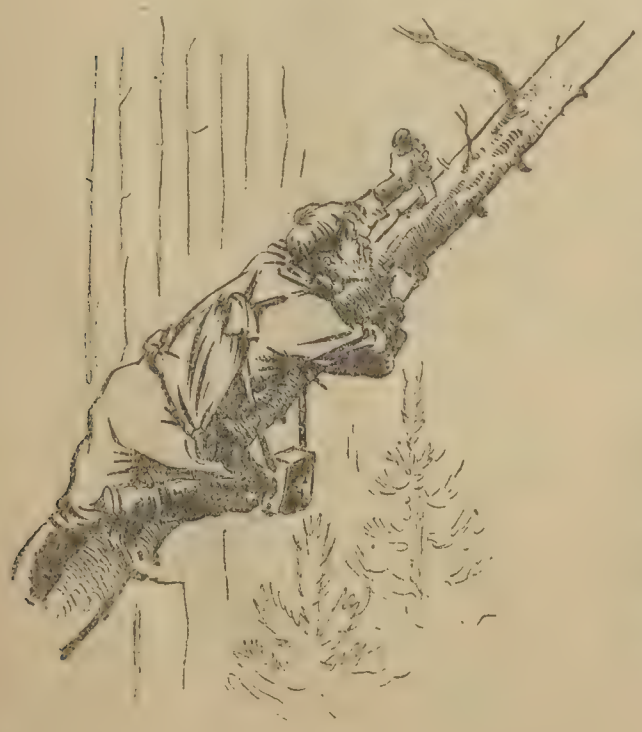
Так и остались они там. И дрозд мой с ними остался. А я ушел.

В тот же день, часа через полтора, мне встретился глухарь. Он линял, не мог взлететь и бежал по земле. Сгоряча, обрадовавшись удаче, я выстрелил в качающуюся над травой голову убегающей птицы, не перезарядив ружья дробью. Пуля, припасенная для медведя, в глухаря не попала. Он исчез в лесной траве.

После этого я уже ни разу не встречал дичи. Я ел тонкие кисловатые листочки лиственниц, жевал какую-то, похожую на пырей траву, сосал свой кожаный ремень — и это была вся моя пища.

Но я продолжал итти. Во что бы то ни стало я должен был дойти до юрт. Кто вперед: я — или смерть.

С каждым днем, с каждым часом убавлялись мои силы. Я ослабевал все больше и больше. Ноги казались ватными — они подгибались и не хотели слушаться. Я мог пройти уже лишь несколько километров за сутки. Болота и мелкие речки стали для меня непреодолимыми препятствиями. Приходилось их обходить. Случалось: набредешь на болото, повернешь вдоль края, чтобы обойти, идешь, а край его загибается назад. Кружишься целый день, а вечером вновь подойдешь к тому месту, откуда ушел утром.



Где-нибудь в буреломе зацепится нога за дерево, упадешь — и лежишь целый час: нет силы подняться.

Не помню — на седьмые или восьмые сутки своего голодного путешествия по лесу — наткнулся я на «сумех» — амбар с припасами, установленный на высоких столбах. Строят их туземные охотники в тайге и там оставляют на всякий случай продукты и разные припасы. Недобрый случай какой или охота приведут манси к этому месту — он знает: есть у него в сумехе на черный день мука или сухари, соль и сушеное мясо.

Увидел я сумех — обрадовался страшно: это же спасение мое. Это жизнь!..

Амбарчик стоял на деревьях высотой метров пять или шесть. Стволы их были гладко очищены и отполированы, чтобы зверь какой-нибудь, росомаха дерзкая не разграбили добра. Под деревьями лежала толстая сантиметров 15—20 в диаметре жердь с зарубками. Приставив ее к амбару, охотник забирается наверх.

С бьющимся сердцем взялся я за эту своеобразную лестницу и... Вот проклятая слабость! Я не мог поднять жердь. Я тужился, кряхтел, бился всячески, но — тщетно.

Мне было совершенно ясно: если я не заберусь в сумех, смерть неизбежна.

До вечера возился я с жердью, окончательно вымотал себя и, наконец, упав, уже не мог встать на ноги...

А люди с верховий Уха вернулись ни с чем. Ни у реки, ни в тайге они не могли найти меня. За это время все кругом были подняты на ноги. Партиями по нескольку человек люди отправились в урман на поиски.

Уже нарочный директора ПОС известил заповедник — база его была в 220 километрах — о случившемся. Оттуда тоже спешили на помощь. Я этого, конечно, не знал, а если бы и знал — что толку? Меня окружало мертвое безмолвие урмана, чаща, болота...

Своего тела я не чувствовал. Его как бы не стало. Полное бессилие принесло удивительную легкость телу. Необычайно хорошо работал мозг. Я сознавал все совершенно отчетливо, предельно ясно.

Лежа во мху у сумеха, я написал записку для тех, кто когда-нибудь найдет мое тело или кости. Разводить костер в тот вечер я уже не стал: лишние движения. Наступила ночь, и я заснул.

Сон освежил меня. Проснувшись утром, я осмотрелся, и взгляд мой случайно остановился на тонкой высокой сосне в нескольких метрах от меня. Вот где мое спасение!

Тогда сослужил мне свою лучшую службу мой старый охотничий нож. С лихорадочной поспешностью начал я подрубать им сосну. Не знаю, сколько я потратил времени. Здоровый человек обыкновенным столовым или перочинным ножом подрезал бы это дерево в несколько раз быстрее меня. Я часто и подолгу отдыхал. Наконец, еще усилие — и сосна повалилась на сумех.

Передо мной был мост в жизнь.

Медленно, отдыхая через каждые полметра, взбирался я наверх. Подтянусь, снова всажу нож в ствол, отдохну, держась за рукоятку, опять подтянусь, снова всажу нож — и так до сучьев. А они были высоко.

Каким же горьким, каким обидным было мое разочарование, когда я очутился в амбарчике! Старые шкуры, глиняный черепок, наконечники стрел, пустые мешочки, обломок сабли да еще какая-то рухлядь — вот и все, что было там. Стоило из-за этого мучиться!..

Но нет! Что-то желтеет вон там в углу... Да, да, конечно, — ведь это мука. Мука! Хлеб...

Ее было граммов двести — отсыревшей, полусгнившей муки, когда-то рассыпанной здесь. Наверное, ни один старатель не собирает с такой тщательностью порошок золота, с какой сгребал я эту вонючую муку.

Через несколько минут я уже пек на костре лепешки, завернув кусочки теста в листья.

ВОЛЯ ЗОВЕТ ВПЕРЕД

А потом... потом я опять шел. Правда, не в буквальном смысле слова. Вернее будет, если я скажу: барахтался в урмане, полз, лез, корчился, карабкался — все, что угодно, но, в общем, двигался.

Меня вела вперед человеческая воля. Она толкала, тянула, тащила меня. Туда, на запад, к заветному жилью манси. Часто очень хотелось лечь, упасть, чтобы не вставать больше. Так хотелось телу. Так сердцу хотелось. Но мозг не велел. Для того ли, чтобы погибнуть, шел я на Ух, мучился, терпел невзгоды?! Я нес с собой ценные научные материалы. Их ждала от меня моя страна. И, наконец, чорт возьми, ведь жизнь еще теплится во мне, искрится! Я шевелюсь, я двигаюсь, я мыслю! Быть может, завтра придет смерть. Но это — завтра. А сегодня... Жизнь слишком дорога, чтобы хоть маленький кусок ее уступить смерти. Нет! Вперед, только вперед!..

На десятый день я наткнулся на охотничий тес, лесную тропу от зарубки к зарубке. По большим и ровным стесам я узнал сильную и ловкую руку знакомого манси Кирилла Дунаева. До юрт оставалось уже совсем немного — меньше 20 километров.

Последние пять или шесть километров я преодолевал сутки. Это выходит... 24 : 6=4. Километр за четыре часа. Четыре метра в минуту. Вот какая арифметика!

Хватаясь за деревья, шатаясь, я еле-еле перебирал ногами.

Упаду — и не могу встать. Ползу. Но это тоже очень трудно было.

Когда я услышал лай собаки, у меня покатились слезы, и я хотел побежать. Рванулся — и упал. Упал и, хоть убей меня на месте, не могу ни встать, ни пошевелиться. Такая обида была!.. Отдышался еле, приподнялся на четвереньки — и дальше.

Мой вид, наверное, был очень страшен. Худой и бледный, грязный, заросший, исцарапанный, трясущийся от слабости и волнения, в одежде, изодранной в клочья, подползал я к юртам. Крайней была юрта Кирилла Дунаева. Я добрался до нее и постучал.

— Кто там? — из-за двери спросила жена Кирилла, Авдотья.

— Это я, — Борис.

— Борис?!

— Ну да, я... Открой, Авдотья.

— А зачем ты пришел, Борис?

— Авдотья, мне плохо... Я хочу есть... открой.

— Иди в урман, тебе там ходить надо.

Моя давнишняя знакомая, обычно, очень приветливая и гостеприимная, она препиралась со мной минут десять. Мужа ее дома не было, все мужчины из юрт ушли в тайгу искать меня. Потом оказалось: Авдотья думала, что это был не я, а явилась из мира мертвых моя тень.

Вот какая была история.

После этого я месяца два болел. Распух весь; цынга мучила. Откуда-то достали мне две сырых картофелины — на четыре приема. Очень хорошее лекарство, помогло.

А на Ухе я думаю побывать еще. Только, надо полагать, экспедиция эта сейчас, через пятнадцать лет, повторится в совсем другом виде. Недавно у меня из тех краев гость был. И кто, вы думаете?..

Входит в комнату низкий, приземистый человек в унтах, в куртке из оленьей кожи. Снял шапку, говорит: «Здравствуйте», а я смотрю на него, вижу — знакомое лицо, но никак не вспомню, кто такой.

— Однако не узнаешь Номина? — говорит.

— Илья!?

Улыбнулся, головой закивал. А мне все не верится, что это он. Побрит, волосы подстрижены, причесаны. И выговор чистый.

— Да как ты в Свердловск попал?

— Приехал вот.

— Садись, пожалуйста, гостем будешь.

Илья оказался попрежнему не слишком многословным.

— В командировку, однако, приехал, — объяснил он, и странно и отрадно было слышать это слово из его уст. — Моторы надо получить. Книги. Дунаева Авдотья приемник просила. Потом...

— Постой, постой. Какие книги, моторы, приемник?

Он удивленно взглянул на меня своими большими светлыми глазами, потом улыбнулся:

— А я моторист. В заповеднике мотористом работаю.

Когда я спросил, не для себя ли он и книги покупать собирается, Илья чуть обиделся и не без гордости сказал:

— Какой такой советский человек, который читать не умеет!

— А Езин, шаман, читать разрешает? — не удержался я от лукавства.

И тут, боюсь, я потерял изрядную долю доверия к себе в душе Номина. Он отвечал с укоризной:

— Однако плохо ты головой думаешь. Сам говорил: шайтана нет. И шамана не надо. Не знаешь разве?.. А старик — худой это был человек, обманщик — умер...

После этой встречи я и подумал, что экспедиция моя будет совсем не такой, как пятнадцать лет назад.

Рудознатцы

Евгений Фейерабенд *Рисунки Крылова*

У меня своя забота;
Я геолог молодой,
Вышел в путь я на охоту
За железною рудой,

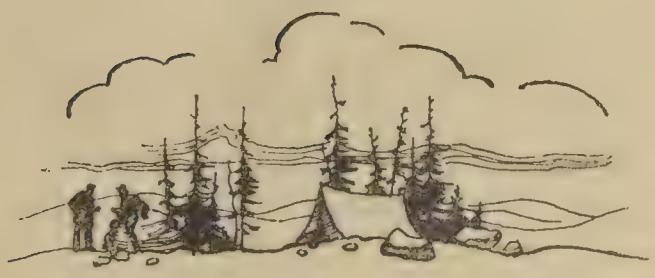
За песками золотыми
Возле речек голубых,
За камнями дорогими
У подножья скал седых.

А под каждою травинкой
Камни яркие горят,
То блестящие росинки
Обмануть меня хотят.

То зажгутся изумрудом,
То мерцают, как опал,
Будто кто-то здесь повсюду
Самоцветы рассыпал.

Скоро солнце выше станет,
Скоро высохнет роса,
Ярким блеском не обманут
Взгляда эти чудеса.

Летний день пригож и долог,
Интересен новизной.
Так шагай вперед, геолог,
Рудознатец молодой.



ЧЕГО ТОЛЬКО НЕТ НА УРАЛЕ!

Академик А. Ферсман

Мы хорошо помним замечательные слова товарища Сталина об Урале, слова простые, яркие и глубокие, как все слова Сталина: «Взять хотя бы Урал, который представляет такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране. Руда, уголь, нефть, хлеб — чего только нет на Урале!» В этих словах, в сущности, не только вся программа развития Урала, в них и обязательство, лежащее на Урале, которому так много дано самой природой!

Трудно перечислить полезные ископаемые Урала, выделить из 800 различных минералов, встречаемых на Урале, те, что составляют главнейшие промышленные богатства Уральского хребта. Трудно это сделать потому, что слишком богат Урал. Гораздо легче перечислить, чего нет на Урале и что надо еще искать в его недрах!

За двухсотлетнюю историю горного дела Урал пережил несколько эпох своего развития. Он был сначала Уралом золота и железа, самоцветов и цветных камней. Постепенно сделался Уралом благородных металлов — золота и платины. Открытие многочисленных редчайших металлов сделало его за последние годы Уралом редких элементов. А создание крупных химических заводов постепенно начнет превращать металлический Урал в Урал химический.

ЗОЛОТО, СЕРЕБРО, ПЛАТИНА

Золото и серебро были одними из первых металлов, которые привлекли к себе внимание человека. Много лет Урал слыл «русской Бразилией», давая громадное количество золота из россыпей, а в последнее время — из глубоких кварцевых жил, каменных ветвей древних гранитов.

Красочна история борьбы за уральское золото! В течение более чем тридцати лет передо мной проходили картины этой борьбы. Хищнически, варварски из богатых рудных жил добывали золото иностранные кампании. С азартом и надеждой на «фарт» (счастье) старатель промывал на несложном станке пески ложков и речонок. Затем несложные станки сменились крупными установками цианирования. В химическом процессе извлекается золото из рассеянных руд, из богатейших серебро-свинцовых и цинковых руд, в которых на тонну руды приходится несколько сот граммов драгоценного металла.

За последние сто лет к золоту присоединился другой металл — платина, платина сделалась теперь одним из важнейших видов стратегиче-

ского сырья. Платина необходима для электропромышленности, химических приборов и точнейших установок военной техники.

Платиновые россыпи Урала положили начало мировой платиновой промышленности. В годы войны сверкающие листочки осмистого иридия и высокое содержание родия привлекли к некоторым платиновым металлам особое внимание. Расширялись и развивались платиновые россыпи на Среднем и Северном Урале. На смену им приходили коренные месторождения, из которых после размалывания хромитовых шлифов получались блестящие и тяжелые зернышки платиновых металлов, этого «исчадия мрака и тяжести», — так называл их академик Севергин.

ЦВЕТНЫЕ И РЕДКИЕ МЕТАЛЛЫ

Многочисленные цветные металлы положили начало новой отрасли горной промышленности. Ее сравнительно мало знал царский Урал, добывавший лишь медь и немного цинка. Сейчас по меди Урал занял ведущее место в стране. Его медные рудники разбросаны на всем пространстве хребта. Уходя далеко в южные отроги, они тянутся длинной прерывистой полосой вдоль восточных склонов. Каждый год открываются все новые и новые медные месторождения.

Медный Урал еще не сказал своего последнего слова. Много упорной научной работы надо провести, чтобы овладеть всеми медными богатствами Урала.

С медью в некоторых месторождениях тесно связан и второй металл, играющий большую роль, — цинк. Несколько уступает ему тяжелый металл войны — свинец. Еще меньше найдено пока на Урале олова. Только на далеком его севере наметились отдельные жилы с оловянным камнем.

Известны отдельные скопления руд сурьмы и мышьяка. Но самую грандиозную картину представляют собой руды алюминия, многомиллионные запасы которого открыты на далеком Севере и тянутся от Ивделя до степей Северного Казахстана.

Если к этому списку прибавить мировые богатства магния соликамских соляных месторождений, то сделается ясным, какую огромную роль играют цветные металлы на Урале.

Тесно связан с цветными металлами и ряд редких металлов. Мало известные в общежитии, они играют значительную роль в промышленности и сельском хозяйстве. Мы говорим о кобальте, висмуте, кадмии, индии и об их спутниках — селене и теллуре.

ОСНОВНОЕ БОГАТСТВО

Основным богатством Уральского хребта являются его железные руды и легирующие металлы, необходимые для высокосортных специальных сталей.

Железорудные богатства Урала — основа и мощь его горного дела. Их значение не только в грандиозности запасов, — крупнейшие место-

Старатель берет пробу.

1, 2, 3. С давних пор бродят по уральским лесам старатели — искатели золота с ними — ковш для опробования породы, вороток и лоток — «бутора». Старателей можно встретить в любой части обширного края, золото на Урале — почти повсюду. Несколько лет назад, когда в Свердловске ремонтировалась плотина городского пруда и вода в пруду была спущена, старатели появились в самом центре города: они мыли золото на обнажившейся части дна.

В советское время на помощь ручному труду старателя пришли мощные электрические драги. Это — целые фабрики, медленно переползающие с места на место.

Старатели за промыской золота в районе Миасса.

Драга. Эта драга работает совсем недалеко от Свердловска, по дороге на Пышму и озеро Балтым.

Часть доменного цеха Ново-Тагильского металлургического завода.

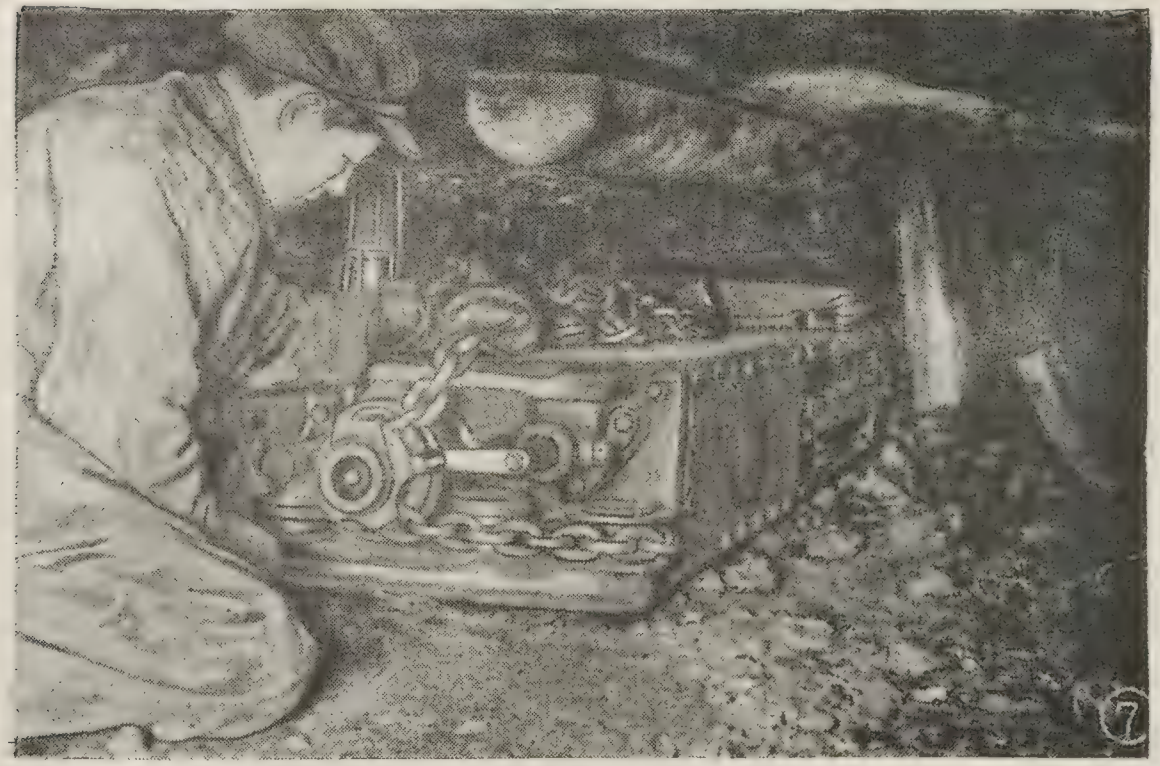
4, 5. Гордость Урала — черная металлургия — чугун и сталь, железные руды. В годы сталинских пятилеток построены крупнейшие металлургические заводы — Ново-Тагильский и Магнитогорский. Последние домны этих заводов (вторая на Ново-Тагильском и пятая и шестая на Магнитогорском) построены в дни Великой Отечественной войны. Магнитогорский гигант один дает столько металла, сколько не давала его вся царская Россия. Другого такого завода нет в Европе. Его шесть гигантских домен питаются рудой, которая добывается тут же в горе Атач. Эта гора из железа; причем та часть ее, что возвышается над поверхностью земли, значительно меньше той, что находится в земле. Магнитогорской рудой питается выстроенный в Сибири Кузнецкий металлургический завод.

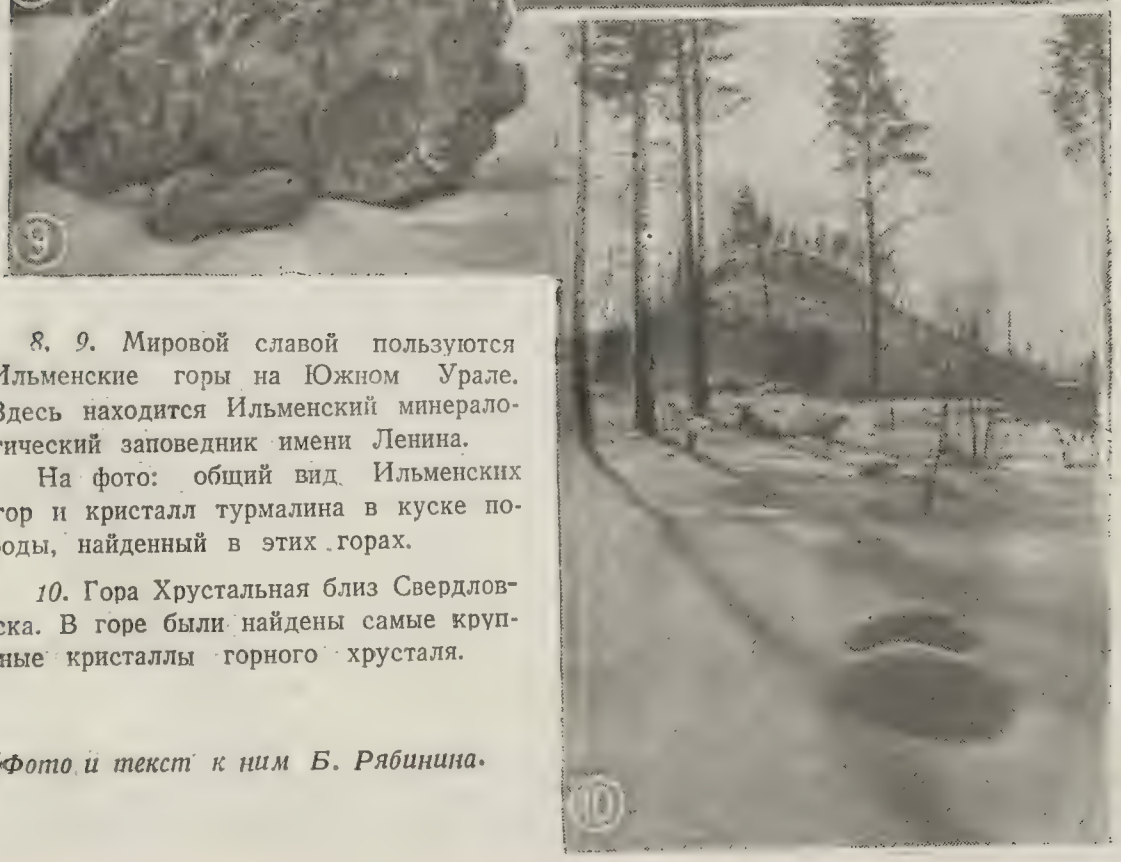
Рудник на горе Атач. Справа видна вершина горы и уступы, по которым шла выемка руды.

6. И нефть есть на Урале! Огромный нефтеносный район по рекам Каме и Волге, в Башкирии, на Южном Урале принято называть «вторым Баку». А солей, из которых делают драгоценный «камень урожая» — калий, на Урале столько, что их хватило бы, покрыть толстым слоем всю Западную Европу. Когда геологи производили разведки на соль и бурили скважины, то сначала закладывали скважины через несколько десятков метров, потом стали закладывать через полкилометра, потом через два, пять, десять, пятьдесят километров — и под землей все была соль... Из этих солей добывают и чудесный легкий металл — магний. На базе этого месторождения солей в годы пятилеток построены химические заводы в Березниках, калийный комбинат в Соликамске.

На фото: нефтяные вышки в Краснокамске.

7. В недрах Уральских гор находятся громадные запасы и горючей энергии — каменного угля. Северный уральский город Кизел с его угольными шахтами называют «уральской кочегаркой». Много угля дают угольные шахты Копейска близ Челябинска, в Егоршино, карьеры в Богословске и на Волчанке. На снимке вы видите забойщика в одной из шахт Кизеловского угольного бассейна. Мощной врубовой машиной он подрубает угольный пласт.





8. 9. Мировой славой пользуются Ильменские горы на Южном Урале. Здесь находится Ильменский минералогический заповедник имени Ленина.

На фото: общий вид Ильменских гор и кристалл турмалина в куске породы, найденный в этих горах.

10. Гора Хрустальная близ Свердловска. В горе были найдены самые крупные кристаллы горного хрусталя.

Фото и текст к ним Б. Рябинина.

рождения в сотни миллионов тонн разбросаны по всей территории Урала, — но и в том, что мы имеем на Урале самые разнообразные типы железных руд. Эти руды исключительной чистоты, совершенно лишенные серы и фосфора, руды, богатые примесью апатита, дающие фосфорные шлаки, руды, содержащие сами по себе большое количество нужных добавок для специальных видов стали — хрома и никеля. Наконец, на Урале есть руды, богатые титаном и ванадием, знаменитые титаномагнетиты восточного и западного склонов Урала.

Все больше раскрываются марганцевые богатства Урала. Этот нужнейший для черной металлургии металл до сих пор привозился на Урал с Кавказа или с Украины. Теперь его месторождения найдены и на севере, в районе Ивделя, и на Башкирском Урале, и около Орска.

СОЛИ

Грандиозные запасы разнообразных солей в Соликамске, — не только каменных солей, но и хлористого калия, солей магния и брома, — определяют будущие пути этого мирового месторождения.

Урал в течение многих лет является для всего Союза основной базой сернокислотной промышленности — этого нерва химической промышленности страны. Уральский серный колчедан, отделенный от медной руды, развозился по промышленным центрам Союза. На нем базировалось производство серной кислоты.

Еще недооценены уральские богатства фосфора, представленные фосфоритами и железными рудами, богатыми фосфором, на Среднем Урале.

В районе Челябинска к Уралу примыкают озера, богатые сульфатом натрия, идущего для изготовления стекла.

НЕМЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИСКОПАЕМЫЕ

Велик список неметаллических ископаемых, которые только сейчас начинают привлекать внимание горной промышленности. Это прежде всего сырье для производства фарфора и фаянса, для тонких изоляторов — полевой шпат, каолины и разного сорта глины. Это сырье для «припаса» в черной и цветной металлургии, великолепные огнеупорные глины, грандиозные, мирового масштаба магнезиты, разнообразнейшие тальки и тальковые камни, сплошные оливиновые породы, выдерживающие температуру 1600—1700 градусов. Трудно представить себе более совершенные огнеупоры, чем те, которые дает для нашей металлургии Урал.

Особое место на Урале занимают асбест с его мировыми месторождениями у Баженова, под Свердловском, слюда отдельных месторождений, графиты и разного рода абразивы, широко применяемые для обработки металла.

Необычайно разнообразные строительные материалы Урала только сейчас начинают вовлекаться в строительство страны — трепелы и опо-

ки, прекрасные гипсы, кварцевые жилы, самые разнообразные шлаки металлургического производства, годные и для строительства, и для дорог, и для цемента.

Уральское неметаллическое сырье намечает одну из блестящих перспектив его будущей промышленности. Грандиозность запасов и их разнообразие, пожалуй, нигде в мире не повторяются.

САМОЦВЕТЫ

Урал знаменит своими самоцветами — декоративными и цветными камнями. Мы знаем более 55 видов самоцветных и цветных камней на Урале. Кто не видел фиолетового аметиста Ватихи, блестящих дымчатых топазов Мурзинки, или пестроцветных яшм южных цепей Уральского хребта?

Самоцвет играл и будет играть в уральской промышленности значительную роль не только как поделочный и драгоценный камень для безделушек, но и как техническое сырье.

Яшма и горный хрусталь, различные сорта мрамора, мягкие змеевики, твердые пятнистые порфиры и гипсы, — все это составляет особые виды сырья. Самоцвет в ювелирных изделиях уступает место маленькой топочке из халцедона или агата в счетчике или бусоли, трехгранной призме, в точных весах химика, тонкой кварцевой пластинке в радиоустановках.

Я пытался очень кратко и просто перечислить только те полезные ископаемые, которые мы знаем на Урале. К ним надо еще прибавить его крупнейшие богатства энергетического сырья — нефти и угля.

БУДУЩЕЕ УРАЛА

Пусть следующие строки будут полетом в будущее. Оно придет может быть, гораздо скорее, чем мы это думаем, придет еще более грандиозное, яркое и прекрасное!

Урал тянется на карте длинной лентой, как бы отделяющей Европу от Азии. Многие хорошо знают исторический столб, который стоит на Большом Сибирском тракте. На нем с одной стороны написано «Европа», а с другой — «Азия».

Но Урал далеко не заканчивается там, где обрываются нити железных дорог. Он тянется еще тысячи километров к северу, загибается в хребет Пай-Хоя, проходя к Карскому морю, перебрасывается на острова Новой Земли и заканчивается только на далеком Севере у знаменитого мыса Желания, покрытого вечными снегами и льдами.

Не обрывается Урал и там, на юге, где горное течение рек Урала и Сакмары разрезает безлесные склоны южных цепей, где сплошные безводные, а далее полынные степи Казахстана скрывают ушедшие в глубины отроги Уральского хребта. Снова в горах Мугоджар, через которые вьется Среднеазиатская железная дорога, воскресают линии уральских цепей. Геологи открывают их отроги, скрытые в глубинах

Далеко за пределами Урала славятся красотой реки Чусовая, Вишера, Белая... Люди едут издалека, чтобы совершить путешествие в лодке по Чусовой.

Перед нами река Пышма вблизи Сухого Лога. В прибрежных скалах по Пышме много пещер, на берегах находятся большие залежи огнеупорных глин и других полезных ископаемых. В советское время в Сухоложье построены большие заводы: цементный, шамотный и другие.

Фото Б. Рябинина

около Аральского моря. Снова встречаем мы знакомый Урал на берегах Аму-Дарьи. Здесь у самых берегов могучей реки, в горном хребте Каратау, в стране узбеков и каракалпаков, мы видим любимый уральский пейзаж.

Когда в трудную экспедицию 1932 года мы посетили пески Кызыл-Кумов и проникли далеко на север от Бухары и Самарканда, навстречу Уральскому хребту, мы — старые уральские работники — неожиданно увидели среди песков знакомые нам картины. Отдельными островами вырисовываются на фоне песчаной пустыни и полынных степей могучие хребты — остатки древних уральских цепей. Все те же полезные ископаемые, все те же горные породы, все тот же родной облик Уральского хребта! Вот синие корунды-наждаки, которые мы много лет изучали около Кыштыма. Вот пегматитовая жила с минералами настоящей Мурзинки, тальковые и змеевиковые породы, зеленые, скользящие, как чешуя змеи. Вот те же черные сланцы и яшмы Южного Урала, графитовые месторождения, месторождения руд, меди, асбеста!

Еще дальше, за Ташкентом, где вздымаются вершины Тянь-Шаня и начинается могучий хребет, уходящий далеко на восток, снова знакомые виды, виды Урала, радуют наш взор! И те же картины далекой истории раскрывают нам недоступные вершины Тянь-Шаня, правда, омоложенные могучими движениями последних десятков миллионов лет.

Урал — это грандиозная цепь, протягивающаяся на четыре тысячи километров, загибающаяся к востоку и сливающаяся в Центральной Азии с великими хребтами Гиндукуша и Гималаев.

В последние 20 лет центры уральской промышленности перемещаются на юг. Вслед за Кыштымом и Златоустом развиваются Миасс и Челябинск. Далее на юг растут мощные золотые и особенно медные центры только что открытых Учалов и Сибая.

Магнитка привлекает к себе соседние месторождения железа и марганца, огнеупоров и флюсов.

Еще далее, к Орску, и, наконец, у самого Орска, в этом узле Южного Урала, раскрывается будущее уральской промышленности.

Сказочны богатства Орского района! Яшмовая гора как крепость, стоит среди плодородных полей. И здесь, на полях почти украинского, южного ландшафта, — крупные рудники с миллионами тонн богатейших руд.

Орск — город яшмы. На мягких увалах, где начинаются казахские степи, — мировое месторождение знаменитых орских яшм. Тяжелыми кувалдами разбиты серые неказистые глыбы, а внутри них — дивный рисунок, незабываемый и непередаваемый, то резкий в своих кричащих тонах, то мягкий, переливающий, без теней и графики.

Что еще принесет юг Урала в борьбе за его новую горную промышленность? В глубинах разрушенных уральских цепей намечаются новые богатства — богатейшие хромовые руды, напоминающие кожу леопарда, темнозеленые змеевики с отливами настоящей змеи, новые месторождения никелевых руд с их пестрой раскраской и, наконец, красные, как железная руда, бокситы, руды алюминия для постройки самолетов!

Сотни километров нефтепровода соединят орский индустриальный центр с нефтяными богатствами Эмбинского района. Новые железнодорожные пути доставят сюда богатейшие карагандинские угли.

Сотни и тысячи сверкающих под летним солнцем озер готовят свои соли для создания величайшего центра химической промышленности.

Будущее Урала заключается не только в расширении на север, к Ледовитому океану, но и в выходе на юг.

Несколько новых железнодорожных линий постепенно свяжут нас с цветущим югом Средней Азии. Они на тысячи километров сократят пробег грузов к солнечному Ашхабаду, проникнут через Каракумские пески дальше на юг, установят связи Урала с этой черной пустыней, с нефтяными богатствами Копет-Дага. Новые железнодорожные пути принесут на Север вести о плодородии, красоте наших субтропиков, приблизят Урал к солнечному Югу, где смыкаются границы среднеазиатских республик и Ирана.

Долгое время геологи считали, что главные богатства Урала сосредоточены на юго-восточном склоне. А между тем, сейчас все большее внимание привлекает запад Урала.

Шаг за шагом геологи открывают новые богатства — железную руду Западного Урала. Целое кольцо медных руд окаймляет с запада Уральский хребет, начиная от предгорий Чкалова и кончая городом Молотовым. Все шире и богаче здесь картина соляных месторождений.

Западная часть Урала постепенно включается в горную промышленность. Увлекательные перспективы осуществятся, когда Куйбышевская плотина даст энергию всему Южному Уралу. Там оживет нефтяная промышленность, а угольный бассейн Печоры превратится в могучий источник энергии всего Уральского хребта. И если главное его богатство — металлы — будет давать восточный склон Урала, то могучая энергия воды, угля и нефти придет с западного. Сырье и энергия сплетутся в единый гигантский индустриальный узел.

Мы еще не поняли огромного значения западных и северо-западных склонов Урала. Передо мной только приподнялась завеса, когда пришлось познакомиться с далекой Печорой. Зимой 1940 года я проехал на автомобиле свыше полутора тысяч километров, чтобы посетить знаменитую Ухту, собственными глазами увидеть бесконечную панораму печорских лесных просторов, понять огромное будущее могучего края, почти лишенного населения. Сотни километров санного и автомобильного пути на Печоре идут сплошными лесами, через широкие долины могучих северных рек.

Впервые в этом замечательном крае мы знакомимся с угольными и нефтяными богатствами. Они сыграют исключительную роль в энергетическом снабжении Урала.

Посмотрите на карту Урала и Западносибирской низины. Многочисленные озера на юге отдельными пятнами покрывают Западносибирскую низменность. Болота, бесконечные леса и равнины почти без путей сообщения и без городов покрывают низины могучих рек Тавды, Нейвы, Пышмы и Тобола. Что таит в себе эта страна, покрытая леса-

ми и болотами на севере, прекрасными плодородными полями на востоке, многочисленными озерами и сочными степями на юге? Параллельно длинной узкой полоске современного Урала тянутся в виде таких же полос или дуг скрытые в глубинах могучие горные хребты. Их открывают геофизики своими приборами, о них мы только случайно судим по обрывам глубоко врезавшихся рек. К ним все ближе подтягивается уральская промышленность.

Широко развиваются угольные месторождения по всему восточному склону Урала. Все точнее геологи подсказывают вероятные места новых угольных скоплений, скрытых под поверхностью плодородных пашен.

Сюда, на восток, уходит новая могучая алюминиевая промышленность. Там, где раньше были расположены хлебные центры Камышлова и Каменска, возникают крупнейшие индустриальные предприятия, извлекаются богатейшие огнеупорные глины и угли, открываются лучшие кварцевые пески для стекольной промышленности и алюминиевые руды для самолетов.

Видимый Урал, тот хребет, который мы знаем, с его красивыми вершинами на юге, около Златоуста, с мягкими пологими хребтами около Свердловска, с суровыми высотами около Денежкина Камня, — этот Урал — только часть огромной геологической системы.

Далеко на север и юг, восток и запад простираются богатства Урала, скрытые в глубинах его могучих хребтов. Правда, сегодня еще трудно сказать, где начинается и кончается Урал. Но геологи постепенно раскрывают тайну его контуров. Глубокие буровые скважины, волны электроприборов и больших искусственных взрывов проникают в неведомые глубины земли и открывают границы Урала.

Можно сказать совершенно определенно: нет в мире другого уголка земли, где бы были сосредоточены столь грандиозные запасы ископаемых богатств! Нет в мире другой страны, которая явила бы больше стратегического сырья, имела бы большее разнообразие природных богатств!

ПЕСНЯ УРАЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Еф. Ружанский

1.

Уральские просторы,
Чудесная земля!
Мы любим наши горы,
Озера и поля.

Мы устали не знаем
В учебе и труде
И песнею встречаем
Мы в школе каждый день.

Припев:

Светит яркое солнце над нами,
Каждый солнцу и юности рад.
Пусть летит над родными горами
Наша песня уральских ребят!

2.

Уральские ребята!
Спокойно, не спеша
На праздничном параде
Пройдем, чеканя шаг.

И с высоты трибуны,
С портрета — нам рукой
Помашет, улыбнется
Наш Сталин дорогой!

Припев.

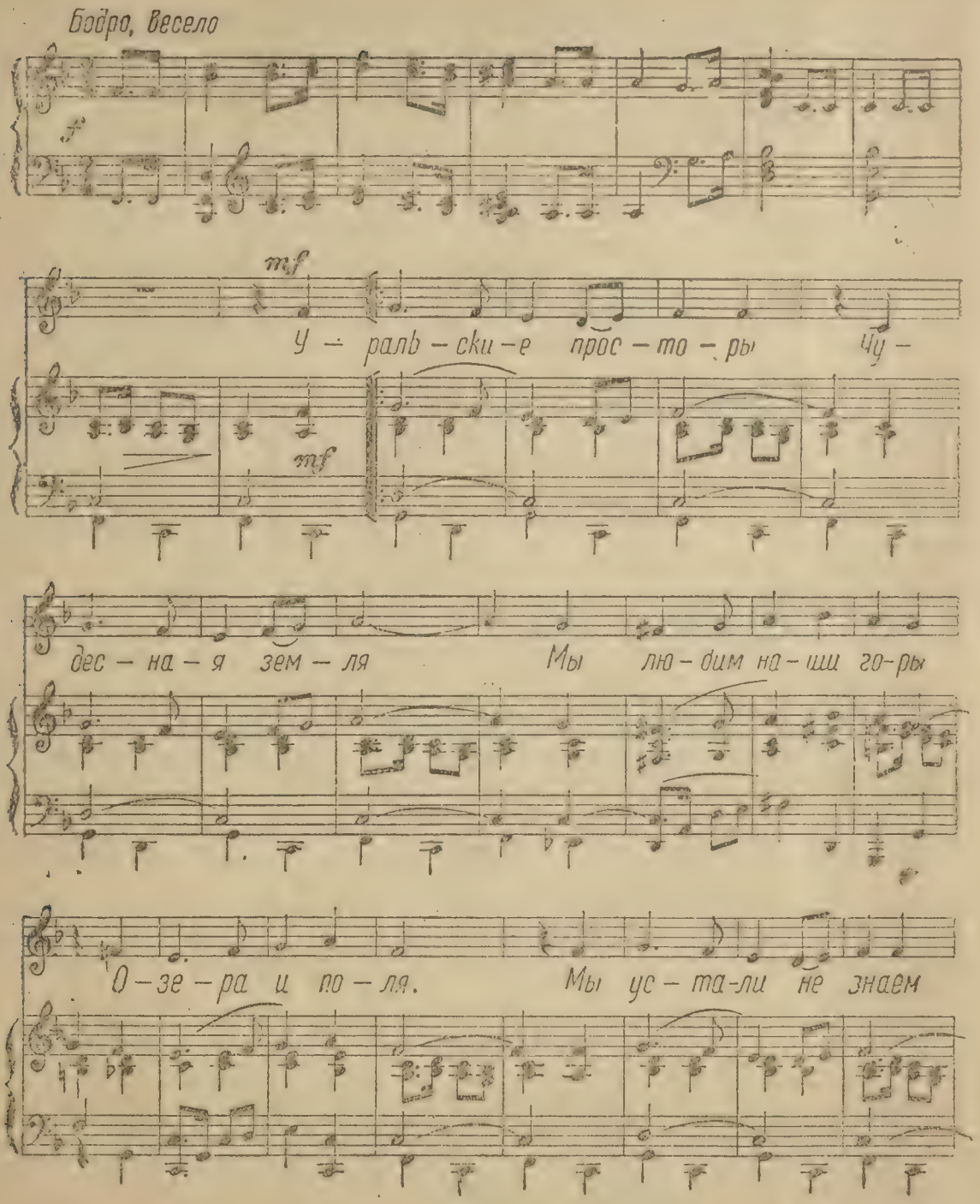
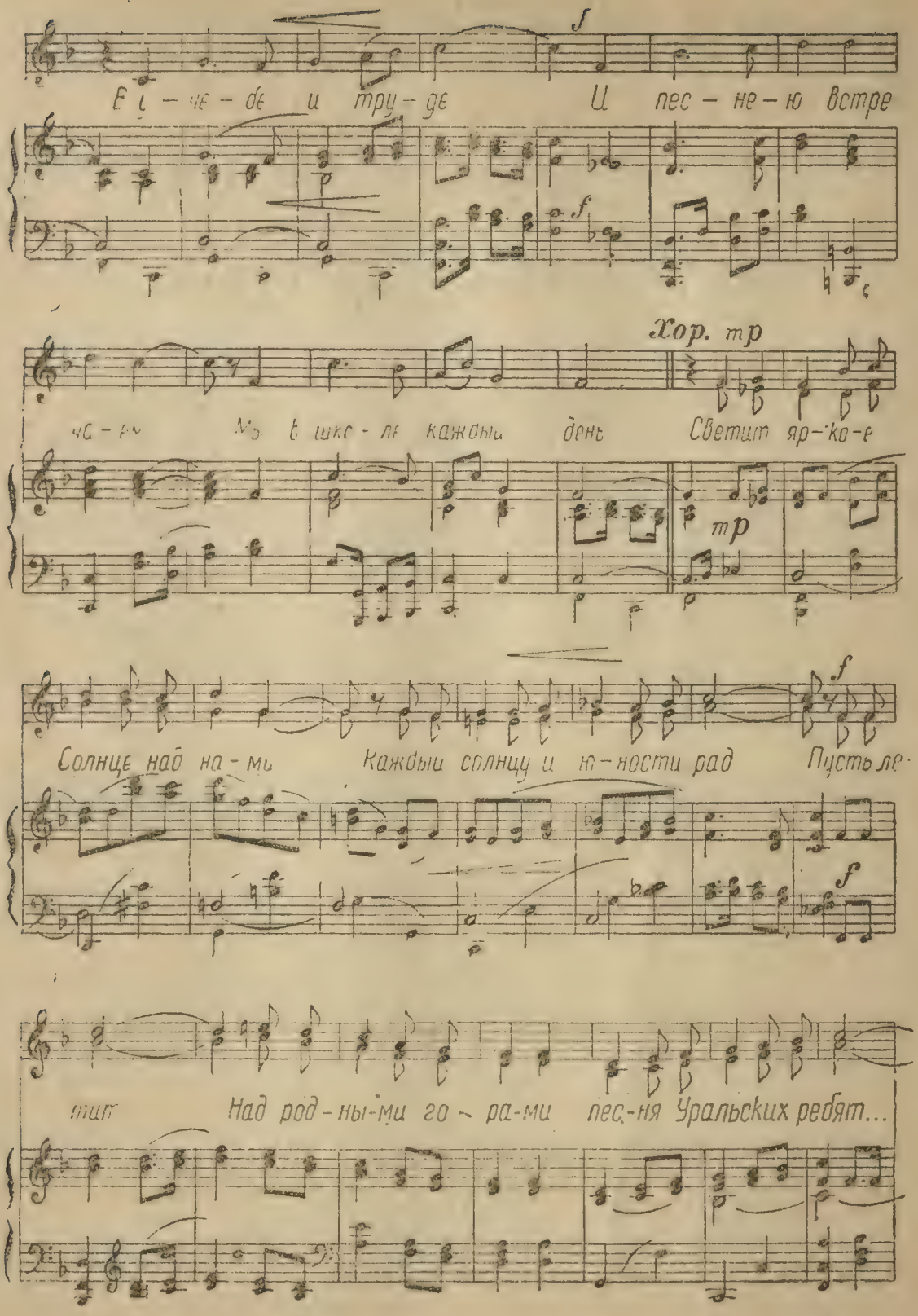
3.

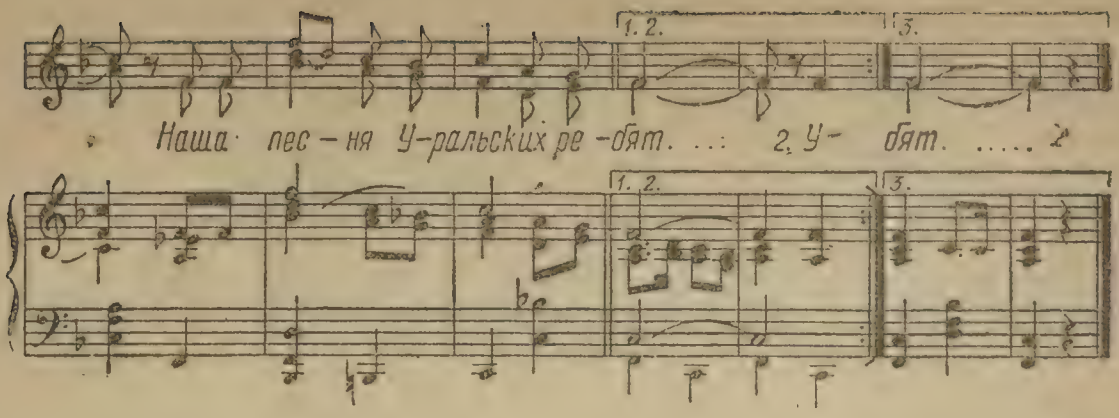
Учиться в годы эти
Отлично мы должны, —
Для новых пятилетий
Ученые нужны.

Мы вырастем, откроем
Богатства наших гор,
Заводы мы построим
И покорим простор.

Припев.

ПЕСНЯ УРАЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Муз. Бор. Гибалина *Слова Еф. Ружанского*


f
Е ще де и три де И пес не ю ветре
p
f
Хор. тр
ча ем В шко ле каждый день Светит яр ко е
тр
f
Солнце над на ми Каждый солнцу и ности рад Пусть ле
f
тит Над род ны ми го ра ми пес ня Уральских ребят...


1. 2.
3.
Наша пес – ня У-ральских ре-бят. ..: 2. У- бят. 2

СОДЕРЖАНИЕ

К Мурзиди — Баллада о пионерском разведчике 3
И. Ликстанов — Поход в синий туман 5
А. Кузнецова — Восьмерка, Теннис, Цветок (*стих.*) 52
В. Великанов — Вася Воронков 55
Ол. Коряков — Падение племени иескелов 59
Н. Попова, Е. Хоринская — Глобус 74
С. Самсонов — Поединок 89
Е. Хоринская — Саша (*стих.*) 92
Ю. Хазанович — Донесение в штаб 95
В. Козлов — Смертельная схватка 100
Л. Фокин — На реке Ух 105
Е. Фейерабенд — Рудознатцы (*стих.*) 121
А. Ферсман — Чего только нет на Урале! 123
Е. Ружанский — Песня уральских школьников 131

Редактор *А. Салынский*

*

Подписано в печать 3/I 1948.
Печ. л. 8 1/2 + вкл. Уч.-изд. л. 9,97.
Формат 70×92/16. Тираж 15000.
НС 00601. Цена 5 руб. Зак. 2062.

*

5-я типография треста «Полиграфкнига»
ОГИЗ'а при Совете Министров СССР.
Свердловск ул. Ленина, 47.

*

Научно-

СПОРТСМЕН-ПОДЬ

Выпуск 85

10669096
SOBD

Уч.
Цена 4

Ордена «Знак
СССР «Патриот».
ский просп., 22.

Областная книжная типография,
320091, г. Днепропетровск, ул. Горького 20.